

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№3 (03)
2023**

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№3(03)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- ВАН ЦЗИНЬЛИН, СЮЙ ЛЭ, ЧЖАН ЦЗЫСИН Метафорические выражения в древнекитайской поэзии и тактики перевода на русский язык – на примере стихотворений с образом «ветер» эпохи Тан 4
- БОГОМАЗОВА В.В., ИОНОВА Т.А., КУЛЕШОВА П.П. Лексические и грамматические проблемы перевода в процессе локализации англоязычных компьютерных игр.....13
- АЛЯЕВА Л.С. Специфика терминологии англоязычного курса моды и особенности ее перевода на русский язык.....20
- ГУЛИНОВ Д.Ю., ФЕДОРОВ Ф.Д. Реализация стратегий вежливости и невежливости в испаноязычном политическом дискурсе25
- ГУЛЯЕВА М.А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи31
- ПИМЕНОВА М.В., АЙДАРБЕКОВА А.С., ИБРАИМОВА Г.О. Символическая когнитивная модель «душа – бабочка» и ее варианты в русской лингвокультуре39
- КОРОБКИНА Н.И. Генезис, базовые признаки и объем понятийной диады «добро-зло»45
- ХАНОВА А.А. Топонимы, гидронимы и антропонимы в китайских нарративах о Великом шелковом пути.....52
- БОБЫРЕВА Е.В., РЯБУХ А.В. Языковые средства передачи девиантного поведения современной молодежи (на материале американских кинофильмов).....58

Главный редактор
Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора
К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
О.А. Кравченко
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

КУЦЕВАЛОВА А.В. Современные подходы к изучению паратекстов63

УВАРОВ А.А. Академический дискурс: проблемы определения и подходы к исследованию68

КАБАК В.Ю. К проблеме определения понятия «морской дискурс»73

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

ХРАМУШИНА О.С. Функции внутрисловного стихового членения в современной русской поэзии.....78

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ЗИМИНА Н.В. Англоамериканские заимствования в корпусе немецких глагольных неологизмов84

ТИТАРЕНКО Н.В. Основные тенденции заимствований в лексической системе современного испанского языка89

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУМЦЕВ И.И. Образная дихотомия «Поле» и «Ветер» в поэзии Е. Блажеевского94

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

КРАСАВСКИЙ Н.А. О когнитивно-коммуникативном подходе к изучению триады «Язык, культура, коммуникация» (рецензия на монографию Седых А.П. «Язык, культура, коммуникация: французский мир». – Белгород, ООО «Эпицентр», 2022. 152 с.)99

КАРАСИК В.И. Коммуникация как творчество: Рецензия на книгу Харченко В.К. «Язык руководителя социальной группы, или “Танцы под дождем”»: монография (М.: Изд-во ИНФРА-М, 2023. – 148 с.) 103

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	106
Information about authors.....	108
Состав редакционной коллегии	110
Состав научно-редакционного совета.....	110

Подписано в печать
25.09.2023

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 10,7
Тираж 1000 экз.

Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 25/09/1

Выход в свет
20.10.2023

Цена свободная

© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

**ВАН ЦЗИНЬЛИН,
СЮЙ ЛЭ,
ЧЖАН ЦЫСИН**
Чанчунь, КНР

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ И ТАКТИКИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК – НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ С ОБРАЗОМ «ВЕТЕР» ЭПОХИ ТАН

Рассматриваются особенности древнекитайской поэзии эпохи Тан и вопросы, связанные с методами ее перевода на русский язык, на примере стихотворений с метафорами-образами ветра. В нашей практике перевода метафоры применялись методы параллельного именованя с сохранением исходного метафоры-образа и передаваемой информации с некоторым преобразованием структуры.

Ключевые слова: древнекитайская поэзия, метафоры-образы, методы перевода, замысел оригинала.

Значение метафоры трудно переоценить. В основе метафоры, как известно, лежат ассоциации. В структуре метафоры выделяют объект (это то, что определяется) и источник метафоры (то, с чем ассоциируется объект). Связь между объектом метафоры и ее источником основывается на наличии общего признака в сознании говорящего [4, с. 180]. В.В. Виноградов различает языковую и художественную метафору [3]. Языковая метафора, являясь результатом отражения понятий внешнего мира, представляет собой неизменный элемент лексики и воспроизводится в готовом виде. Языковая метафора рассматривается как «удвоение денотата и перераспределение сем между денотативной и коннотативной частями лексического значения», – утверждает Г.Н. Скляревская [9, с. 15]. А художественная метафора, как полагает В.В. Виноградов, в основном демонстрирует индивидуальное использование словесных сочетаний автора [3, с. 249] и носит творческий характер [8, с. 112]. Таким образом, художественная метафора субъективно выражает авторские чувства, эмоции, выполняя эстетическую функцию. Метафора особенно часто встречается в поэзии. Для большинства людей метафора – это поэтическое или риторическое выразительное средство. Поэтическое творчество автора часто определяют посредством характерных для него метафор. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «метафора органически связана с поэтическим видением мира. Само определение поэзии иногда дается через апелляцию к метафоре» [1, с. 16]. Восприятие и осмысление метафор, использованных поэтом в стихотворении, являются предпосылкой понимания всего замысла и целого голоса поэта. Текст перевода нередко называют «окном в мир». Понять поэзию другого народа – значит понять другой национальный характер, эмоциональный мир другой культуры и содержащиеся в ней образы и метафоры. Стихи китайских поэтов обладают своей системой образов-метафор, с помощью которых они выражают свои чувства и отношение к окружающему миру и общественно-политической жизни. В данной статье мы рассмотрим особенности метафоры в древнекитайской поэзии эпохи Тан и вопросы, связанные с методами ее перевода на русский язык. Примера-

ми анализа служат стихотворения, опубликованные в коллективной монографии «Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии» [2].

1. Обзор древнекитайской поэзии эпохи Тан и философские основы стихотворчества.

История китайской поэзии началась с 11-го в. до н. э. У каждой династии Древнего и Средневекового Китая есть свои выдающиеся поэты и шедевры поэтического творчества. Поэтические инновации сочетаются с преемственностью традиций. Вершиной в истории развития китайской поэзии явилась эпоха Тан (618–907 гг. н. э.). Недалеком эту эпоху и дальнейшую династию Сун называли «золотым веком» китайской поэзии. В этот период закончилась относительная регламентация поэтического творчества, возникла почва для нового поэтического самосознания, поэзия стала определять меру человеческих взаимоотношений и человеческого взаимопонимания: каждому важному событию в политической, общественной или личной жизни непременно сопутствовало несколько строк изящной словесности [11, с. 3]. Процесс регламентации поэтического творчества длился не один век, что дает возможность проследить развитие поэзии и основные направления этого пути. Более того, регламентация и общие правила не мешали индивидуализации поэтического высказывания, а предполагали многочисленные варианты эстетического восприятия. Доказательством этому может служить относительно лимитированная тематика стихотворений при бесконечном количестве интерпретаций каждой темы. Сложность понимания древней и средневековой китайской поэзии обусловлена, с одной стороны, изменениями в системе языка, а с другой – многозначностью каждого иероглифа. Если считать контекстом окружение, достаточное для точного понимания многозначного слова, то контекст может варьироваться от минимального словосочетания или упоминания фактической детали до всего творчества автора.

Контекстом могут служить фоновые знания истории, реалий, обычаев страны и т. п., т. е. контекст может быть не только лингвистическим, но и культурно-фактуальным. По сравнению с западной поэзией древнекитайская отличается своим особым свойством как на лексическом и синтаксическом уровнях, так и на уровне художественного замысла автора. С точки зрения эстетического опыта может показаться, что в стихотворениях разных поэтов не существует явной разницы и разрыва в эпохальном и содержательном аспектах. И наоборот, поэтическое творчество китайских поэтов разных эпох и школ пересекается и образует взаимосвязанное целое между разными поэтами различных эпох. Однако без понимания древнекитайской философской мысли невозможно было бы понять подлинный смысл древнекитайского стихотворения, в котором правило творчества тесно связано с законом движения Вселенной, т. е. творчество древнекитайской поэзии должно было соответствовать философской идее единства неба и человека. Стандартом хороших стихотворений в древнем Китае всегда являлась ориентация на общие человеческие чувства, связанные с философской концепцией подчинения человека небу и земле. Такое явление проявлялось в том, что древнекитайские стихотворения, характеризующиеся лиризмом, выражают не столько индивидуально эгоцентрические чувства, сколько общечеловеческие чувства и социальную ответственность, что признается выше всего. Другими словами, чтобы их стих стал общепринятым обществом и вошел в ряд первостепенных стихотворений, поэты каждого поколения Китая пытались рассматривать социальные и политические конфликты с точки зрения общих человеческих концепций и патриотических мыслей, пытались скрывать индивидуально-собственные чувства и стремились идти по общим принципам и нормам стихотворного творчества. И в этой связи китайские поэты создавали многочисленные стихотворения, в которых их собственные чувства выражались имплицитно с помощью эксплицитного описания внешнего мира. Это образует особую бескорыстную осознанность в стихосложении древнекитайских поэтов [12, с. 81]. Поэтому поэт чаще всего посредством

описания природы реализует переход от индивидуальных лирических чувств к общим бескорыстным человеческим чувствам, что отражает традиционную философскую концепцию Китая о соединении человека с небом и землей. Для примера приведем стихотворение «Поднимаясь на пагоду Юэян» Ду Фу (杜甫 登岳阳楼») (см. [2, с. 216–220]):

昔闻洞庭水，今上岳阳楼。
吴楚东南坼，乾坤日夜游。
亲朋无一字，老病有孤舟。
戎马关山北，凭轩涕泗流。

Построчный перевод:

Раньше слышал я об озере Дунтин,
Сегодня удалось подняться на пагоду Юэян.
Безбрежная вода озера разделила государства У и Чу,
Солнце и Луна как бы днем и ночью по озеру поочередно плавают.
Ни одного слова не приходит от родных и друзей,
Старый, больной, на одинокой лодке я скитаюсь.
На севере опять начались военные действия;
Опираясь на окна, смотрю вдаль, и у меня слезы льются.
(Перевод Ван Цзиньлин)

Литературный перевод:

Об озере Дунтин услышать довелось...
Как пагоду осилил – не пойму.
Увидел государства Чу и У,
Увидел рядом Солнце и Луну.
Нет весточки от дорогих людей.
Куда я, старый, лодку поверну?
На севере опять затеяли войну,
Гляжу печально на свою страну.
(Перевод Я.М. Колкера)

Это стихотворение является самым известным из пятисложных стихов Ду Фу и считается лучшим из созданных в период расцвета эпохи Тан. Если рассматривать в общих чертах это стихотворение, то можно заметить, что мощь и широта родной земли проявляются в этом стихе и прямо, и в подтексте. Хотя общий тон стиха печален, но в стихотворении нет безнадежности. Наряду с собственными бедами поэта беспокоит судьба страны. Следуя традиции описания пейзажа с высоты, поэт несколько отклоняется от традиционной манеры письма. Гладь озера Дунтин словно вбирает в себя и землю, и небо. Это впечатление помогает поэту выразить заботу обо всей стране в целом. В каждой паре строк отражен контраст – между прошлым и настоящим, между большим и малым, между личными чувствами и переживаниями патриота, между бескрайностью вселенной и попытками власть имущих ее поделить на отдельные «лоскутки», между невозмутимостью природы и непрекращающимися военными действиями, между радостью и печалью. Несмотря на старость и скитание всю жизнь, поэт все равно имеет широкую душу, как озеро Дунтин, заботится о судьбе государства.

Наряду с соблюдением общего бескорыстного принципа творчества каждый поэт передает свой индивидуальный поэтический голос, имеет свой поэтический стиль и использует свои образные средства. В каждом классическом стихотворении гармонично сочетаются эксплицитный пейзаж и имплицитно выражающийся внутренний лиризм, и в их соотношении отражаются глубокая философская мысль и логическая связь между внешним миром и внутренним замыслом поэта. Одним из главных способов достижения бескорыстности в стихотворении древнекитайских поэтов является использование образов-метафор.

2. Метафора в древнекитайской поэзии эпохи Тан и сложности ее перевода.

Базовая особенность метафоры – ее метафоричность. В метафоре, по мнению Н.Д. Арутюновой, сохраняется целостность образа, который может отойти на задний план, но не распасться [1, с. 24]. Существуют разные способы классификации метафоры. Н.Д. Арутюнова разделяет метафору на 4 типа: номинативная, образная, когнитивная и генерализующая метафора [Там же, с. 101]. Дж. Лакофф и М. Джонсон с функционально-семантической точки зрения классифицировали метафору на структурную, ориентационную и онтологическую [6, с. 27–60]. Опираясь на классификацию Дж. Лакоффа и М. Джонсона, мы разделяем метафоры, используемые в древнекитайской поэзии, на 4 типа: во-первых, это образы-метафоры на основе описания окружающей среды, состояния растения и животных для выражения любви поэта к природе; во-вторых, это онтологические метафоры из китайских реалий, выражающие настроение поэта и его беспокойство о своей нации, родине и народе; в-третьих, это метафоры, выражающие авторское честолюбие, амбиции и разочарование в не оправдании своих возможностей и устремлений; в-четвертых, это метафоры, выражающие чувства поэта к друзьям, близким и тоску по родине. Метафора считается серьезной проблемой перевода. Сохранение всего объема метафоричности стиха представляется для переводчика крайне сложной задачей [7, с. 113–114]. Процесс перевода метафоричных образов древнекитайской поэзии требует вовлечение многих аспектов культуры в качестве факторов, проясняющих смысл оригинала.

Следует указать на трудности перевода метафор, поскольку нередко имеет место отсутствие адекватного эквивалента в переводящем языке, есть различия в культурах и т. п. Переводчик при этом стоит перед выбором – сохранять ли метафору или нет. При этом значительна роль индивидуально-авторских метафор, их количества в тексте.

Трудно переводить китайских поэтов. И это не только технические трудности (количество строк, количество слов в каждой строке). Трудности встречаются там, где их не ждешь: это паузы в строках стихов, ритмические перебивы, соотнесения слов-образов в параллельных строках и т. д. И, безусловно, это лаконичность китайского четверостишия, которое может трактоваться и переводиться самыми разнообразными способами. За незамысловатостью пейзажа скрывается задача извлечения скрытых за первым планом смыслов и метафоричных образов. Перевод метафоры в китайской поэзии остается актуальным вопросом лингвистики.

3. Метафоры в древнекитайской поэзии эпохи Тан и методы ее перевода.

Материалом анализа для данного исследования являются 60 стихотворений эпохи Тан, переведенных нами в коллективной монографии «Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии». В нашем переводе были одновременно даны построчный перевод и поэтический перевод (литературный, художественный), который помогает формировать умение понимать смысловую нагрузку выразительных средств, роль каждой художественной детали. Глубже вникая в форму и содержание классической китайской поэзии как литературной сокровищницы всего человечества, читатель становится более восприимчивым к поэзии как единству звука, образа и смысла.

При переводе авторских метафор нужно стараться максимально сохранить авторский стиль и смысл [10, с. 158–159]. По Т.А. Казаковой, существуют следующие способы перевода метафоры: 1) полный перевод метафоры при совпадении правил сочетаемости в обоих языках и способов выражения эмоционально-оценочных элементов в метафоре; 2) добавление и опущение или структурное преобразование при различии в лексических и синтаксических нормах в обоих языках; 3) замена оригинальной метафоры на другую в языке перевода при лексическом или ассоциативном несоответствии в обоих языках; 4) использование традиционного соответствия; 5) параллельное именован-

ние с сохранением исходного образа и передаваемой информации, но другими языковыми средствами [5, с. 138]. На основе проведенного исследования, в соответствии с классификацией Т.А. Казаковой, можно выделить наиболее подходящие способы передачи метафоры: словарный эквивалент, вариантное соответствие, калькирование и трансформационный метод. Среди них метод калькирования помогает более точно описать какое-то явление, характеристики героя, настроение поэта и т. д.

Если метафора не развернута, построена на простом образе, то переводчик нередко применяет калькирование перевода. Главное при переводе поэзии – это сочетание творческого подхода, понимания того, о чем говорит сам поэт, и сохранение синтаксического, семантического элементов и прагматического потенциала стихотворения.

Анализируя появившиеся в вышеупомянутых стихотворениях метафоры, мы заметим, что в древнекитайской поэзии эпохи Тан поэты использовали многообразные концепты стихийных явлений для выражения как общих человеческих эмоций, так и авторских собственных чувств и настроений. Среди них очень много метафор, связанных с понятиями времен года, с луной, водой, ветром, дождем, снегом, с деревьями, цветами и травами, с названиями животных и растений, с географическими названиями, которые формировали в китайской культуре и мышлении особые символические и ассоциативные значения, благодаря чему поэты, которые в большинстве случаев являлись чиновниками разного ранга в свое время, посредством эксплицитной метафоры выражают свои имплицитные внутренние эмоции и чувства, такие как радость и печаль, надежду и разочарование, тоску от скитаний и негодование от неудач в карьере и т. д. Остановимся на нескольких метафорах, связанных с понятием «ветер», использованных в древнекитайской поэзии, и тактике их перевода на русский язык.

4. Метафора-образ «ветер» в китайской поэзии и ее перевод на русский язык.

Ветер как явление воздушного течения, несмотря на его невидимость, представляет какую-то силу. Китайские поэты часто применяли метафоры, связанные с разными видами ветра для выражения своего настроения, передачи разных чувств. Разные степени ветра имеют разные метафорические и символические значения: легкий ветерок выражает радость и надежду, символизирует теплоту. Шторм передает коннотацию переполоха, силу разрушения. Ветер также тесно связан с сезонами, например, восточный ветер – это весенний ветер, символизирует живость, шум, радость, теплоту, печаль разлуки. Южный ветер – это летний ветер, создает впечатление подъема, уюта, счастья, легкости, тоски по родине. Западный ветер – это осенний ветер, он символизирует тяжесть, печаль, тоску по родным местам. Северный ветер – это зимний ветер, символизирует обиду, разочарование, горе от разлуки, мощные силы и т. д. В поэзии чаще используются концептуальные метафоры, связанные с ветром, для выражения авторских чувств или описания картины окружающей среды. Одна метафора-образ может выражать одинаковую эмоцию, а также может передавать разные чувства автора. Проанализируем следующие примеры:

(1) Строки из стихотворения «Гимн иве» Хэ Чжичжана (贺知章《咏柳》):

碧玉妆成一树高，
万条垂下绿丝绦。
不知细叶谁裁出，
二月春风似剪刀。

Подстрочник:

Листья изумрудного нефрита украшают ветви высокого дерева,
Многочисленные ветви свешиваются вниз зелеными шелковыми лентами.
Неизвестно, какой умелец вырезал так тонко листочки,
Ножницами для вырезания служил февральский весенний ветер.

Литературный перевод:

Нефритовые листья ивы ствол облекают на диво,
Шелковые ветви ивы у воды шелестят игриво,
Умелец – февральский ветер – вырезал тонкие листья эти,
Как же они красивы, зеленые листья ивы! (см. [2, с. 115–118]).

Это стихотворение относится к пейзажной лирике. В нем автор использовал сразу несколько метафор-образов для воссоздания красоты природы. Во-первых, образ изящной ивы помогает автору пропеть гимн чудесам весны. Поэт использует описание образа ивы как инструмент олицетворения природы. В китайской живописи ива – это символ женственности, терпения, мягкости и податливости. В этом случае объектом метафоры является ива – символ гармонии сил природы и ее животворящего начала, источником метафоры стал нефрит. Поэт сравнивает иву с нефритом, который вызывает у китайцев ассоциацию с зеленью, свежестью. Во-вторых, метафорой-образом стали зеленые шелковые ленты, с которыми сравнивается объект метафоры – ветви ивы. Если в первых двух строках поэт привлекал внимание читателей к описанию ивовых деревьев, то в третьей строке речь вдруг перешла в вопрос: «Кто вырезал так умело эти тонкие изящные листья?», ответ на который дает четвертая строка – весенний теплый февральский ветер. Именно этим образом метафоры поэт передает главный смысл стиха: весенний ветер – это бесконечная творческая сила природы. В этом примере поэт ассоциирует природное явление (февральский весенний ветер) с конкретным понятием – ножницами, и тем самым с помощью удивительно выразительного образа ветра-умельца передает очарование ранней весны. Образ «весенний ветер» имеет концептуальную метафору в значении «теплота, радостное настроение, принесенные весенним ветром» и передает весеннюю свежесть и живость.

В переводческой практике мы в подстрочнике применяли методы параллельного именованья с сохранением исходного метафоры-образа и передаваемой информации с некоторым преобразованием структуры, сохраняли оригинальные объекты и источники метафоры: дерево (ива) – «изумрудный нефрит», ветви – «зеленые шелковые ленты», ножницы – «февральский весенний ветер». И в то же время, в литературном переводе в первых двух строках мы соединили объекты и источники метафоры в одно целое, преобразовали более лаконичные концентрированные образные варианты: «нефритовые листья ивы», «шелковые ветви ивы», а в третьей и четвертой строках применили трансформационный метод перевода, изменили метафору источника «ножницы» в глагол «вырезать», но сохранили объект образной метафоры «весенний февральский ветер». Более того, последняя строка в качестве дополнения к целому стихотворению выражает радостное настроение автора и его наслаждение красотой ивы в начале весны.

(2) Строки из стихотворения «Проводы чиновника Шаофу Ду к новому месту назначения в Шучжоу» Ван Бо (王勃 《送杜少府之任蜀州》):

城阙辅三秦，
风烟望五津。
与君离别意，
同是宦游人。

Подстрочник:

Столица Чанъань окружена тремя регионами – Саньцинью,
Всматриваемся сквозь туман в далекие пристани, находящиеся в пяти причалах.
Прощаясь, я чувствую глубокую привязанность к тебе,
Из-за общей судьбы, грядущих скитаний, вызванных службой.

Литературный перевод:

Столица Чанъань, центр земли Саньцинью...
Пристани, гавани взглядом своим окинь...

Мы расстаемся, - тоска разъедает душу.
Нет свободы в чужом краю (см. [2, с. 40–44]).

Это стихотворение относится к тематике «Проводы». Бесконечная равнина Саньцинь окружает со всех сторон столицу Чанъань, а место назначения друга находится в провинции Сычуань. Из города Чанъаня увидеть Сычуань, обозначенную пятью причалами, было невозможно на расстоянии 500 километров. Поэт использовал названия этих двух мест, чтобы усилить впечатление о расстоянии, которое скоро разделит друзей. И хотя в первых двух строках о проводах еще ничего не сказано, пристальный взгляд и теплые взаимоотношения героев намекают на предстоящую разлуку. Вторая пара строк подчеркивает уныние героев при мысли об одиночестве на чужбине. И хотя в третьей и четвертой строках отсутствует формальная антитеза, они создают ощущение резкого падения с высоты, падения в глубокую реку. Таким образом, достигается своеобразная «волноритмичность», что вызывает у читателей неожиданный эмоциональный отклик.

В этом стихе метафоры-образы из географических названий Саньцинь (三秦) (северо-западные регионы – территория бывшего государства Цинь, разделенного новым правителем Китая на три подчиненных княжества) и Уцзинь (五津) (пять причалов у реки Миньцзян в провинции, ныне именуемой Сычуань) выражают чувство воспоминания и вечную дружбу между приятелями. Метафора (风烟) [fēng yān] буквально означает ветер и дым, здесь выражает место действия: поэт находится в смутной и туманной обстановке. Ветер бесформенный, хотя может рассеиваться, но везде и повсюду развеивается, в контексте символизирует чувство безграничности во времени и пространстве, выражает сердечную и вечную дружбу поэта к своему другу.

Переводчики обычно стремятся сохранять образную систему стиха, если образ понятен носителям другой культуры. Допустима и замена образов, если по какой-то причине невозможна их точная передача. В этом стихотворении использованные поэтом метафоры из географических названий принадлежат к приему гиперболы для достижения усилительного эффекта о глубине дружбы и печали в разлуке. Но при этом компенсирующий образ должен создавать то же эмоциональное впечатление, что и образ в оригинале. В нашей практике, благодаря компенсационному подстрочному и построчному переводам и подробной интерпретации каждого географического и исторического названия, литературный перевод, предлагая «окинуть взглядом» покидаемые родные места, передает без смысловых потерь целостный замысел и чувство печали.

(3) Строки из стихотворения «Поднимаясь на возвышенность» Ду Фу (杜甫«登高») :
风急天高猿啸哀,
渚清沙白鸟飞回。
无边落木萧萧下,
不尽长江滚滚来。

Подстрочник:

Под высоким небом, под сильным ветром обезьяны режут, печалься.
Над чистой сушей и белым песком птицы кружат, возвращаясь.
С необъятных деревьев листья слетают, шелестя,
В бесконечной Янцзы вода течет, мчатся.

Литературный перевод:

Высокое небо, сильный ветер, обезьяны режут, тоскуя.
Над белой долиной вихрится песок, птицы кружат.
С могучих деревьев шелестящим потоком листья летят.
Вечная Янцзы мчит свои шумные воды вдаль. (см. [2, с. 211–215]).

Как всегда, у Ду Фу человек и природа живут в полном единении, сопереживая друг другу. В этом стихотворении звучит то, что понятно большинству китайцев: ще-

мящее чувство одиночества, которое испытывает человек, вынужденный скитаться вдали от родины и близких.

Обычай подниматься на возвышенность, чтобы хоть взглядом приблизиться к родине и родным, сохранился в Китае до сих пор. Ассоциативный параллелизм, свойственный поэзии Ду Фу, особенно ярко виден в этом стихотворении. В нем говорится о быстротечности бытия и о гармонии человека и природы. Тоскует не только поэт, тоскуют и обезьяны. Облетают не только листья, но и годы человека. Невзгоды кружат над головой, но, к сожалению, они не улетают, как птицы. Душевный непокой подчеркивается ревом обезьян. В стихотворении образная система сосредоточена на двух пластах пространственной перспективы: наверху – безграничное небо, внизу – такая же безграничная Янцзы. Находясь между небом и водой, человек чувствует себя особенно неуверенно. Звуковой ряд также распадается на две параллели: обезьяны режут – шумит неумная Янцзы. Параллельность образов выражена в строках: обезьяны режут – шумит Янцзы, птицы кружатся – улетают и возвращаются, но не возвратиться одинокому путнику на родину!

Стихотворение чрезвычайно динамично. С динамикой связана метафора «风急天高», которая в буквальном смысле значит «ветер быстрый, небо высокое». Здесь пространственные параллельные образы сверху («ветер» и «небо») сопоставляются с параллельным образом снизу «渚清沙白», что в буквальном значении «вода прозрачная, песок белоснежный», описывают пейзаж и эмоциональное состояние лирического героя, когда он стоял на возвышенном месте между небом и землей, и создают у читателя нравственно-этическое впечатление сопричастности.

Переводчики в литературном варианте перевода старались сохранить метафоры – образы оригинала – и передать общую пространственную картину и динамичность душевного непокая поэта, сохраняя параллельность образов в первых двух строках. В лаконичном переводе удалось воссоздать целостность пейзажной картины и душевного состояния поэта.

Итак, подводя итоги вышеупомянутому, можем сделать вывод, что концептуальные метафоры-образы разных типов ветра в древнекитайской поэзии передают разные китайские коннотативно-культурные ассоциации и сокровенные чувства поэтов. Анализ примеров показывает, что переводчики применяют определенные преобразования в зависимости от культурной картины мира, для того чтобы доступно и адекватно объяснить смысл той или иной метафоры в китайской культуре. Вариантное соответствие, сравнительный оборот и комплексное преобразование гораздо реже используются в поэтических текстах, т. к. важным условием перевода считается передача метафоры именно с ее оболочкой без использования сравнения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990.
2. Ван Цзиньлин, Колкер Я.М., Устинова Е.С., Шань Нина, Марьяновская Е.Л. Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии: коллективная монография. М., 2020.
3. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. М., 1980.
4. Гацура Н.И. Проблема перевода художественных метафор с английского языка на русский в романе Л. Мориарти «Тайна моего мужа» («The Husband's Secret») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 179–185.
5. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб., 2002.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которым мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М., 2004.
7. Науменко О.В. Особенности поэтического перевода // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: Международный сборник научных статей. Выпуск 4. Нижний Новгород, 2014. С. 113–117.

8. Панин В.В. Способы передачи метафоры в переводе сказки П.П. Ершова «Конек-горбунок» на английский язык // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-1(27). С. 110–122.
9. Склярская Г.Н. Метафора в система языка. СПб., 1993.
10. Шикалов С.В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка // Вестник Московского государственного университета. Серия «Современные проблемы частной теории перевода». Вып. 9. М., 2010. С. 156–162.
11. Pine R. Poems of the Masters: China's Classical Anthology of T'ang and Sung Dynasty Verse. Port Townsend, Washington, 2003.
12. 姜玉琴. 从唐诗看古代诗歌的“无我”创作范式 // 文艺理论研究, 2017 年第 1 期, 78–88 页。(Цзян Юйцин. Бескорыстная творческая парадигма в древнекитайской поэзии на примере поэзии эпохи Тан // Исследование по теории литературы. 2017. Вып. 1. С. 78–88.).
13. 王小芳, 吕长站. 唐诗中水意象的概念隐喻研究 // 黑龙江教育学院学报, 2014 年第 12 期, Р. 126–127. (Ван Сяофань, Люйчанхон. Исследование концептуальной метафоры «вода» в древнекитайской поэзии эпохи Тан // Вестник Хэйлунцзянского института образования. 2014. Вып. 12. С. 126–127.).

* * *

1. Arutyunova N.D. Teoriya metafory: Sbornik: Per. s ang., fr., nem., isp., pol'sk. yaz. / Vstup. st. i sost. N.D. Arutyunovoj; obshch red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj. M., 1990.
2. Van Czin'lin, Kolker Ya.M., Ustinova E.S., Shan' Nina, Mar'yanovskaya E.L. Kitajskaya poeziya epohi Tan: golos garmonii: kollektivnaya monografiya. M., 2020.
3. Vinogradov V.V. O yazyke hudozhestvennoj prozy: izbrannye trudy. M., 1980.
4. Gacura N.I. Problema perevoda hudozhestvennyh metafor s anglijskogo yazyka na russkij v romane L. Moriarti «Tajna moego muzha» («The Huaband's Secret») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. T. 14. Vyp. 1. S. 179–185.
5. Kazakova T.A. Prakticheskie osnovy perevoda. SPb., 2002.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorym my zhivem: Per. s angl. / Pod red. i s predisl. A.N. Baranova. M., 2004.
7. Naumenko O.V. Osobennosti poeticheskogo perevoda // Aktual'nye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda: Mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh statej. Vypusk 4. Nizhnij Novgorod, 2014. S. 113–117.
8. Panin V.V. Sposoby peredachi metafory v perevode skazki P.P. Ershova «Konек-gorbunok» na anglijskij yazyk // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2016. № 3-1(27). S. 110–122.
9. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sistema yazyka. SPb., 1993.
10. Shikalov S.V. Sposoby perevoda metafor v koncepcii Pitера N»yumarka // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sovremennye problemy chastnoj teorii perevoda». Vyp. 9. M., 2010. S. 156–162.

The metaphoric expressions in the ancient Chinese poetry and the tactics of the translation into the Russian language: at the example of the poems with the image of “wind” of the epoch of Tang

The article deals with the peculiarities of the ancient Chinese poetry of the epoch of Tang and the issues, associated with the methods of its translation into the Russian language, at the example of the poems with the metaphors-images of wind. In our translation practice of the metaphors there were used the methods of the parallel naming with the preservation of the original metaphor-image and the transferred information with some structure's transformation.

Key words: *ancient Chinese poetry, metaphors-images, translation methods, original intention.*

(Статья поступила в редакцию 28.04.2023)

В.В. БОГОМАЗОВА

Т.А. ИОНОВА

П.П. КУЛЕШОВА

Волгоград

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В ПРОЦЕССЕ
ЛОКАЛИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР**

Рассматриваются понятие «компьютерная игра» и ее классификации, затрагивается проблема соотношения перевода и локализации компьютерных игр. Авторы статьи приводят примеры основных лексических и грамматических проблем перевода на примере некоторых современных компьютерных игр.

Ключевые слова: *перевод компьютерных игр, перевод видеоигр, локализация, лексические проблемы перевода, грамматические проблемы перевода.*

Современные процессы глобализации обуславливают общемировую тенденцию полилингвизма, однако теоретические и практические проблемы перевода остаются актуальными [1, с. 48–55; 7, с. 43–48]. Традиционные формы и методы перевода, основными задачами и свойствами которого являлась эквивалентная и адекватная передача смыслов, сегодня сосуществуют с принципиально новой парадигмой развития переводческой деятельности, требующей переосмысления и иного подхода – творческой переработки, авторской адаптации, перевода-редактирования или локализации. Указанные метаморфозы, прежде всего, продиктованы переходом перевода в цифровую среду. Одной из актуальных лингвистических проблем сегодня остается проблема многоязычного перевода или локализации, затрагивающей программное обеспечение, приложения и компьютерные игры. С точки зрения языковедения (в узком понимании) локализация, относящаяся к переводческой области, – это такой вид перевода, при осуществлении которого учитываются культурно-специфические особенности адресата, а адаптация считается ключевым компонентом всего процесса [10, с. 17]. Главной целью локализации выступает передача эмоций, воссоздание схожего игрового опыта у представителей целевой аудитории, независимо от уровня владения языком и культурного опыта. Локализация компьютерных игр находится на пересечении таких дисциплин, как локализация программного обеспечения, аудиовизуальный перевод, технический и художественный виды перевода, компьютерно-игровой дискурс.

В широком понимании процесс локализации является частью системы, обозначаемой акронимом GILT (globalization internationalization localization translation – глобализация, интернационализация, локализация, перевод), указывающим на идеальную хронологическую последовательность действий переводческой компании при работе с иноязычным продуктом. Особую актуальность локализация приобретает в процессе продвижения компьютерных игр на рынки других стран. Компьютерные игры, являясь неотъемлемой частью современной развлекательной индустрии, с каждым годом привлекают все больше внимания со стороны массовой аудитории. В связи с этим немаловажную роль играет перевод, обеспечивающий максимальную адаптацию оригинала игры к языку и культурным реалиям и особенностям аудитории. Работа переводчика-локализатора требует особого внимания не только к тексту игры, но и к другим аспектам созданного авторами виртуального мира, включающего: графику – любые надписи на текстурах, шрифты, чтобы текст выводился красиво в стиле игры, а не обычным системным шрифтом, некоторые предметы или локации, чтобы сильнее погрузить поль-

зователя в мир игры; сюжет – для соответствия каким-то местным традициям или законам. Так или иначе с процессом локализации сталкивается любая компания, продвигающая игры на иноязычный рынок. Настоящее исследование связано с анализом переводческих проблем, неизбежно возникающих в работе переводчика, наличие которых может вызвать у игрока сложности в понимании игрового процесса или сюжетного развития игры. Актуальность темы нашего исследования обусловлена растущей значимостью компьютерных игр как с культурно-технической, так и с лингвистической точки зрения.

В современном понимании понятия «видеоигра» и «компьютерная игра» часто используются как синонимы. Тем не менее «термин “компьютерная игра” более точно характеризует функционал современных игр, в которых главным компонентом выступает именно компьютерная программа, а не визуальный интерфейс» [2, с. 135]. Иное определение подразумевает под собой, что «компьютерная игра (включая браузерные игры), игры для мобильных устройств, VR-игры, игры для аркадных автоматов, игры для консолей – это само обозначение запуска видеоигры с использованием какого-либо технического устройства. Видеоигры можно запускать не только на персональном компьютере, как было до появления первых игровых консолей, но и на других технических устройствах» [6, с. 46]. Т. е. при подробном рассмотрении термин «компьютерная игра» имеет более узкое значение, чем «видеоигра», но технически эти понятия обозначают одно и то же и в дальнейшей работе будут использоваться как взаимозаменяемые синонимы.

Толковый словарь современного русского языка предлагает следующее определение для понятия «компьютерная игра»:

«Компьютерная игра – техническая игра, в которой игровое поле находится под управлением ЭВМ или воспроизводится на экране дисплея; одно из основных и массовых применений микропроцессорной вычислительной техники, относящейся к досугу, воспитанию и образованию» [9].

Также в словаре есть определение и для понятия «видеоигра»:

«Видеоигра – игра с использованием изображений, сгенерированных электронной аппаратурой» [9].

Компьютерные игры представляют собой продукт информационных технологий и поэтому классифицируются по разным критериям: по количеству игроков, стилистике проекта, игровой платформе, жанру и т. д.

Для переводчика могут быть важны классификации, связанные с содержательной частью игры, ведь перевод осуществляется именно на основе особенностей содержания. Так, знание исторической эпохи, вокруг которой разворачивается сюжет игры, может во многом помочь переводчику. Действия видеоигр могут происходить в следующих эпохах:

1. Зарождение жизни (простейшие организмы, игры на клеточном уровне).
2. Доисторические времена (эра динозавров, пещерные люди).
3. Зарождение цивилизаций (Древний Рим, Древний Египет).
4. Средневековье (рыцарские походы, междоусобицы, инквизиция).
5. Эпоха колонизации (морские путешествия, новые земли).
6. Эпоха индустриализации (XVIII–XIX вв., стимпанк).
7. Прошедшие войны (Вторая Мировая война, локальные конфликты).
8. Наше время (привычный мир).
9. Информационная эпоха (киберпанк, антиутопия будущего).
10. Освоение космоса (научная фантастика, SciFi, космические путешествия).
11. Эволюция (наличие нескольких эпох в одной игре) [5].

Также, согласно А. Кирилзееву [4], наиболее популярным является деление видеоигр на жанры, такие как: действие, симулятор, приключения (интерактивная литература, текстовые приключения), стратегия, головоломка, ролевая игра или РПГ, смешанные жанры.

Создавая компьютерные игры, разработчики задумываются о продвижении своего продукта на рынках за рубежом и в связи с этим сталкиваются с проблемой качественной локализации компьютерных игр, которая непосредственно повлияет на успех игры на зарубежных рынках. Как было указано выше, процесс перевода компьютерных игр уместно назвать частью локализации, которая, являясь довольно широким понятием, помимо самого перевода, предполагает более полную адаптацию переводимых компьютерных игр к лингвокультурным особенностям конкретной страны, на рынках которой разработчики заинтересованы продвигать свой продукт.

В настоящем исследовании анализ лексико-грамматических трудностей, возникающих при переводе компьютерных игр, основывается на классификации, предложенной Н.К. Яшиной [8, с. 36], которая выделяет следующие основные проблемы перевода (см. табл. 1).

Таблица 1

Лексико-грамматические проблемы перевода по Н.К. Яшиной

Лексические проблемы перевода	Грамматические проблемы перевода
1) перевод слов, не зависящих от контекста	1) перевод эквивалентных форм и структур
2) перевод слов, зависящих от контекста	2) перевод безэквивалентных форм и структур
3) перевод безэквивалентной лексики	3) перевод модальности при переводе
4) перевод неологизмов	4) особенности перевода некоторых предлогов, союзов и союзных слов
5) передача «ложных друзей переводчика»	5) перевод эллиптических конструкций
6) перевод заголовков	6) слова-заместители
7) лексико-семантические трансформации	7) грамматические трансформации при переводе
	8) структурные трансформации при переводе
	9) лексико-грамматические трансформации при переводе

Один из ярких примеров лексических ошибок, основанных на переводе слов, зависящих от контекста, можно заметить в интерактивной компьютерной игре “The Quarry” [14], где игроку постоянно предоставляются выборы действия персонажей, которые влияют на их возможность «выжить» в конце игры.

В одной из сцен две героини, Эмма и Эби, оказываются закрыты в подвале, и неожиданно для Эби Эмма начинает превращаться в оборотня. В этот момент игрок дол-

жен выбрать, куда бежать Эби, однако в языке оригинала и в русском переводе эти выборы отличаются:

Куда бежать Эби?	
1. Stairs	1. Лестница
2. Ladder	2. Стремянка

К выходу из подвала ведут две лестницы: «stairs» ведет к главным, закрытым дверям, «ladder», переведенная как «стремьянка», является фасадной и ведет вверх к люку, выступая единственным путем спасения для Эби. В контексте видеоигры нужная лестница, не похожая на стремянку, может сбить игрока с толку, в результате чего он примет неправильное решение и Эби погибнет.

Менее критичную лексическую ошибку из той же категории можно обнаружить в одной из начальных сцен игры, когда вожатый по имени Джейкоб умело перелезает через раму открытого окна и, потирая руки, восклицает: «Дар!», – что звучит несколько странно. Лишь сравнивая его слова с оригинальной репликой (“Skill!”), можно догадаться, что в данном случае Джейкоб отзывается о своей хорошей физической форме, и, хотя «дар» является одним из возможных вариантов для перевода слова “skill”, гораздо натуральнее звучало бы что-то из разряда «Ловко!».

Еще одним довольно необычным примером, подходящим уже к категории перевода безэквивалентной лексики, может служить эпизод, в котором полицейский похищает и запирает двух вожатых в камерах, отказываясь объяснять им причину задержания. Молодые люди, желая вывести шерифа хоть на какую-то реакцию, постоянно обращаются к нему, используя колкие выражения, но среди нецензурных оскорблений проskalъзывает довольно странное:

«Эй, Робокон! Тебя можно так звать?»

Что в оригинале звучит как:

“Hey, T-Money! Can I call you T-money?”

Здесь сценаристы игры решили сделать шутовую отсылку, ненавязчиво призывающую игрока познакомиться поближе с фильмографией актера, с образа которого сделан персонаж полицейского. В прошлом этот актер (Тед Рейми) снялся в юмористическом скетче в роли рэпера по прозвищу T-money, на что и обращается внимание в данном эпизоде игры. Однако переводчикам не оставалось ничего, кроме поиска вариативного соответствия, более или менее подходящего под контекст сюжета, но упускающего главный смысл отсылки, ведь, кроме описательного перевода, никак иначе объяснить русскоязычному игроку суть этой безобидной колкости было бы нельзя.

Внезапным источником проблем при переводе “Resident Evil 8” [12] стали некоторые термины. В оригинале главных монстров называют Lycans (т. е. «Ликаны», что выступает очевидной отсылкой к такому явлению, как Ликантропия), и на протяжении нескольких частей игры этот термин переводили с помощью транскрипции, однако в русском переводе восьмой части Ликаны стали Оборотнями. На первый взгляд здесь нет грубой лексической ошибки, тем не менее из-за внезапной перемены в переводе некоторые оригинальные моменты игры теряются. Так, фраза одного из персонажей звучит как «Lycans and gentlemen!» и представляет собой пародию на небезызвестное «Ladies and gentlemen!», но в русской версии превращается в «Твари и господа!» и несколько теряется смысл.

Немного иные проблемы перевода актуальны для ролевых игр, которые предлагают игрокам огромные миры для исследования. Так, в “World of Warcraft” [15] можно встретить более 82 000 персонажей, не считая названий предметов и карт. При переводе таких игр нужно создавать глоссарий проекта, чтобы все игровые понятия переводились единообразно: «если переводчиком выбран вариант перевода слова «healer» как «целитель», то переводить это слово как «лекарь» или «врач» в этой же игре позже будет неправильно и некорректно» [3, с. 12].

Говоря о грамматических трудностях перевода, стоит отметить, что часто переводчики компьютерных игр сталкиваются с переводом обращений к игроку, представляющих собой список задач, выполнение которых необходимо в целях продвижения сюжета. Здесь переводчик решает, как лучше передать модальность. В “Payday 2” [11] задачи разбиваются по пунктам перед началом миссии, и их перевод можно представить следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Передача модальности при переводе игровых задач в «Payday 2»

1. Set up an ambush	1. Устроить засаду
2. Open the Gensec trucks and steal the paintings	2. Вскрыть грузовик Gensec и украсть картины
3. Head to the escape van	3. Добраться до машины для побега

Наиболее целесообразным способом передачи данных задач-команд переводчики посчитали перевод с помощью изъявительного наклонения. Такой вариант можно считать удачным переводом, однако довольно часто подобные игровые реплики переводят в побудительном наклонении, что тоже верно и вполне допустимо. Одним из таких примеров выступает перевод игровых задач в игре “The Devil in Me” [13] (см. табл. 3.).

Таблица 3

**Передача модальности при переводе игровых задач
в «The Devil in Me»**

1. Escape from the maze	1. Выберите из лабиринта
2. Power up the control box	2. Найдите недостающий электрический выключатель
3. Investigate the control box	3. Осмотрите контрольный щит

Большое количество грамматических ошибок в переводе можно найти в русской локализации серии видеоигр «Uncharted». Так, в одной из сцен между двумя героями, происходит диалог:

Nathan: That one is ready, hey, don't touch the button!

Victor: This one?

Этот диалог переведен следующим образом:

Нейтан: Один готов, эй, не тронь кнопку!

Виктор: Этот?

Указательное местоимение «этот» не согласуется с дополнением «кнопку», в результате чего грамматическая сочетаемость предложения оказывается нарушена.

В процессе локализации компьютерных игр переводчику приходится сталкиваться с целым рядом проблем лингвистического характера. Несмотря на наличие уже существующих практик по их решению, применение некоторых из них в рамках локализации имеет свою специфику, т. к. природа компьютерной игры накладывает определенные технические ограничения на осуществление перевода, ведь зачастую переводчикам предоставляется только текст для перевода, где реплики не всегда стоят в линейном порядке, требует определенного знания игрового процесса и современной игровой терминологии.

Подводя итоги, можно сказать, что понятия «компьютерная игра» и «видеоигра» не тождественны, хотя достаточно близки по значению. Классификации компьютерных игр строятся на основе разных критериев, однако наиболее популярной выступает жанровая классификация. Между переводом и локализацией есть разница: процесс локализации шире, он включает в себя перевод. Лексико-грамматические проблемы перевода компьютерных игр поддаются классификации, на основе которой их можно рассмотреть структурно и понять, какие из них наиболее распространены. Это позволяет обратить внимание на возможность возникновения переводческих ошибок, которые могут помешать игроку во время прохождения компьютерной игры, и предположить, как их можно избежать.

Список литературы

1. Бобырева Е.В., Йегни Х. Передача национально-культурной специфики при переводе рассказов А.П. Чехова «Смерть чиновника» и «Толстый и тонкий» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2(02). С. 48–55.
2. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Термин «компьютерная игра»: опыт междисциплинарного анализа // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2(30). С. 131–138.
3. Кикичева Н.А. Проблемы перевода реалий и имен собственных в видеоиграх // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 3(2). С. 11–19.
4. Кирилеев А. Компьютерные игры как искусство [Электронный ресурс]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html (дата обращения: 11.11.2022).
5. Компьютерные игры как искусство [Электронный ресурс]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html#Game_Class_3_2_18 (дата обращения: 02.07.2023).
6. Овчаров Д.В. Сравнительно-правовой анализ терминов «видеоигра» и «компьютерная игра» // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 44–48.
7. Фелькина О.А. Перевод непереводаемого: «пересоздание» Алесем Рязановым стихотворений Велимира Хлебникова // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2(02). С. 43–48.
8. Яшина Н.К. Практикум по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие. М., 2013.
9. Academic.ru [Electronic resource]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 02.07.2023).

10. Bernal-Merino M. On the Translation of Video Games // The Journal of Specialized Translation. 2006. № 6. P. 22–36.
11. Payday 2 [Electronic resource] URL: https://store.steampowered.com/app/218620/PAYDAY_2/ (дата обращения: 18.12.2022).
12. Resident Evil Village [Electronic resource]. URL: https://store.steampowered.com/app/1196590/Resident_Evil_Village/ (дата обращения: 12.12.2022).
13. The Devil in Me [Electronic resource]. URL: https://store.steampowered.com/app/1567020/The_Dark_Pictures_Anthology_The_Devil_in_Me/ (дата обращения: 16.01.2023).
14. The Quarry [Electronic resource]. URL: https://store.steampowered.com/app/1577120/The_Quarry/ (дата обращения: 12.12.2022).
15. World of Warcraft [Electronic resource]. URL: <https://worldofwarcraft.blizzard.com/ru-ru/> (дата обращения: 02.07.2023).

* * *

1. Bobyreva E.V., Jegni H. Peredacha nacional'no-kul'turnoj specifiki pri perevode rasskazov A.P. Chekhova «Smert' chinovnika» i «Tolstij i tonkij» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2(02). S. 48–55.
2. Vasil'ev A.A., Pechatnova Yu.V. Termin «komp'yuternaya igra»: opyt mezhdisciplinarnogo analiza // Prolog: zhurnal o prave. 2021. № 2(30). S. 131–138.
3. Kikicheva N.A. Problemy perevoda realij i imen sobstvennyh v videoigrah // Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya. 2020. № 3(2). S. 11–19.
4. Kirizleev A. Komp'yuternye igry kak iskusstvo [Elektronnyj resurs]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html (дата obrashcheniya: 11.11.2022).
5. Komp'yuternye igry kak iskusstvo [Elektronnyj resurs]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html#Game_Class_3_2_18 (дата obrashcheniya: 02.07.2023).
6. Ovcharov D.V. Sravnitel'no-pravovoj analiz terminov «videoigra» i «komp'yuternaya igra» // Yuridicheskaya nauka. 2021. № 12. S. 44–48.
7. Fel'kina O.A. Perevod neperevodimogo: «peresozdanie» Alesem Ryazanovym stihotvorenij Velimira Hlebnikova // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2(02). S. 43–48.
8. Yashina N.K. Praktikum po perevodu s anglijskogo yazyka na russkij: ucheb. posobie. M., 2013.

***Lexical and grammatical issues of translation in the process
of the localization of the English language computer games***

The article deals with the concept “computer game” and its classification. There is considered the issue of the correlation of the translation and the localization of the computer games. The authors of the article give the examples of the fundamental lexical and grammatical problems of the translation at the example of some modern computer games.

Key words: *translation of computer games, translation of videogames, localization, lexical issues of translation, grammatical issues of translation.*

(Статья поступила в редакцию 02.06.2023)

Л.С. АЛЯЕВА

Волгоград

**СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА МОДЫ
И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Проанализированы особенности терминологии англоязычного модного дискурса и выявлена специфика использования переводческих трансформаций и приемов при переводе на русский язык.

Ключевые слова: *мода, дискурс моды, термин, переводческий прием, переводческая трансформация.*

Интерес лингвистов к современному дискурсу моды обусловлен изучением актуальной лексики дискурса моды, заимствований из различных языков и культур и способов их перевода. Объектом статьи выступают терминологические единицы дискурса моды из англоязычных глянцевого журналов и их переводы на русский язык. Предмет исследования – особенности перевода английских терминов современного модного дискурса на русский язык.

В современном обществе существует множество социальных институтов. Институт моды – один из них. Слово «мода» латинского происхождения (*modus*). Оно значит предписание, правило, временный обычай и следование ему [5, с. 334]. У слова «мода» несколько значений: 1. Совокупность вкусов и взглядов, господствующих в определенной общественной среде в определенное, обычно недолгое время. 2. Образцы предметов, отвечающие таким вкусам (обычно об одежде). 3. Манера поведения, обычай [6, с. 356]. Феномену моды подчинены многие области жизни людей. Мода – это комплекс непостоянных вестиментарных тенденций, который актуален в каком-либо конкретном обществе на определенном этапе его развития.

В представленной статье анализируется материал из журналов о моде. Материал информирует адресатов об актуальности того или иного модного атрибута и мотивирует адресатов к их приобретению. Журнальный дискурс моды можно охарактеризовать как дискурс, который демонстрирует модные тенденции, регулирует общественное мнение и оказывает психологическое влияние на людей. Такой эффект достигается посредством привлечения внимания к определенному атрибуту одежды или аксессуару, рекламирования его преимуществ и настойчивой популяризации среди масс. Журнальный дискурс моды реализует следующие функции: информирующую, имиджопределяющую, рекламную, эстетическую и инструктирующую. Все они направлены на внедрение новых тенденций, их объяснение и распространение [3, с. 17].

Феномен моды формирует дискурс моды. Развитие моды влияет на лексический состав разных языков и обогащает их. В истории развития каждого языка можно выделить большие периоды заимствований терминологии, в том числе и терминологии модного дискурса. Причинами заимствований могут быть:

- 1) историческое и географическое взаимодействие языков и культур;
- 2) научно-технический прогресс;
- 3) дифференциация уже существующих и возникновение новых понятий;
- 4) терминологическая недостаточность;
- 5) социально-психологические причины;
- 6) глобализация [1, с. 120].

Часто перед переводчиком возникает проблема передачи культурно обусловленных языковых явлений, а также реалий. Под реалиями понимают слова, которые обозначают понятия духовной и материальной культуры, присущие определенному народу [7, с. 258]. К реалиям можно отнести и термины. При переводе терминологии дискурса моды переводчики часто прибегают к использованию сразу нескольких трансформаций (обычно лексической и грамматической), чтобы осуществить наиболее адекватный и эквивалентный перевод. Использование грамматических трансформаций в переводе английской терминологии модного дискурса обуславливается спецификой грамматики русского и английского языков. Самыми частотными лексическими трансформациями в переводе дискурса моды являются калькирование, транслитерация, транскрибирование и замена на функциональный аналог.

Л.С. Бархударов, известный ученый, считал, что калькирование «заключается в передаче безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их прямыми лексическими соответствиями в языке перевода» [2, с. 147].

Подбор функционального аналога – следующий прием перевода по распространенности. Поскольку различия культур языка оригинала и языка перевода не всегда позволяют полностью калькировать термин, иногда необходимо подобрать функциональный аналог, основанный на более понятной для принимающей культуры характеристике.

В эпоху глобализации довольно популярными становятся транскрибирование и транслитерация, поскольку современное общество готово воспринимать иностранные слова в речи благодаря высокому уровню образования и открытости к реалиям других культур. Транскрибирование как переводческая трансформация не так популярно в использовании, нежели транслитерация, которая чаще задействуется в переводах с английского языка.

Использование генерализации и конкретизации при переводе терминов дискурса моды тоже иногда встречается. Конкретизация – замена слова или словосочетания языка оригинала с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием языка перевода с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица языка оригинала выражает родовое понятие, а единица языка перевода – входящее в нее видовое понятие. Генерализация – замена единицы языка оригинала, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением, т. е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое [4, с. 151].

Материалом для нашей статьи послужили 30 статей оцифрованных британских, американских и французских изданий “Elle”, “Vogue”, “Harper’s Bazaar” 2023 г. Методом целенаправленной выборки было отобрано порядка 40 терминологических единиц и создана классификация приемов их перевода, которая позволила выявить основные способы перевода единиц англоязычного модного дискурса на сегодняшний день. Итак, обратимся к нескольким примерам и рассмотрим способы их перевода.

(1) “*Continuing her epic style streak, the singer was seen with A\$AP Rocky this week after the Oscars wearing a striped Loewe polo*” [10].

В данном предложении, взятом из журнала “Vogue”, мы видим термин, обозначающий элемент одежды – “*a striped Loewe polo*”, и предлагаем возможные переводы данного словосочетания: «*полосатое поло от Loewe / поло в полоску от Loewe*». Появление этого элемента одежды связано с игрой в поло, а главными популяризаторами данной игры считаются англичане. Соответственно, и создание этой футболки приписыва-

ют им. Распространение этого термина приходилось на XIX в., а именно тогда Англия оказывала большое влияние на развитие мировой моды и формирование терминологического аппарата модного дискурса других стран. Осуществлялось большое количество заимствований модных терминов из английского языка.

Рассмотрим далее возможные переводы. Стоит сразу указать, что *Loewe* это бренд одежды, набирающий популярность в настоящее время. Перевод самого термина “*polo*” осуществлен посредством транслитерации и в первом, и во втором случае, что можно объяснить этапом заимствований из английского языка в XIX в. С учетом контекста употребления этот термин может быть переведен как 1) «*полосатое поло от Loewe*», т. е. калькированием, или же 2) «*поло в полоску от Loewe*», т. е. с помощью грамматической замены прилагательного “*striped*” на существительное «*в полоску*». Это убеждает нас в том, что перевод терминов часто включает в себя несколько переводческих приемов и трансформаций.

(2) “*Case in point: Raey’s denim skirt, which caused a domino effect in Vogue House*” [9].

В этом примере применен термин модного дискурса “*denim skirt*”. На русский язык он переводится с помощью калькирования как «*джинсовая юбка*». Существует и менее распространенный вариант перевода – «*юбка из денима*». В этом случае стоит говорить о таких грамматических переводческих трансформациях, как перестановка слов и транслитерация слова “*denim*”. Изначально этот элемент одежды появился в XX в. в субкультуре «хиппи». Под влиянием новых веяний и взглядов привычная одежда женщин менялась, и появлялись элементы гардероба, созданные буквально из старых мужских джинсовых брюк. Это время приходится на последний период заимствований модной терминологии – XX–XXI в. Данный факт говорит о том, что этот термин под влиянием глобализации был заимствован из американской культуры.

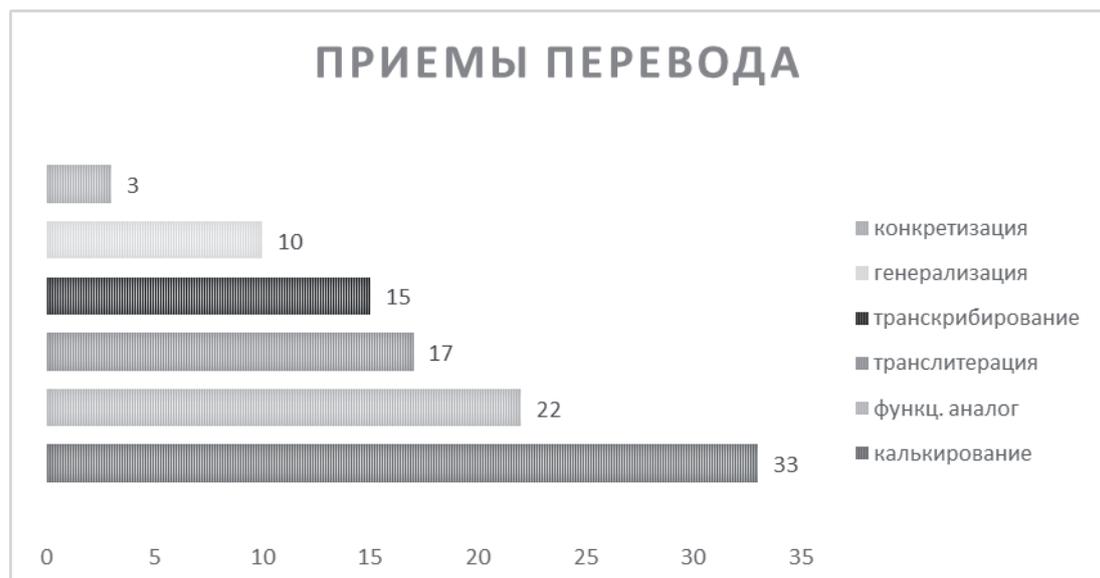

Рис. Статистика использования переводческих приемов при переводе английских терминов моды

(3) *“Baggy jeans have long been a staple in Rihanna’s wardrobe and they’ve since become a mainstay for multiple celebrities”* [11].

В приведенном выше примере мы видим использование термина *“baggy jeans”*. Эти джинсы имеют характерную мешковатую форму (от англ. bag – сумка, мешок), и их носят на очень низкой посадке. Это атрибут одежды последователей «рэпа» и культуры «хип-хоп». Данный атрибут стал популярным среди американской молодежи в 90-е гг. На русский язык этот термин можно перевести как «джинсы-багги» с помощью транслитерации и транскрибации. Однако он очень редко встречается, и более частотным в употреблении является эквивалент «мешковатые джинсы» (перевод посредством калькирования).

(4) *“If you only want to wear your basket bag on holiday, then consider renting one of the many designer options at By Rotation”* [8].

В этом предложении имеет место использование термина модного дискурса *“basket bag”*. В русском языке существует два варианта перевода этого термина. Его можно перевести калькированием как «сумка-корзинка», такой вариант является наиболее частотным по употреблению. Но в русском языке существует и термин «джутовая сумка», который в данном случае хорошо передает значение термина *“basket bag”* и является его переводческим эквивалентом, созданным посредством подбора функционального аналога (джут – это материал, из которого подобные сумки изготавливаются), перестановки и грамматической замены. Изделия из джута появились в Европе в XIX в. благодаря экспорту из стран Востока, что указывает нам на временной промежуток появления данного термина модного дискурса.

Проанализировав оригинальные тексты глянцевого журналов и термины, которые в них используются, можно сделать вывод о том, что в современном модном дискурсе самый распространенный прием перевода терминов (основной, которому зачастую сопутствуют грамматические трансформации) – это калькирование (13 примеров переводов из 40 проанализированных (33%). Следующий по частотности использования прием – это подбор функционального аналога (9 примеров, т. е. 22%). Транслитерация как переводческий прием была применена 7 раз (17%), транскрибирование – 6 раз (15%). Самыми низкочастотными способами перевода терминов модного дискурса являются генерализация (10%, 4 термина из 40) и конкретизация (3%, 1 термин из 40). Приведем несколько примеров:

- 1) калькирование – tennis shorts (теннисные шорты);
- 2) функциональный аналог – turtleneck jumper (водолазка);
- 3) транскрибирование – snood (снуд);
- 4) транслитерация – crop top (кроп топ);
- 5) генерализация – knee-high boots (сапоги);
- 6) конкретизация – feather headpiece (шляпка с перьями).

Приведенную статистику использования переводческих приемов при переводе английских терминов моды представим в виде диаграммы (см. рис. на с. 22).

Список литературы

1. Аброзе Е.А. Индустрия моды в условиях глобализации культуры: дис. ... канд. культурологии. СПб., 2006.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
3. Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2006.

6. Орлова Л.В. Азбука моды. М., 1988.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
8. 15 chic straw bags for the beach and beyond. From oversize totes to mini box bags [Electronic resource] // Harper's Bazaar. URL: <https://www.harpersbazaar.com/uk/fashion/what-to-wear/news/g37040/best-straw-bags/> (дата обращения: 17.05.2023).
9. 8 Street Style Approved Ways To Sport A Denim Midi-Skirt This Spring [Electronic resource] // British Vogue. URL: <https://www.vogue.co.uk/fashion/article/denim-midi-skirt-outfits> (дата обращения: 14.05.2023).
10. Even Rihanna's Casual Maternity Looks Involve Crop Tops [Electronic resource] // British Vogue. URL: <https://www.vogue.co.uk/news/article/rihanna-loewe-polo-top-baggy-jeans> (дата обращения: 14.05.2023).
11. From Hailey To Gigi: 5 Spring Celebrity Outfits That Are Easy To Recreate [Electronic resource] // British Vogue. URL: <https://www.vogue.co.uk/fashion/article/celebrity-spring-outfits> (дата обращения: 10.05.2023).

* * *

1. Abroze E.A. Industriya mody v usloviyah globalizacii kul'tury: dis. ... kand. kul'turologii. SPb., 2006.
2. Barhudarov L.S. Yazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda. M., 1975.
3. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie. M., 1993.
4. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). M., 1990.
5. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M., 2006.
6. Orlova L.V. Azbuka mody. M., 1988.
7. Sepir E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii. M., 1993.

***The specific features of the terminology of the English language
discourse of fashion and the specific features of its translation
into the Russian language***

The article deals with the analysis of the peculiarities of the terminology of the English language fashion discourse and the revealing of its specific features of the use of the translation transformations and techniques while translating into the Russian language.

Key words: *fashion, fashion discourse, term, translation technique, translation transformation.*

(Статья поступила в редакцию 30.06.2023)

*Д.Ю. ГУЛИНОВ
Ф.Д. ФЕДОРОВ*

Волгоград

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ ВЕЖЛИВОСТИ И НЕВЕЖЛИВОСТИ
В ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Рассматривается взаимодействие феноменов лингвистической вежливости и невежливости в парадигме испаноязычного политического дискурса. Анализируются ситуации применения стратегий изучаемых явлений и языковые средства их реализации. Предлагается интерпретация выбора определенных стратегий политическими деятелями и их значимости для поддержания или нарушения коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная вежливость, лингвистическая невежливость, коммуникативный конфликт, речевой акт.

Исследование категории вежливости является одним из наиболее развивающихся направлений в лингвистике. Отдельные аспекты проблемы обсуждаются в научных трудах В.И. Карасика, Т.В. Лариной, Дж. Лича. Более того, исследуется лингвистическая невежливость, которая характеризуется не аномальностью и ошибочностью, а как вполне целенаправленный и систематичный процесс. В этой связи необходимо упомянуть прежде всего работы В.В. Леонтьева, В.И. Жельвиса, Дж. Калпепера.

Особый интерес вызывает реализация феноменов лингвистической (не)вежливости в парадигме политического дискурса с характерным для него антагонизмом. Вопреки главенствующему положению вежливости в испаноязычном политическом дискурсе, наблюдаются случаи целенаправленного отказа от вежливости и обращение к невежливости. Следовательно, задачей настоящей работы является изучение взаимодействия данных коммуникативных феноменов и выявление языковых средств их реализации.

Принимая во внимание схожесть изучаемых явлений, представляется оптимальным в качестве теоретической основы исследования использовать научные труды П. Брауна, С. Левинсона и Дж. Калпепера.

В своей книге «Politeness: Some universals in language usage» П. Браун и С. Левинсон выделяют два вида вежливости: позитивную и негативную, которые призваны митигировать коммуникативный ущерб «лицу» участника коммуникации [7].

Позитивная вежливость или «вежливость сближения» позволяет более тактично и сдержанно выразить чувства солидарности и стремления к сотрудничеству. Данная разновидность вежливости предназначена для конструирования коммуникативной ситуации общности интересов, целей и мнений участников общения. Негативная вежливость, также именуемая «вежливостью отдаления», акцентирует независимость участников коммуникации, их желание действовать по своему усмотрению. Являясь ядром повседневной коммуникации, настоящая вариация вежливости ориентирована на демонстрацию уважения интенций, стремлений собеседника, нежелания каким-либо образом препятствовать реализации его интересов.

Для нашей работы не менее значимы и стратегии косвенных речевых актов, имеющих целью скрыть угрозу «лицу» собеседника. Указанная цель достигается посредством создания двусмысленности в интерпретации высказывания. Адресат вынужден самостоятельно декодировать истинное значение речевого акта, что позволяет адресанту переориентировать коммуникативную ответственность.

Учитывая рассмотренную теорию Браун-Левинсона, в парадигме настоящего исследования предлагается рассматривать вежливость как систему стратегий, осознанно используемых в процессе коммуникации с целью причинения минимального коммуникативного ущерба и демонстрации положительного отношения к интересам и желаниям собеседника.

Для понимания лингвистической невежливости ключевыми являются работы английского лингвиста Дж. Калпепера [8; 9, p. 349–367]. Автор данных научных трудов отказывается от определения невежливости как коммуникативного провала, аномального явления в общении. Им предлагается иная лингвистическая перспектива, согласно которой невежливость обладает систематичностью, целенаправленностью и является основой определенных видов дискурса. Следовательно, классическое предположение о взаимовыгодности для коммуникантов поддержания «лица» друг друга также подвергается переосмыслению. Говорящий, преследуя собственные интересы, осознанно выбирает конфликтный вектор коммуникации. В результате невежливость рассматривается Дж. Калпепером как система коммуникативных стратегий, направленных на атаку «лица» и провокацию конфликта [8]. Следуя уже устоявшейся парадигме, ученый предлагает классифицировать невежливость на открытую, позитивную, негативную, а также притворную и невыраженную вежливость. Позитивная невежливость применяется для подчеркивания различия во взглядах и ценностях собеседников, элиминирования возможностей кооперации, в то время как негативная невежливость выступает средством диффамации, оскорбления собеседника, нежеланием признавать его социальный статус, репутацию.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты политических дебатов блока “Preguntas al Presidente del Gobierno” («Вопросы президенту правительства») в Конгрессе депутатов Испании с 2021 г., в ходе анализа которых удалось выявить определенные закономерности взаимодействия изучаемых явлений. Данный материал выбран в силу его перспективности, т. к. указанный период характеризуется кульминацией политического противостояния между коалиционным социалистическим правительством и правой оппозицией. Экономический кризис, неразрешенный каталонский вопрос, необходимость социальных и политических реформ поляризуют институциональную коммуникацию, что приводит к активному использованию стратегий вежливости и невежливости.

Позитивная невежливость служит представителям оппозиции платформой для инициирования диалога с президентом правительства. В своих вопросах они поднимают «болезненные» темы для главы правительства, прибегая к стратегии позитивной невежливости – поиску разногласий. Настоящая стратегия реализуется, как правило, посредством синтаксического параллелизма: *¿Qué ha aportado su política de pactos a los españoles? ¿Ha aportado tranquilidad y seguridad? No. ¿Ha aportado abastecimiento de vacunas suficientes para los españoles? No. ¿Ha aportado el empleo? Tampoco* (Что принесла испанцам ваша политика пактов? **Она привела** к спокойствию и безопасности? Нет. **Она обеспечила** достаточное количество вакцин? Нет. **Она обеспечила** рост занятости? Тоже нет) (Здесь и далее перевод наш. – Д.Г., Ф.Ф.).

В приведенном выше отрывке выступления лидера ультраправой оппозиции Сантьяго Абаскаля затрагиваются сразу три основные проблемы Испании в период пандемии «Ковид 19». Наиболее опасной для позитивного «лица» президента Педро Санчеса является критика его политики соглашений с разными политическими силами, которая привела к формированию первого коалиционного правительства современной Испании. Оппозиционер стремится указать подобным образом на безрезультативность и вредоносность актуального политического курса, его несостоятельность в разрешении возникших проблем.

Президент правительства отвечает на настоящее выступление достаточно сдержанно: *Creo que todos podemos convenir en que ha sido la Constitución española un fruto de pacto* (Думаю, мы все можем согласиться, что в прошлом именно конституция Испании была результатом соглашений). Реализуя стратегию негативной вежливости посредством смягчающих модификаторов, глава правительства выбирает глагол мыслительной деятельности *creer*, тем самым отказываясь от дальнейшего применения лингвистических маркеров эскалации коммуникативного конфликта. Педро Санчес намеренно подчеркивает собственную субъективность с целью демонстрации умеренности в критике. Ссылаясь на конституцию, он имплицитно дает понять своему оппоненту ошибочность собственных суждений и эксплицитно призывает сотрудничать, включая обоих в совместную деятельность: *todos podemos convenir* (мы все можем согласиться). Таким образом, Педро Санчес пытается доказать ценность своего правительства и оправдать верность выбранного им политического курса.

Вместе с тем позитивная невежливость может применяться и для более радикальных целей. В частности, в конце своего выступления лидер ультраправой оппозиции прибегает к стратегии исключения коммуникантов из совместной деятельности: *Lárguese ya, señor Sánchez, por favor* (Убирайтесь уже, господин Санчес, пожалуйста). Настоящая стратегия реализуется различными языковыми средствами. Таким, например, является эмотивный глагол *largarse*, усиливающий отрицательное отношение оппозиционера к президенту правительства. В данной коммуникативной ситуации использование глаголов *dimitir* (выходить в отставку), *cesar* (снимать полномочия) было бы более уместным и вежливым с учетом коммуникативного контекста. Осознанно атакуя позитивное «лицо» Педро Санчеса, Сантьяго Абаскаль демонстративно отказывается от выражения своей позиции нейтральными языковыми средствами. Комбинация же императива и адвербиального интенсификатора *ya* максимально дистанцирует политиков от возможной кооперации и сотрудничества. В результате выступление оппозиционера сводится к отрицанию компромисса и диалога, столь важного для современной Испании. Подобный ликоугрожающий акт вынуждает Педро Санчеса реагировать соответствующим образом: *Entonces, claro, al final, ¿A dónde lleva todo este absurdo? ¿Qué triste España defiende Usted?* (К чему ведет весь этот абсурд в таком случае? Какую блеклую Испанию Вы защищаете?).

В своем ответе глава правительства применяет стратегию негативной невежливости: отказ от смягчающих модификаторов. Ответная реплика, основанная на эпитете *triste*, обостряет коммуникацию. Она указывает на ограниченность проводимой политики оппонента, игнорирующей социальное и политическое разнообразие Испании, его неспособность к полноценному участию в парламентской диалектике.

Негативная невежливость является одним из способов давления на президента правительства. Оппозиционеры прибегают к угрозам и предупреждениям относительно дальнейшей политической карьеры и имиджа Педро Санчеса. Данный результат достигается двумя основными стратегиями: проявлением неуважения и преувеличением возможного неудобства.

Первая стратегия реализуется посредством политического сленгизма: *Señor Sánchez, Usted ya es un pato cojo* (Господин Санчес, вы уже хромая утка). Подобным образом оппозиционер указывает на бесперспективность политического будущего президента правительства, его невозможность каким-либо образом изменить ситуацию и уйти от неизбежности поражения на предстоящих выборах. Разумеется, подобный ликоугрожающий речевой акт направлен на негативное лицо президента. Тем не менее глава правительства предпочитает полностью игнорировать настоящее замечание, обращаясь к косвенному речевому акту в форме риторического вопроса: *Señor Casado, ¿Cuáles son las preocupaciones de la ciudadanía española?* (Сеньор Касадо, чем обеспо-

коены испанские граждане?). Данным вопросом Педро Санчес рефокусирует внимание политических дебатов. Он намекает лидеру оппозиции, что выбранное им время для обсуждения результатов будущих выборов является не совсем удачным, и указывает на приоритет дебатов – обсуждение потребностей граждан. Президент правительства вновь избегает эскалации коммуникативного конфликта и укрепляет свой позитивный имидж избранного народом президента.

Вторая стратегия основывается на использовании субъюнктива: *Usted acabará pagando por ello y esperemos que sea ante un tribunal* (Вы заплатите за это, и **мы надеемся, чтобы это было перед судом**). Оппозиционер стремится продемонстрировать максимально возможный уровень некомпетентности президента правительства. Педро Санчес, в свою очередь, оказавшийся в подобной коммуникативной ситуации, прибегает к сарказму, который также является проявлением стратегии притворной вежливости: *Gracias, señor Abascal, por sus siempre constructivas intervenciones y siempre positivas y siempre respetuosas* (**Спасибо, господин Абаскаль, за ваши, как всегда, уважительные, всегда конструктивные и сдержанные заявления**). Вероятно, Педро Санчес отказывается от стратегий вежливости в силу открытой угрозы своему негативному лицу. Дальнейшее использование вежливости могло бы значительно ослабить его политический статус как президента правительства. Следовательно, принимается решение отреагировать невежливостью на невежливость. Вместе с тем необходимо принять во внимание тот факт, что сарказм как проявление невежливости менее деструктивен по отношению к лицу участника коммуникации, т. к. предполагает самостоятельное декодирование истинного смысла высказывания.

Отвечая на невежливость, исходящую от оппозиции, президент правительства обращается к стратегии негативной вежливости преуменьшения неудобства: *Que al menos usted podría reconocer en ese ejercicio de cumplimiento del Estatuto de Gernika* (**По крайней мере, это вы могли бы признать как исполнение Положения о Независимости Страны Басков**). Посредством сослагательного наклонения и семантического минимизатора импозиции *al menos* президент обращается к оппозиционерам с просьбой отказаться от негативного отношения к политической ситуации в стране и принять во внимание успехи актуального правительства. Сам Педро Санчес часто характеризует коммуникативную ситуацию как *imagen de bronca* (**картина перепалки**), что, вне сомнений, вредит позитивному имиджу главы правительства как внутри страны, так и на международной арене.

Открытая невежливость, также именуемая *bald on-record impoliteness*, практически не наблюдается в институциональной коммуникации представителей испанского политического истеблишмента. Однако определенный случай ее использования удастся зафиксировать: *Mire, como diría usted, ¿qué coño tiene que pasar en España para que usted asuma alguna responsabilidad?* (Послушайте, как вы бы сказали, какого **черта** должно происходить в Испании, чтобы вы взяли на себя какую-либо ответственность?). Вероятно, лидер правой оппозиции несколько утратил самообладание, что вынудило его применить в своем выступлении табуизм *coño*. Необходимо отметить, что его использование говорит о крайней степени недовольства и возмущения относительно действий президента правительства. Тем не менее считать такое проявление негативных эмоций уместным в парадигме институциональной коммуникации не представляется возможным. Об этом свидетельствует незамедлительная реакция Педро Санчеса: *Señora Presidenta, acabamos de ver, de nuevo, un claro ejemplo de cuál es la oposición* (**Госпожа Президент, мы** только что увидели ясный пример того, какая перед нами оппозиция). Кажется, президент правительства собирает «потерпевших», используя глагол *acabar* во множественном числе, и требует соответствующих санкций, обращаясь непосредственно к президенту Конгресса Депутатов. Очевидно, в настоящей ситуации не-

вежливость лишь навредила имиджу оппозиции и открыла окно возможностей для Педро Санчеса.

Отметим, что не все политические оппоненты президента правительства предпочитают конфликтную модель коммуникации. В рамках проанализированного фактического материала встречаются примеры бесконфликтной коммуникации, когда оппозиционеры сознательно формулируют свои вопросы, отказываясь от стратегий невежливости: *Señor Presidente, ¿qué piensa hacer su Gobierno para crear empleo?* (**Господин президент**, что планирует делать ваше правительство для создания рабочих мест?); *Señor Presidente, ¿qué planes tiene para lo que resta de legislatura?* (**Господин президент**, какие планы у вас на оставшийся срок данного парламента?). Данные речевые акты отличаются использованием обращения *Señor Presidente*, при помощи которого политические оппоненты выражают признание статуса Педро Санчеса как главы правительства. Он, в свою очередь, всегда отвечает с благодарностью на подобные вопросы: *Gracias por su pregunta, Señor Esteban* (**Спасибо за ваш вопрос, господин Эстебан**); *Le agradezco el tono de su intervención* (**Благодарю вас за тон вашего выступления**). Настоящие реплики можно рассматривать как реализацию стратегий позитивной вежливости, а именно предоставление подарков собеседнику. Подобным образом Педро Санчес стремится быть демонстративно вежливым, подчеркивая свое уважительное и внимательное отношение к словам оппонентов.

Подводя итоги, отметим тесную взаимосвязь рассматриваемых феноменов вежливости и невежливости. Анализ практического материала показал, что невежливость не всегда приводит к ответной невежливости. Ответная реплика во многом определяется интенцией говорящего, его личными интересами или сложившимся контекстом. Именно по этой причине отмечается использование стратегий негативной вежливости и косвенных речевых актов.

Невыраженная вежливость не остается незамеченной в процессе коммуникации. Намеренное игнорирование вежливости воспринимается как имплицитная попытка диффамации и дискредитации оппонента. Подобная невежливость провоцирует нейтральную реакцию со стороны собеседника. Открытая невежливость представляет собой неуместный эмоциональный всплеск в ходе институциональной коммуникации. Излишнее стремление нанести коммуникативный вред «лицу» собеседника может дестабилизировать позитивный имидж говорящего и предоставить возможность для укрепления статуса и престижа политического оппонента.

Отметим, что проявление нейтральной позиции по отношению к собеседнику всегда вознаграждается эквивалентом стратегии позитивной вежливости. Применение данных стратегий способствует более гармоничной и эффективной коммуникации.

Позитивная и негативная невежливость, в свою очередь, используется в качестве ответной реплики только в ситуации чрезмерной конфликтности, когда защита своего «лица» от атаки оппонента становится наиболее эффективной альтернативой.

Список литературы

1. Жельвис В.И. Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке: Сборник научных трудов к 80-летию юбилею В.И. Жельвиса. Ярославль, 2011. С. 258–289.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status08.htm> (дата обращения: 21.12.2022).
3. Колосова (Солодовникова) Н.Г. Эмотивный анализ как метод экологического мониторинга текстов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 103–110.

4. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
5. Леонтьев В.В. Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 131–141.
6. Лич Дж. Прагматика вежливости. Нью-Йорк, 2014.
7. Brown P. Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987.
8. Culpeper J. Impoliteness: using language to cause offence. Cambridge, 2011.
9. Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness // Journal of Pragmatics. 1996. № 25. P. 349–367.
10. Goffman E. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior. New York, 1967.
11. Intervenciones del presidente del Gobierno [Electronic resource]. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/Paginas/index.aspx?mts=202110> (дата обращения: 21.12.2022).

* * *

1. Zhel'vis V.I. Grubost' kak regul'yator kommunikativnogo povedeniya // Bytie v yazyke: Sbornik nauchnykh trudov k 80-letnemu yubileyu V.I. Zhel'visa. Yaroslavl', 2011. S. 258–289.
2. Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa. M., 1992. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://philologos.narod.ru/texts/karasik/status08.htm> (дата обращения: 21.12.2022).
3. Kolosova (Solodovnikova) N.G. Emotivnyj analiz kak metod ekologicheskogo monitoringa tekstov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. № 5. S. 103–110.
4. Larina T.V. Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij. M., 2009.
5. Leont'ev V.V. Ponyatiya nevezhlivosti i grubosti v sovremennoj lingvistike // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2013. № 1. S. 131–141.
6. Lich Dzh. Pragmatika veshlivosti. N'yu-Jork, 2014.

The implementation of the strategies of politeness and impoliteness in the Spanish language political discourse

The article deals with the interaction of the phenomena of the linguistic politeness and impoliteness in the paradigm of the Spanish language political discourse. There are analyzed the situations of the use of the strategies of the studied phenomena and the linguistic means of its implementation. The authors suggest the interpretation of the choice of the definite strategies by the political leaders and their significance for the support or the violation of the communication.

Key words: *political discourse, institutional politeness, linguistic impoliteness, communicative conflict, speech act.*

(Статья поступила в редакцию 24.04.2023)

М.А. ГУЛЯЕВА
Волгоград

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Предпринята попытка описания некоторых особенностей коммуникативного поведения молодежи в России. Анализируются факторы, отражающие те сферы общения, в которых наиболее ярко обнаруживается групповая специфика коммуникативного поведения. Исследование проводится с точки зрения продуктивного аспекта, представляющего собой коммуникативные средства, продуцируемые говорящим. К перспективе исследования относятся языковой фактор и коммуникативно-стратегический фактор.

Ключевые слова: *возрастная коммуникация, коммуникативное поведение, коммуникативный императив, коммуникативное табу, эйджизм.*

Данная статья посвящена описанию специфики коммуникативного поведения молодежи в России. Ее цель заключается в попытке проанализировать и выявить типичные коммуникативные и поведенческие паттерны определенной возрастной группы – молодежи. Актуальность темы обусловлена потребностью рассмотрения коммуникативных особенностей поведения молодых людей в России, т. к. именно оно часто отражает социокультурные изменения в обществе. Представляется, что данные научные изыскания помогут лучше понять молодежную культуру, ценности и идеалы, сократить дистанцию в общении между представителями разных возрастных групп, что может быть полезным для социальных и культурных инициатив.

Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на свою актуальность и значимость, исследуемая тема, к сожалению, до сих пор не получила широкого освещения в коммуникативной лингвистике и смежных с ней науках. Нам известны работы в области психологии и социолингвистики, посвященные проблематике стереотипизации современной молодежи [8, с. 105–115; 24, с. 168–181]. В рамках возрастной лингвистики, представляющей собой отрасль языкознания, изучающую возрастную специфику понимания, использования языка и владения им говорящим индивидом [10], на данный момент преобладают исследования детской речи и детского коммуникативного поведения [2; 9, с. 73–77; 10; 11; 23, с. 64–74], в то время как взрослая речь остается практически неисследованной. Научные изыскания, изучающие речь молодежи, в основном сводятся к описанию сленга [3, с. 32–41; 4, с. 129–131; 5, с. 78–85; 13, с. 64–74; 16, с. 19–25] и мало затрагивают другие аспекты речи и общения представителей данной возрастной группы. Нам встретилось лишь несколько исследований, посвященных особенностям речи молодежи [1, с. 122–125; 6, с. 76–80; 14]. Что касается работ по комплексному анализу и описанию коммуникативного поведения современной молодежи в российском обществе, то это направление в рамках возрастной лингвистики еще не разрабатывалось, в чем и заключается его новизна.

Предметом изучения является коммуникативное поведение современной российской молодежи. Отметим, что настоящее исследование не ставит четких границ определения и разграничения возрастных групп. Нам известно о существовании различных периодизаций, однако мы не смогли остановиться ни на одной из них, т. к. они носят скорее формальный характер и делят общество на группы исходя из биологических и хронологических особенностей. Нас же интересуют социально-психологический и лингвистический факторы, которые объединяют людей по социальной роли. Еще одна причи-

на, по которой сложно определить возрастные рамки молодежи, это разное восприятие возраста представителями различных возрастных групп. Кроме того, нельзя забывать о подвижности границ молодежного возраста. Считается, что они во многом зависят от социально-экономического развития общества, достигнутого уровня благосостояния и культуры, условий жизни людей, менталитета и традиций того или иного общества. На данный момент отмечается тенденция роста возраста молодежи на фоне развития человечества и увеличения общей продолжительности жизни. Понятие «возрастная группа» включает в себя не только общность условного возраста ее членов, но и, как определяет И.С. Кон, возрастную субкультуру, т. е. набор признаков и ценностей, по которым представители данного возраста осознают себя в качестве «мы», отличного от других возрастных общностей [7, с. 191].

В настоящем исследовании мы опирались на методiku, терминологический аппарат и аспектную модель описания коммуникативного поведения, разработанные И.А. Стерниним «Модели описания коммуникативного поведения» [20]. Аспектная модель предполагает описание коммуникативного поведения по нескольким аспектам, выделенным исследователем. Эти аспекты отражают те сферы общения, в которых наиболее ярко обнаруживается групповая специфика коммуникативного поведения. На данном этапе исследования нашему пристальному вниманию подвергся продуктивный аспект, представляющий собой коммуникативные средства, продуцируемые говорящим. Данный аспект предполагает рассмотрение следующих факторов: фактор адресата, содержательно-тематический фактор, фактор адаптации к собеседнику, языковой фактор, коммуникативно-стратегический фактор. В виду слишком большого объема материала в представленной работе мы ограничимся лишь первыми тремя факторами, оставляя языковой и коммуникативно-стратегический факторы на перспективу исследования.

Источниками материала являются результаты включенного наблюдения, записи устного общения, комментарии и посты в социальных сетях, Телеграм-каналах, видеоблогах, документальные и художественные фильмы, телевизионные шоу, видеоролики на канале YouTube, а также результаты опроса представителей исследуемой возрастной группы.

Описание коммуникативного поведения молодежи проводится по принципу контрастности [10, с. 15]. Фоном для сравнения выступают остальные возрастные группы – дети, люди среднего и пожилого возраста. Такой принцип позволяет определить как общие, так и несовпадающие признаки коммуникативного поведения представителей разных возрастных групп. Для нас наибольший интерес представляет несовпадение отдельных характеристик коммуникативных признаков, действий в сопоставляемых возрастных группах, а также эндемичность коммуникативных признаков, т. е. наличие определенного коммуникативного явления только в изучаемой возрастной группе.

Возрастное коммуникативное поведение трактуется как совокупность норм и традиций общения определенной возрастной группы [10, с. 9].

Рассмотрим коммуникативное поведение молодых людей с точки зрения продуктивного аспекта и заявленных факторов.

1. *Фактор адресата.*

Преобладающий тип собеседника – ровесники. Как правило, предпочитаемый круг общения молодежи состоит из представителей той же возрастной группы. Молодые люди охотнее формируют круг друзей из сверстников обоих полов и проводят время с ними, т. к. они имеют общие интересы, опыт и ценности. В компании ровесников можно вести себя на равных, естественно и свободно, не соблюдать нормы речевого поведения, не бояться осуждения со стороны старшего поколения. В общении со старшими молодежь выступает в положении подчиненного и зависимого. Кроме того, молодых лю-

дей беспокоит и привлекает то, что утратило свою новизну и значение у старших. Как отмечают Л.А. Саенко и С.В. Теницкий, значимость общения со сверстниками повышается, т. к. оно проявляется как общение-сотрудничество и играет важную роль в формировании личности [17, с. 333]. Количество собеседников в диалоге варьируется в зависимости от личностных характеристик и предпочтений. Молодые люди чаще, чем пожилые и люди среднего возраста, выбирают проводить время в шумных больших компаниях, с людьми разной степени знакомства. Они открыты для новых знакомств, легко сходятся людьми, заводят новых друзей. Именно в молодежном возрасте, как отмечают психологи, отмечается резкое увеличение времени на межличностное общение, расширяется социальное пространство общения (появляются друзья из разных образовательных учреждений, компаний, районов города и т. д.), расширяется география общения. Молодые люди сами активно ищут новых контактов [17, с. 333]. Стремление к постоянству круга общения у молодежи гораздо ниже, чем у людей среднего и пожилого возраста. Коммуникативный процесс предполагает частую смену ситуаций и широкий круг участников. Локализация общения не играет большой роли, на первое место выходят его качество и участники (*Главное компания!*).

Если речь идет о виртуальном общении, проходящем в режиме онлайн, ни место, ни время чаще всего не играют большой роли. Главное условие – наличие скоростного интернета, который создает безграничное, не столько информационное, сколько коммуникативное поле. Современные медиа (социальные сети, телеграм-каналы, видеохостинги, мессенджеры) становятся площадкой для общения часто совершенно незнакомых между собой людей. С одной стороны, медиакоммуникации решают проблему дефицита общения у молодежи, а с другой – часто заменяют собой реальное общение и плохо влияют на развитие навыков «живого общения», что вызывает беспокойство со стороны старшего поколения (*Они постоянно в телефонах! Она телефон из рук не выпускает!*).

2. Содержательно-тематический фактор общения.

Тематика общения достаточно обширная и зависит от интересов и предпочтений молодых людей. Контент-анализ социальных сетей, а также включенное наблюдение позволили выявить следующие предпочитаемые темы для обсуждения.

1. Музыка и концерты: обсуждение новинок, любимых исполнителей, посещение концертов и фестивалей.
2. Фильмы и сериалы: обмен рекомендациями, обсуждение актеров и последних премьер.
3. Социальные сети и интернет: обсуждение новых трендов, популярных приложений, социальных медиаблогеров.
4. Мода и стиль: обсуждение трендов, покупок.
5. Спорт и активный образ жизни: обсуждение тренировок, здорового питания, соревнований.
6. Путешествия и приключения: обмен опытом, рекомендации мест для посещения, путевые истории.
7. Учеба и карьера: обсуждение учебных вопросов, выбора специальности, поиска работы, стажировок; онлайн-обучение, образовательные курсы, саморазвитие.
8. Любовь и отношения: обсуждение личных отношений, советы в области отношений, истории любовных приключений.
9. Актуальные события и политика: обсуждение глобальных проблем, новостей, политических событий.
10. Юмор: онлайн-пересылка забавных картинок и фотографий (мемов), видеороликов.

Список тем доказывает высокую степень широты обсуждаемой проблематики и информации. Кроме того, отмечается сильное стремление к постоянному получению новой информации. Интересным является тот факт, что на смену юмористическим историям и анекдотам пришли мемы и короткие видео, которые стали неотъемлемой частью общения молодежи. Они генерируются в больших количествах, с огромной скоростью распространяются (вирусятся) в сети, отображая происходящие вокруг события, новости, увлечения, пороки и т. д., и охватывают все сферы жизни людей.

Что касается коммуникативных императивов в исследуемой возрастной группе, под которыми понимаются коммуникативные действия, необходимые в силу принятых норм и традиций общения в той или иной ситуации общения [19, с. 184], на данном этапе исследования выделяется лишь несколько из них.

В первую очередь ярко проявляют себя особые формы приветствия. Для девушек характерны поцелуи при встрече, двойные касания щеками, объятия часто вне зависимости от близости знакомства. Для молодых людей – рукопожатия, похлопывания по спине, хлопки ладонями (дать «пять»), объятия и др. Выбор того или иного способа обусловлен определенными традициями, принятыми в группе.

Типичной внутригрупповой формой обращения обычно является обращение на «ты» и по имени. Даже если в первые минуты знакомства используется вежливая форма «вы», она быстро сменяется на неформальное «ты». Представляться принято по имени.

Коммуникативные табу трактуются как «коммуникативная традиция избегать определенных языковых выражений или затрагивания определенных тем в тех или иных коммуникативных ситуациях в общении» [19, с. 184] и делятся на речевые и тематические. Что касается речевых табу, молодым людям не принято грубо выражаться в присутствии девушек, а девушкам использовать бранную лексику (*Ты же девушка!*). Существует жесткое речевое тематическое табу «не грубить старшим», которое реализуется при взаимодействии с пожилыми людьми и людьми среднего возраста. Наблюдения и собственный коммуникативный опыт указывают на отсутствие каких-либо других жестких тематических табу в общении со сверстниками. Наличие каких-либо тематических табу будет обусловлено скорее культурными, нежели возрастными различиями.

Однако стоит отметить, что речь идет о коммуникативной норме, которая не всегда совпадает с реальной коммуникативной практикой. Наличие коммуникативной нормы в группе не гарантирует ее соблюдение, и отклонение от нормы обычно обусловлено теми или иными ситуативными, возрастными, культурными и иными причинами. В целом отмечается низкая степень табуированности в общении.

Коммуникативные трудности и неудачи могут обнаружиться в процессе общения со старшим поколением. Одной из наиболее распространенных трудностей является критика молодых людей со стороны данной возрастной группы. В основе такой критики часто лежат обвинения в неопытности, незрелости, легкомыслии, безнравственности, лени и т. д. Такое стереотипное мышление получило обозначение – *эдалтизм* (от англ. «adult» – взрослый), подразумевающее дискриминацию молодых людей старшим поколением, «обидное поведение в сторону юного поколения и принижение их личного потенциала людьми старшего возраста, имеющими большее влияние в основных сферах жизни» [15, с. 181]. Эдалтизм считается разновидностью *эйджизма* (дискриминация по возрасту), имеет место как на бытовом, так и на институциональном уровнях и реализуется в коммуникации по средствам определенной манеры общения (*покровительственный тон, категоричность в речи, не терпящая возражений*), комментариев и замечаний, которыми дают понять, что молодые люди недостаточно зрелые и опытные и ничего не понимают в жизни. «*Да что она может понимать в жизни?*»; «*Поживешь с мое, узнаешь*»; «*Еще молоко на губах не обсохло*»; «*Они еще жизни не нюхали*» и др. Среди таких высказываний известны особо грубые,

оскорбительного характера: *щенок, сосунок, сопляк* и др. Как правило, такого рода коммуникативные трудности ведут к сбоям в коммуникации. На институциональном уровне эдалтизм нередко проявляется в отказе доверить молодому работнику ответственное задание или назначить молодого специалиста на высокую должность из-за недоверия к его неопытности.

Однако стоит отметить, что эйджизм как явление предполагает некоторую двунаправленность – молодые люди также с подозрением, высокомерием и упреками могут относиться к старшему поколению. Данное проявление эйджизма имеет название *женизм*, что подразумевает предпочтение более молодому возрасту, основанное на идее о высокой жизнеспособности и физической привлекательности молодого поколения [15, с. 182]. Над старшим поколением могут посмеиваться за установки и образ жизни, несоответствующие времени («*Да вы ничего не понимаете! Сейчас другая жизнь!*»), желание сохранять достойный образ жизни («*Вы свое прожили, дайте прожить другим!*»), незнание молодежного языка или, например, занятия «не по возрасту», противоречащие устоявшимся стереотипам.

В блоге “ru_ageizm”, посвященном проблемам эйджизма, в одном из постов критикуется статья, где упоминается эйджистское понятие «молодые штучки», выбранное психологом Катериной Мурашевой для описания несвойственных для пожилых людей в России занятий – катанию на скейтборде и пр. Такая номинация оказалась в достаточной степени оскорбительной для автора статьи и подверглась критике в комментариях участниками обсуждения. Автор настаивает, что «нет “молодежных штучек”, есть просто велосипеды, горы, различные гимнастики, скейтборды, ролики, танцы и пр. Как “молодежные”, эти занятия маркируются общественным сознанием» [12]. К речевым проявлениям эйджизма относится фраза «*в твоём возрасте...*», подразумевающая неприятие какого-либо действия для определенной возрастной группы (как молодых, так и пожилых людей) согласно принятым в обществе стереотипам. Например, «*В твоём возрасте такое не надевают*»; «*В твоём возрасте это не прилично*»; «*В твоём возрасте пора бы остепениться...*» и др.

В отличие от старшего поколения, молодым людям знакомо понятие личных границ, которые они умеют защищать, что часто принимается за грубость. Они реагируют на непрошенные советы и не позволяют учить себя жить. О такой ситуации пишет И.А. Стернин: «Если более молодой собеседник отказывается от совета, возникает конфликтная ситуация, поскольку русский человек считает, что в любой ситуации совет должен быть принят с благодарностью: – *Ты бы ребенка-то застегнула. – Спасибо, я сама как-нибудь разберусь. – Как это сама! Ей советуют, а она еще и хамит!* В данной ситуации инициатор совета отвергает возможность принятия решения адресатом совета. Таким образом, в данной ситуации совет приобретает черты приказа, т. е. такого побуждения к действию, при котором у адресата не остается права на самостоятельное принятие решения. Очевидно, что подобное стремление давать советы незнакомому собеседнику объясняется коммуникативными традициями, сложившимися в российской культуре: сюда можно отнести и высокую контактность, и высокую эмоциональность, и стремление к коммуникативной доминантности, и ярко выраженное желание корректировать поведение собеседника» [20, с. 97]. Замечания и критика – достаточно частая причина коммуникативных сбоев в общении между двумя поколениями. Молодые люди могут резко реагировать на замечания, вступая в споры, либо стараться избегать общения с представителями старшей возрастной группы. Отметим, что молодым, в свою очередь, не принято делать замечания или каким-то образом критиковать старших, такое поведение можно отнести к жестким коммуникативным табу («*Яйца курицу не учат!*»; «*Учить она меня еще будет, ишь ты!*»).

Коммуникативные трудности, возникающие внутри исследуемой группы, будут скорее обусловлены личностными характеристиками и зависеть от конкретных условий коммуникации.

Для устранения и избегания коммуникативных трудностей в общении с представителями другой возрастной группы необходимо сосредоточить большее внимание на способах коммуникативной адаптации. Об этом и пойдет речь в следующем пункте.

3. Фактор адаптации к собеседнику.

Данный фактор рассматривается нами в рамках возрастной коммуникации. Основу анализа составило исследование М.С. Соколовой «Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации» [18]. Под адаптацией к собеседнику мы, вслед за М.С. Соколовой, подразумеваем «процесс коммуникативного приспособления, актуализируемый на основании контекстуальных условий общения, статусно-ролевых и ситуативно-коммуникативных позиций его участников и проявляющийся в вариативности поведения личности с целью достижения коммуникативной цели» [18, с. 37]. Возраст представляется как один из параметров адресной ориентации (наряду с гендером, социальным статусом и национально-культурной принадлежностью адресата), оказывающих влияние на выбираемую адресантом форму взаимодействия. Принадлежность собеседника к той или иной возрастной группе предполагает особую форму общения, т. е. осуществление межвозрастной адаптации. М.С. Соколова отмечает широкую вариативность адаптации по возрастному параметру и обращает внимание на тот факт, что «возрастная разница между коммуникантами требует компенсации языковых, ментальных, психологических и других расхождений между ними» [18, с. 79].

Рассмотрим подробнее способы межвозрастной адаптации, а именно адаптации молодежи к людям пожилого возраста. В основу представленного ниже списка легли способы, предложенные в работе М.С. Соколовой, а также приемы эффективного общения со старшим поколением И.А. Стернина [22, с. 18].

- Предпочтение простого и доступного для восприятия языка. Лаконичность изложения. Молодые люди не будут использовать язык, к которому они привыкли, в общении с представителями старшей возрастной группы.

- Преувеличенное, иногда покровительственное интонирование (*Давайте я вам помогу. Не торопитесь. Осторожно. Вот так.*).

- Громкое, замедленное проговаривание слов.

- Выражение согласия с целью успокоить собеседника или избежать нежелательного хода беседы (*Ладно, ладно; Хорошо-хорошо; Да-да-да; Вы правы; Не буду с вами спорить* и др.). Таким образом происходит учет повышенной ригидности (склонности не менять своего мнения).

- Рефлексивное или нерефлексивное выслушивание. В разговоре с пожилыми людьми молодые могут лишь делать вид, что внимательно слушают. Это связано с несколькими причинами, например многократные рассказы об одном и том же, упоминание персоналий, политических деятелей, героев труда, которые неизвестны и неинтересны современной молодежи, отказ воспринимать информацию, которая противоречит их взглядам и т. д. [22, с. 17]. Однако для эффективного общения важно избегать краткосрочных разговоров, демонстрировать свое внимание и подчеркивать искренний интерес и подлинное желание помочь.

- Демонстрация уважения к возрасту, например, освобождение места в общественном транспорте; помощь на улице (перенести сумки, перевести через дорогу); прочтение текста, написанного мелким шрифтом; предоставление возможности высказаться и т. д.

- Форма обращения по «имени-отчеству», имперсонально на «вы» либо с использованием лексем *бабушка, бабуля, мать, отец* и др.

Таким образом, мы рассмотрели особенности коммуникативного поведения молодежи по ряду факторов продуктивного аспекта, среди которых фактор адресата, содержательно-тематический фактор, фактор адаптации к собеседнику. В свою очередь, внутри каждого фактора рассматриваются различные параметры, позволяющие дать более развернутую характеристику исследуемой возрастной группе.

Список литературы

1. Аминова Л.В. Особенности устной и письменной речи французской молодежи // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 122–125.
2. Арушанова А. Формирование грамматического строя речи у детей старшего дошкольного возраста // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 2. С. 142–147.
3. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
4. Гареева Л.М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 9(111). Ч. 3. С. 129–131.
5. Грачев М.А. Арготизмы в молодежном жаргоне // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 78–85.
6. Данилевская Н.В., Тихомирова Л.С. Особенности речевого портрета сериала «Реальные пацаны» // XXI ВЕК: ИТОГИ ПРОШЛОГО и проблемы НАСТОЯЩЕГО: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 января 2022 года. Пенза, 2022. С. 76–80.
7. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989.
8. Курьшева О.В. Социально-психологическое исследование возрастных стереотипов молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 2(12). С. 105–115.
9. Лемякина Н.А. Проблемы текстопостроения в коммуникативном поведении младшего школьника // Вестник ВОИПКРО. Воронеж, 1998. Вып. 2. С. 73–77.
10. Лемякина Н.А. Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000.
11. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
12. Молодежные штучки [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-ageism.livejournal.com/58832.html> (дата обращения: 08.08.2023).
13. Надярова Е.Ш. Распространение сленговых выражений в молодежной полилингвокультурной среде // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27(66). № 1(2). С. 64–74.
14. Овчинникова А.В. Социолингвистические аспекты изучения речи испанской молодежи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
15. Петров В.Е., Ситникова О.О. Эйджизм: понятие, виды и психологическая детерминация // Социально-психологические проблемы в сфере сервиса: Сборник публикаций по итогам международной научно-практической конференции, Москва. М., 2022. С. 178–183. Т. 1.
16. Рубцова Е.А. Молодежный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике // Вестник РУДН, серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2009. № 1. С. 19–25.
17. Саенко Л.А., Теницкий С.В. Особенности формирования коммуникативного опыта у студенческой молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2(81). С. 333–334.
18. Соколова М.С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.
19. Стернин И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа // Филологические записки. 1993. № 1. С. 180–186.
20. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, 2000.
21. Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. С. 279–282.
22. Стернин И.А. Общение со старшим поколением. Воронеж, 2013.
23. Цейтлин С.Н. Инновации как продукт речевой деятельности ребенка // Детская речь: проблемы и наблюдения: межвузовский сборник научных трудов. Л., 1989. С. 64–74.

24. Ятина Л.И., Калинина Т.С. Изображение стиля жизни молодежи в российском кинематографе: трансформация практик в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 14(5). С. 168–181.

* * *

1. Aminova L.V. Osobennosti ustnoj i pis'mennoj rechi francuzskoj molodezhi // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. T. 16. № 1. S. 122–125.
2. Arushanova A. Formirovanie grammaticheskogo stroya rechi u detej starshego doshkol'nogo vozrasta // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2023. № 2. S. 142–147.
3. Beregovskaya E.M. Molodezhnyj sleng: formirovanie i funkcionirovanie // Voprosy yazykoznanija. 1996. № 3. S. 32–41.
4. Gareeva L.M. Sovremennyj molodezhnyj sleng: ego istochniki i raznovidnosti // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2021. № 9(111). Ch. 3. S. 129–131.
5. Grachev M.A. Argotizmy v molodezhnom zhargone // Russkij yazyk v shkole. 1996. № 1. S. 78–85.
6. Danilevskaya N.V., Tihomirova L.S. Osobennosti rechevogo portreta seriala «Real'nye pacany» // XXI VEK: ITOGI PROShLOGO i problemy NASTOYaShchEGO: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, 20 yanvarya 2022 goda. Penza, 2022. S. 76–80.
7. Kon I.S. Psihologiya rannej yunosti. M., 1989.
8. Kuryshva O.V. Social'no-psihologicheskoe issledovanie vozrastnyh stereotipov molodezhi // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii. 2010. № 2(12). S. 105–115.
9. Lemyaskina N.A. Problemy tekstopostroyeniya v kommunikativnom povedenii mladshogo shkol'nika // Vestnik VOIPKRO. Voronezh, 1998. Vyp. 2. S. 73–77.
10. Lemyaskina N.A. Sternin I.A. Kommunikativnoe povedenie mladshogo shkol'nika. Voronezh, 2000.
11. Lepskaya N.I. Yazyk rebenka (ontogenez rechevoj kommunikacii). M., 1997.
12. Molodezhnye shtuchki [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ru-ageism.livejournal.com/58832.html> (data obrashcheniya: 08.08.2023).
13. Nad'yarova E.Sh. Rasprostranenie slengovyh vyrazhenij v molodezhnoj polilingvokul'turnoj srede // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Social'nye kommunikacii». 2014. T. 27(66). № 1(2). S. 64–74.
14. Ovchinnikova A.V. Sociolingvisticheskie aspekty izucheniya rechi ispanskoj molodezhi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2011.
15. Petrov V.E., Sitnikova O.O. Ejdzhizm: ponyatie, vidy i psihologicheskaya determinaciya // Social'no-psihologicheskije problemy v sfere servisa: Sbornik publikacij po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva. M., 2022. S. 178–183. T. 1.
16. Rubcova E.A. Molodezhnyj sleng kak protivorechivoe yavlenie v sovremennoj lingvistike // Vestnik RUDN, seriya «Russkij i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya». 2009. № 1. S. 19–25.
17. Saenko L.A., Tenickij S.V. Osobennosti formirovaniya kommunikativnogo opyty u studencheskoj molodezhi // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 2(81). S. 333–334.
18. Sokolova M.S. Adaptaciya k sobesedniku v processe mezhlichnostnoj kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2012.
19. Sternin I.A. Kommunikativnoe povedenie i nacional'naya kul'tura naroda // Filologicheskije zapiski. 1993. № 1. S. 180–186.
20. Sternin I.A. Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya. Voronezh, 2000.
21. Sternin I.A. O ponyatii kommunikativnogo povedeniya // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S. 279–282.
22. Sternin I.A. Obshchenie so starshim pokoleniem. Voronezh, 2013.
23. Cejtlin S.N. Innovacii kak produkt rechevoj deyatel'nosti rebenka // Detskaya rech': problemy i nablyudeniya: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. L., 1989. S. 64–74.
24. Yatina L.I., Kalinina T.S. Izobrazhenie stilya zhizni molodezhi v rossijskom kinematografe: transformaciya praktik v obshchestve potrebleniya // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2011. № 14(5). S. 168–181.

*Considering the issue of some peculiarities of the communicative
behavior of the Russian youth*

The article deals with the attempt of the description of some peculiarities of the communicative behavior of the youth in Russia. There are analyzed the factors, reflecting those spheres of the communication, where there is found out the group specificity of the communicative behavior. The research is conducted from the perspective of the productive aspect, representing the communicative means, that are performed by the speaker. The prospects of the study are the language factor and the communicative and strategic factor.

Key words: *age-related communication, communicative behavior, communicative imperative, communicative taboo, ageism.*

(Статья поступила в редакцию 24.04.2023)

М.В. ПИМЕНОВА

Санкт-Петербург

А.С. АЙДАРБЕКОВА

Шымкент, Республика Казахстан

Г.О. ИБРАИМОВА

Бишкек, Республика Кыргызстан

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ДУША – БАБОЧКА»
И ЕЕ ВАРИАНТЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

Описываются способы актуализации когнитивной модели «душа – бабочка» и ее вариантов «душа – мотылек» и «душа – пчела». Итогом изучения стало определение их похожих характеристик: они воспроизводят забытые мифы о предках; они восходят к энтомологическим символам русской лингвокультуры. Символические признаки души вербализуются через энтомологический код русской лингвокультуры. Выявление признаков 'бабочки', 'мотылька', 'пчелы' среди мотивирующих позволяет назвать макроконцепт «душа» символическим.

Ключевые слова: *концепт, макроконцепт, мотивирующие признаки, структура концепта, когнитивная модель, концептология, языковая картина мира, лингвокультурология, коды лингвокультуры.*

Введение. Символические концепты и макроконцепты – новый объект исследования в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Изучение символической составляющей в концептуальных структурах является приоритетом в аспекте обращения к фольклору и народным представлениям о внутреннем мире человека.

Объект исследования в статье – символическая когнитивная модель «душа – бабочка». Предмет исследования – способы актуализации этой когнитивной модели и ее вариантов «душа – мотылек» и «душа – пчела». Основной термин данной статьи определяется следующим образом: *когнитивная модель* – это «стереотипный образ, с помощью которого организуется некоторый жизненный опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, оценку этого опыта, а также то, что мы хотим выразить» [18, с. 33]. Тема актуализации когнитивных моделей поднимается многократно в современной когнитивной лингвистике [17, с. 227–230; 21, с. 232–242].

Народные представления о составляющих внутреннего мира отражают архаические воззрения на природу человека. Во многом эти взгляды носят символический характер и могут интерпретироваться только сквозь призму религиозных верований и мифов. По словам В.А. Масловой, «закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т. е. возникновение коннотаций – процесс культурно-национальный, он не подчиняется логике здравого смысла» [15, с. 56].

Возможное объяснение тому, что человек, его внутренний мир концептуализируются при помощи признаков птиц, животных и насекомых, заключается в природе тотемизма, когда сообщества людей, говорящих на одном языке, назывались именами разных животных, птиц и т. д. Здесь мы сталкиваемся с принципом анимизма в природе, когда душа (*anima*) понимается как некое животворящее начало (*animal* – «животное»). Возможна иная трактовка таких воззрений. Описание метафизических составляющих человека посредством анималистических признаков обычно объясняется мифологическими способностями человека к метаморфозу – оборотничеству, изменению своего внешнего облика. Еще одно толкование подобных представлений – восприятие сложной природы человека: через призму видимого облика – тела, внутри которого скрыта иная – нечеловеческая, животная сущность (устаревшее значение слова *живот* – «жизнь»), оживляющая и одухотворяющая его. Т. е. жизнь телу дает некий природный источник: «В русской мифологической традиции характерно осознание двойственной природы человека как соединения человеческого и животного начал» [16, с. 24]. Душа – то, что оживляет человека (одушевленный = живой). На ее месторасположение в разных языках указывают данные этимологии, например: «карел. ливв. *vat'ŕša, vat'ša, vatša* 'живот, матка, сердце, душа'» [1, с. 303].

Широкое распространение у разных народов получили представления о душе человека в облике животного, птицы, насекомого. В данной статье рассматриваются этномонологические признаки *души*, описываемой через образы *бабочки, мотылька, пчелы*.

Обзор литературы. К концепту *душа* часто обращались лингвисты, описывая ее с разных сторон [3; 8, с. 107–113; 22, с. 173–175; 24, с. 162–167; 26], включая сопоставительные исследования [5, с. 84–91; 11, с. 43–71; 14, с. 132–135]. В этих работах ученые обращали свое внимание на отдельные аспекты структуры концепта *душа*, способы активации ее признаков в разных языках.

Концептуальные исследования в рамках анализа когнитивных моделей относительно недавно стали объектом отдельных работ. Концепты и макроконцепты внутреннего мира человека особо интересны в этом ракурсе рассмотрения их особенностей.

Когнитивная модель «душа – бабочка» и ее варианты «душа – мотылек» и «душа – пчела» не были описаны ранее, кроме отдельного фрагмента в авторской монографии [16, с. 102–104]. Этим объясняется актуальность и научная новизна статьи.

Основные результаты и обсуждение. Обращение к теме когнитивных моделей позволяет по-новому взглянуть на некоторые аспекты реализации концептуальных признаков, за которыми скрываются глубокие лингвокультурологические смыслы. Сопутствующей актуальной темой становится исследование концептов и макроконцептов, у которых среди мотивирующих находятся символические признаки, что явля-

ется указанием на скрытый миф. Задача концептуалиста – отыскать корни этого мифа, объяснить культурный символ, передаваемый подобным признаком. Для этого необходимо описать все возможные формы объективации когнитивной модели, включая ее варианты.

Сложный объект исследования в статье состоит из:

1. Символического макроконцепта *душа*.
2. Символического концепта *бабочка* (*мотылек/пчела*).

Особый разряд символических концептов и макроконцептов был открыт М.В. Пименовой в 2011 г.: «...есть концепты, в мотивирующих признаках репрезентантов которых уже заложен символ. Т. е. символ в структурах таких концептов – не заключительный этап их развития, а исходная точка» [20, с. 65]. Обе составляющие когнитивной модели объединяются глубинной символикой, уже не понятной современным носителям языка. Н.А. Красавский отмечает: «...применение метода этимологического анализа приоткрывает занавес тайны первых шагов жизни концепта» [10, с. 44]. Чем объясняются энтомологические признаки макроконцепта *душа* – предстоит выяснить.

Среди мотивирующих признаков макроконцепта *душа* обнаружен признак ‘бабочка’. Об этом пишет А.Е. Аникин: «рус. *душá* ‘бабочка’ калуж., *дúшечка* ‘то же’ яросл.» [1, с. 25], ссылаясь на А.А. Потемню, упоминавшего, что у славян существовало представление о бабочке как воплощении души-предка (порхающая душа умершего). Такое представление характерно и для других народов: ретороманское *tamma donna* ‘бабочка’ = ‘бабушка’; ср.: «новогреч. *ψυχάρι* ‘бабочка’ от *ψυχή* ‘душа’» [25, с. 557].

Другие народы разделяли такое представление. В Средней Азии и на Памире верили, что ночная бабочка – это душа умершего предка, возвращающаяся время от времени в свой дом: ср. тадж. *arvoh* ‘духи умерших’ (< араб.) при ишкаш. *arvók* ‘мотылек’, вахан. *arwo(h)ə’k, roə’k* ‘то же’ [1, с. 25]. По словам А. Голана, «...в Европе и даже Бирме существовало поверье, что бабочки – это души умерших. Греческая Психея, имя которой Рсусче значит “душа”, представлялась в виде девушки с крыльями бабочки» [7, с. 175]. Объяснить это заимствованием нельзя – слишком большая география их распространения и этимологического соответствия.

В русском языке слово «*ба́бка* ‘мотылек’ нередко встречается в сочетании *ба́бка-ли́пка*» [6, с. 74]. В Сибири зафиксировано два варианта композитов: *ба́бочка-ли́бочка* (Иркутская область) и *ба́бочка-ли́почка* (в Новосибирской обл.), где *ли́пка, ли́почка* < п.-фин., ср. вепс. *lipkõ* ‘бабочка’ [25, с. 499]. А.Е. Аникин приводит праславянскую форму «*baba ‘мотылек’», считая, что оно «этимологически отличное от *baba ‘баба’» [1, с. 25].

Энтомологическая составляющая концептуальной структуры *души* не ограничивается признаками ‘бабочки’ и ‘мотылька’ («*Летел душой я к новым племенам, Любил, ласкал их пустоцветный колос...*» Е. Баратынский. На посев леса. «*Бессонница – ярмо гнетущего тягла. Не властна стать душа державой полномочной И бьется, в тщетности, с заботою бессрочной, Как бабочка в тюрьму оконного стекла*» К. Бальмонт. Сон за бессонницей. «*Данный миг есть как бы тело мотыльковое тех двух крыл... Психея*» К. Бальмонт. Мысли Словацкого). В нее включаются дополнительные признаки насекомых – в славянских языках фиксируется «энтомологическая» семантика слова *баба* и производных: «рус. *бабу́ля, бабу́шка, бабу́рка* южн. ‘бирюзовая стрекоза, коромысел’, *ба́бка* ‘жук-плавунец’ калуж., *бабу́чка* ‘синяя стрекоза’, укр. *ба́бка*, блр. обл. *ба́бка* ‘стрекоза’, с.-хорв. *babe* ж. ‘божья коровка’, чеш. *babka* ‘жук’ [1, с. 25].

Символизм насекомых сложен – он связан с забытыми мифами: по мифологическим представлениям «душа человека после смерти могла перевоплощаться в насекомых» [12, с. 142–145]. Как было замечено О.А. Терновской, «энтомологические символы <...> доминируют в народных представлениях о *душе*... в виде мухи – обычная при-

мета сорокадневного посмертного периода» [23, с. 122–127]. Хотелось бы подчеркнуть, что мифологема *муха* охватывает всех летающих насекомых, среди которых обожествлению чаще подвергается *пчела* (см. подробнее: [9, с. 355]).

Душа разными поэтами рисуется через образ пчелы («Раз в ульях есть обилие, мы их освободим. Раскрой, душа, воскрылия! Теки, Река-Сладим!» К. Бальмонт. Раскрытые улья. «Злая старость хотя бы всю радость взяла, А душа моя так же пред самым закатом Прилетела б со стоном сюда, как пчела, Охмелеть, упиваясь таким ароматом» А.А. Фет. Моего тот безумства желал...). Энтомологические и орнитологические признаки у макроконцепта *душа* реализуют архаические воззрения на природу души: «пчела отождествлялась в древности со словом (первотворением божества) и с огнем (с душой)» [13, с. 80].

Энтомологические признаки отражают одни из самых древних представлений о внутреннем мире человека. «Образ души-звука (гудения, жужжания) известен также болгарам: сами души иногда представляются как бестелесные невидимые существа, которые в Духов день наполняют церковь и жужжат, как пчелы» [4, с. 258]. Этот звук можно услышать в Духов день, приложив ухо к земле: «в этот день мертвые в могилах разговаривали – если кто-то нагибался и прижимался ухом к земле, он мог услышать, как они жужжат, как пчелы» [2, с. 131]. Архаика мифов воссоздается через сопоставление этимологии табуированных слов – репрезентантов изучаемых концептов и макроконцептов.

Выводы. Исследованная когнитивная модель «душа – бабочка» и ее варианты «душа – мотылек» и «душа – пчела» имеют похожие черты: 1. Они воспроизводят забытые мифы о предках, посещающих живущих в этом мире. 2. Описанная когнитивная модель и ее варианты выражают энтомологические символы русской лингвокультуры (душа = бабочка/мотылек/пчела). Символы души объективируются в языке посредством энтомологического кода лингвокультуры: *душа парит/порхает/летает*. Обнаружение признаков ‘бабочки’, ‘мотылька’, ‘пчелы’ среди мотивирующих позволяет отнести макроконцепт *душа* к разряду символических.

Список литературы

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2008. Вып. 2.
2. Арнаудов М. Български народни празници, обичаи, върования, пьсни и забави през цялата година. София, 1943.
3. Буянова Л.Ю. Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журнал. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main> (дата обращения: 03.03.2023).
4. Вакарепски Хр. Старинните елементи в бьгорските народни обичаи // През вековете. София, 1938. С. 252–260. Т. I.
5. Гаспарян Н.К. Концепт «душа» в сопоставительном аспекте: русская и армянская картины мира // Слово.ру: Балтийский акцент. 2017. Т. 8. № 1. С. 84–91.
6. Герд А.С. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994. Вып. 1.
7. Голан А. Миф и символ. М.; Иерусалим, 1994.
8. Журавлёва Е.А. Концепт «Душа» в русском национальном самосознании // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2007. № 3. С. 107–113.
9. Иванов В.В., Топоров В.Н. Пчела // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М., 1988. С. 354–356. Т. 2.
10. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.

11. Линь Цзиньфэн, Чебанов С.В. Формирование концептов [ТЕЛО], [ДУША], [ДУХ] в современной русской языковой картине мира // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 1. С. 43–71.
12. Маковский М.М. У истоков человеческого языка. М., 1995.
13. Маковский М.М. Язык – Миф – Культура // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 73–95.
14. Маринина Г. И. Национально-культурная специфика реализации концепта «душа» в английской, немецкой и русской фразеологической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10-3(76). С. 132–135.
15. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
16. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография. Кемерово, 2004.
17. Пименова М.В. Когнитивные модели и концептуальные метафоры как способ представления внутреннего мира человека // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Методика. 2005. № 5. С. 227–230.
18. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001.
19. Пименова М.В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. 2021. № 2. С. 37–44.
20. Пименова М.В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта творчество) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей / Отв. ред. М.В. Пименова. М., 2011. С. 65–83.
21. Пименова М.В. Символические признаки в структуре концепта сердце (когнитивные модели «сердце – Бог», сердце – солнце» и «сердце – жертва») // Язык. Текст. Дискурс. 2012. № 10. С. 232–242.
22. Плотникова А.А. Душа // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 173–175.
23. Терновская О.А. Ведовство у славян. II. БЗЫК (мухи в голове) // Балканское и славянское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 118–130.
24. Толстая С.М. Душа // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. С. 162–167. Т. 2.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем О.Н. Трубачева. М., 1986. Т. 1.
26. Франк С. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб., 1995.

* * *

1. Anikin A.E. Russkij etimologicheskij slovar'. М., 2008. Vyp. 2.
2. Arnaudov M. B»lgarski narodni prazdniki, obichai, v»rovaniya, p»sni i zabavi prez c»lata godina. Sofiya, 1943.
3. Buyanova L.Yu. Koncept «dusha» kak osnova russskoj mental'nosti: osobennosti rechevoj realizacii [Elektronnyj resurs] // Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=main> (data obrashcheniya: 03.03.2023).
4. Vakarepski Hr. Starinnite elementi v b»gorskite narodni obichai // Prez vekovete. Sofiya, 1938. S. 252–260. Т. I.
5. Gasparyan N.K. Koncept «dusha» v sopostavitel'nom aspekte: russkaya i armyanskaya kartiny mira // Slovo.ru: Baltijskij akcent. 2017. Т. 8. № 1. S. 84–91.
6. Gerd A.S. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej. SPb., 1994. Vyp. 1.
7. Golan A. Mif i simvol. М.; Ierusalim, 1994.
8. Zhuravlyova E.A. Koncept «Dusha» v russkom nacional'nom samosoznanii // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2007. № 3. S. 107–113.
9. Ivanov V.V., Toporov V.N. Pchela // Mify narodov mira: enciklopediya: v 2 t. М., 1988. S. 354–356. Т. 2.
10. Krasavskij N.A. Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russskoj lingvokul'turah. Volgograd, 2001.
11. Lin' Czin'fen, Chebanov S.V. Formirovanie konceptov [TELO], [DUSHa], [DUH] v sovremennoj russskoj yazykovej kartine mira // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2018. Т. 4. № 1. S. 43–71.

12. Makovskij M.M. U istokov chelovecheskogo yazyka. M., 1995.
13. Makovskij M.M. Yazyk – Mif – Kul'tura // Voprosy yazykoznanija. 1997. № 1. S. 73–95.
14. Marinina G. I. Nacional'no-kul'turnaya specifika realizacii koncepta ››dusha›› v anglijskoj, nemeckoj i russkoj frazeologicheskoj kartine mira // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 10-3(76). S. 132–135.
15. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. M., 2001.
16. Pimenova M.V. Dusha i duh: osobennosti konceptualizacii: monografiya. Kemerovo, 2004.
17. Pimenova M.V. Kognitivnye modeli i konceptual'nye metafory kak sposob predstavleniya vnutrennego mira cheloveka // Vestnik Centra mezhdunarodnogo obrazovaniya Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Kul'turologiya. Metodika. 2005. № 5. S. 227–230.
18. Pimenova M.V. Koncepty vnutrennego mira cheloveka (russko-anglijskie sootvetstviya): dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2001.
19. Pimenova M.V. Osobennosti struktury simvolicheskogo makrokoncepta ROD // Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualihanova. Seriya filologicheskaya. 2021. № 2. S. 37–44.
20. Pimenova M.V. Simvolicheskie koncepty kak chast' konceptual'noj sistemy (na primere koncepta tvorchestvo) // Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy i novye resheniya: sbornik statej / Otv. red. M.V. Pimenova. M., 2011. S. 65–83.
21. Pimenova M.V. Simvolicheskie priznaki v strukture koncepta serdce (kognitivnye modeli «serdce – Bog», serdce – solnce» i «serdce – zhertva») // Yazyk. Tekst. Diskurs. 2012. № 10. S. 232–242.
22. Plotnikova A.A. Dusha // Slavyanskaya mifologiya: enciklopedicheskij slovar'. M., 1995. S. 173–175.
23. Ternovskaya O.A. Vedovstvo u slavyan. II. BZYK (muhi v golove) // Balkanskoe i slavyanskoe yazykoznanie: Yazyk v etnokul'turnom aspekte. M., 1984. S. 118–130.
24. Tolstaya S.M. Dusha // Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskij slovar'. M., 1999. S. 162–167. T. 2.
25. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / Per. s nem O.N. Trubacheva. M., 1986. T. 1.
26. Frank S. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psihologiyu. SPb., 1995.

***The symbolic cognitive model of “spirit – butterfly”
and its variants in the Russian linguoculture***

The article deals with the description of the ways of the actualization of the cognitive model “spirit – butterfly” and its variants “spirit – moth” and “spirit – bee”. The result of the study is the definition of their similar characteristics: they reproduce the forgotten myths about the predecessors; they go back to the entomological symbols of the Russian linguoculture. The symbolic features of the spirit are verbalized by the means of the entomological symbols of the Russian linguoculture. The symbolic features of the spirit are verbalized by the means of the entomological code of the Russian linguoculture. Revealing the features of ‘butterfly’, ‘moth’ and ‘bee’ among the motivating ones allows to name the macroconcept “spirit” as a symbolic one.

Key words: *concept, microconcept, motivating features, structure of concept, cognitive model, conceptology, linguistic world picture, linguoculturology, codes of linguistic culture.*

(Статья поступила в редакцию 30.04.2023)

Н.И. КОРОБКИНА
Волгоград

ГЕНЕЗИС, БАЗОВЫЕ ПРИЗНАКИ И ОБЪЕМ ПОНЯТИЙНОЙ ДИАДЫ «ДОБРО-ЗЛО»

Рассматривается понятийная диада как особое ментальное образование. Представляется обзор возникновения дуальных противопоставлений. Формулируются признаки понятийных диад – универсальность и реверсивность. Эти признаки анализируются на примере понятийной диады «добро-зло». Выделяются также субъективность, относительность, неразрывность, национальная специфичность «добра-зла». Делается попытка определения объема понятийной диады «добро-зло».

Ключевые слова: добро, зло, «добро-зло», понятийная диада, базовый признак понятия, универсальность, реверсивность (конверсируемость), объем понятия.

В настоящее время когнитивное направление современной лингвистической науки является депозитарием не только конкретных и абстрактных единичных понятий с однословным наименованием, например, «добро» и «зло», но и объединением двух понятий, выполняющих функцию одного члена предложения и представляющих собой слияние (сплав) полярных понятий в семантико-коммуникативное единство, например, «добро-зло». Такое слияние полярных понятий, вербализуемое в соответствующих коррелятах и используемое в процессе коммуникации, получило название понятийная диада (парное/бинарное/дуплетное понятие, понятие-дуплет и др. термины). Получается, что в самом общем виде понятийную диаду можно определить как результат слияния двух полярных понятий, обозначающих новое третье монолитное понятие. Некоторые имеющиеся в современной науке работы, посвященные понятийным диадам, свидетельствуют о достаточном интересе к данному объекту научного исследования (см., например, [3, с. 53–56; 4, с. 106–109; 8]).

Настоящая статья, посвященная вопросу возникновения, базовым признакам и объему понятийной диады «добро-зло», не является исключением. Для начала обратимся к истории возникновения понятийных диад. Интерпретация идей об их универсальной значимости представлена в трудах известного отечественного ученого, академика РАН В.В. Иванова. В частности, в своей книге «Чет и нечет» [5] исследователь показывает, что древнейшие и универсальные представления человечества о двоичных противоположностях уходят своими корнями, с одной стороны, в биологическую природу человека (противопоставление мужского и женского начал; функциональная асимметрия мозга), а с другой, двоичность отображает универсальное в древности разделение племени на две экзогамные половины, между которыми только и возможны браки.

По гипотезе В.В. Иванова, асимметричное строение знаковых систем человека, в том числе разные оценки внутри таких пар, как мужское-женское, правое-левое, нечет-чет, верх-низ (первые члены оцениваются как «хорошие», вторые – как «плохие»), обусловлено асимметрией функций мозга: двухполюсная система оппозиций, окрашенных эмоционально, «встроена» в самую организацию головного мозга [5]. Далее В.В. Иванов приводит интересный факт о том, что прошлые столетия предлагают целый ряд индивидуальных систем понятийных диад, в которых каждое явление относится к одному из двух эмоционально окрашенных полюсов. Так, в качестве особенно яркого примера можно привести систему английского врача, астролога и мыслителя-мистика Ро-

берта Фладда (1577–1637), на которую значительное влияние оказали как характерные для того времени противопоставления алхимии, так и более древние двоичные традиции, сохранившиеся лишь пережиточно: *левый глаз – правый глаз; мать – отец; Луна – Солнце; тьма – свет; тепло – холод; неподвижность – движение; сжатие – расширение; сгущение – разжижение; слизь – кровь; матка – сердце* [Там же].

Интересной также можно считать систему двоичных признаков, предложенную Норманом Мейлером, в основе которой лежит деление между бунтарями американского общества (hip) и противоположной им категорией благополучных и благопристойных (square): *негр – белый; ночь – день; кривая – прямая; убийство – самоубийство; марихуана – алкоголь; hip – square*.

Помимо истории возникновения двоичных противопоставлений представляется важным рассмотреть ряд сформулированных нами базовых признаков понятийных диад. основополагающим из них является универсальность. Понятийные диады, которые большинство ученых-теоретиков относят к категориям философии, берут свое начало в учении пифагорейцев, у которых все строилось на таких противоположностях, как «нечетное-четное», соотносенных с такими двоичными парами, как «мужское-женское». Поэтому, по словам известного математика Ван дер Вардена, для пифагорейцев четное и нечетное являются не только основными понятиями арифметики, но и действительно заключающими основные начала всех вещей природы [Цит. по: 5 с. 101].

Понятийные диады выступают во многих случаях хорошей иллюстрацией закона единства и борьбы противоположностей (закона непрерывности мира). В них узнается более общий принцип бинарных противопоставлений, который непротиворечиво соединяет в себе разделенное и единое, тождество и противоположность, целое и часть [2, с. 101]. А уже сам этот принцип находит свое отражение во многих сферах жизни человека, наиболее существенные из которых могут быть отражены в следующей предлагаемой нами классификации:

Сфера пространственного измерения: «правый-левый»/«(в)право-(в)лево»; «верхний-нижний»/«(в)верх-(в)низ»; «близкий-далекий»/«ближе-дальше»; «передний-задний»/«вперед-назад»; «наружный-внутренний»/«наружу-внутри»; «внутреннее-внешнее»/«внутренне-внешне»; «низкий-высокий»; «центральный-периферийный» и т. д.

Чувственная сфера: «любовь-ненависть»; «радость-горе»; «верность-предательство» и т. д.

Гендерная сфера: «женское-мужское»; «муж-жена» и т. д.

Морально-нравственная сфера: «добро-зло»; «хороший-плохой»/«хорошо-плохо»/«лучше-хуже»; «возвышенное-низменное»; «верность-предательство»; «одобрение-осуждение»; «смелость-трусость»; «щедрость-жадность» и т. д.

Понятия, описывающие явления природы: «день-ночь»; «земной-небесный»; «свет-тьма»; «утро-вечер»; «восход-закат» и т. д.

Сфера социальной и родственной интеракции: «отцы-дети»; «богатый-бедный» и т. д.

Общественная сфера: «объективный-субъективный»/«объект-субъект»; «опасность-безопасность» / «опасный-безопасный» / «опасно-безопасно» / «опаснее-безопаснее» и т. д.

Понятия, описывающие состояние человека: «болезнь-здоровье»; «жизнь-смерть» и т. д.

Математические понятия: «плюс-минус»; «четный-нечетный» и т. д.

Субстанциальные понятия: «холодное-горячее»/«холодно-горячо»/«холоднее-горячее»; «мягкий-твердый»/«мягко-твердо»/«тверже-мягче» и т. д.

Философские категории: «простое-сложное»/«просто-сложно»/«проще-сложнее», «простота-сложность» / «простой-сложный» / «просто-сложно» / «проще-сложнее»; «часть-целое»; «пассивное-активное» и т. д.

Следует отметить, что данная классификация является аппроксиматичной, нечеткой, т. к. многие из понятийных диад могут одновременно входить в несколько сфер мироздания и человеческих отношений. Например, дуплет «земной-небесный», с одной стороны, принадлежит к понятиям, описывающим явления природы, а с другой стороны – к морально-нравственной сфере.

Несмотря на свою «античную» природу, проблема понятийных диад в современной лингвистике остается открытой. На сегодняшний день даже нет их окончательного списка. Именно поэтому представленная классификация по сферам мироздания является только одной, но не единственной из возможных попыток систематизировать имеющееся множество бинарных оппозиций.

Продолжая разговор о систематизации понятийных диад, хотелось бы предложить еще один вариант их классификации: собственно понятийные диады («день» – «ночь») и единые понятийные диады, представляющие собой семантическое амбивалентное единство («добро-зло»). Возможно также разделение понятийных диад на системные («добро-зло» и др.) и контекстуальные. Системные понятийные диады будут сохранять оттенок полярности и противоположности независимо от контекста и коммуникативных условий, а вторые (контекстуальные) будут приобретать его только в определенной ситуации общения (например, оппозиция «коза-волк» в сказке Братьев Гримм «Волк и семеро козлят» представляет собой понятийную диаду, а вне контекста художественного произведения нет).

К еще одному базовому признаку понятийных диад относится их реверсивность (конверсируемость). Объясним, что из себя представляет данный признак на примере понятийной диады «добро-зло». Общеизвестно, что изначально ее компоненты относятся к философским фундаментальным категориям, которые могут быть использованы для анализа различных феноменов окружающей действительности. При этом добро и зло не должны существовать отдельно друг от друга, они должны быть взаимосвязаны. Такая тесная взаимосвязь будет оказывать положительное влияние на возможность человека по-разному оценивать одни и те же события в контексте добра и зла. Следовательно, можно утверждать, что полярные составляющие диады «добро-зло», в зависимости от коммуникативной ситуации, обладают способностью «перетекать» одно в другое, формируя усложненное понятие.

Ярким доказательством того, что понятийная диада «добро-зло» представляет собой сочетание амбивалентных смыслов, является афоризм известного скульптора и философа Микеланджело, который говорил: «Не знаю, что лучше – зло ли, приносящее пользу, или добро, приносящее вред» (ср. с русской пословицей «Не сделай добра, не получишь зла»). И действительно, совершая, например, спасение во имя добра, мы нередко причиняем человеку зло. Достаточно вспомнить Андрея Соколова из «Судьбы человека» М.А. Шолохова, который, будучи в немецком плену, первый раз в жизни убил, и то своего.

Обратим еще раз внимание на понятийную диаду «добро-зло», которая представляет собой экзистенциальную значимость не только для отдельно взятой личности, но и для общества в целом. Важность данной проблемы объясняется тем, что поиски ответов на вопросы о том, что есть добро и что есть зло, составляют основу человеческого существования. Люди с античных времен пытались найти ответы на эти вопросы, но так до сих пор и не пришли к однозначному мнению. Возможно, отсутствие единого понимания добра и зла свидетельствует не только о зависимости этих компонентов понятийной диады от объективности происходящего в окружающем мире, но и от определен-

ных экстралингвистических факторов и субъективных способностей человека (широта мировоззрения, уровень нравственного сознания и др.).

Особый интерес для нас «добро-зло» представляет именно как неделимое понятие, как понятийная диада, чья сложность в определении коренится в ряде базовых признаков данного дуплета.

Рассмотрим некоторые из них. Как уже упоминалось, любая понятийная диада по своему характеру является универсальной, т. е. всеобщей. Несмотря на то что изначально понятийная диада «добро-зло» относится к морально-нравственной сфере, это не означает ограниченность ее использования и в других областях, например, при номинации явлений природы (солнце = добро, наводнение = зло), при выражении чувств и эмоций (любовь = добро, ненависть = зло) и др.

В большинстве случаев понятийная диада «добро-зло» оказывается субъективно-окрашенным ментальным образованием, поскольку используется человеком для оценки явлений, событий, поступков, моральных качеств и пр. Такое личностно-ориентированное оценивание окружающей действительности не может не сопровождаться и эмоциональным восприятием объектов реального мира. Поэтому в структуре понятийной диады «добро-зло» может присутствовать и эмоциональная составляющая. Бытует мнение, что оба этих компонента (оценочный и эмоциональный) дают основание поставить под сомнение научность и объективность понятийной диады «добро-зло», что подчеркивает дискуссионный характер данной философской дихотомии.

При помощи понятийной диады «добро-зло» человек не только оценивает, но и познает действительность. Однако эта диада не может служить достаточно надежным инструментом познания природных, социальных, моральных и др. явлений, поскольку помогает осуществить их первичную классификацию (подразделение вещей на плохие и хорошие, вредные и полезные), отражая при этом преимущественно их внешнюю сторону.

Упоминаемая субъективность «добра-зла» предполагает отсутствие в мире абсолютного зла или абсолютного добра и вытекает в еще один базовый признак понятийной диады «добро-зло» – ее относительность.

Проявление относительности «добра-зла» подтверждает реверсивность (конверсируемость) анализируемой диады и ее неразрывность. «Добро» и «зло» как компоненты понятийной диады настолько едины, что часто взаимозаменяют друг друга. Они взаимопроникают одно в другое и не могут существовать по отдельности, и поэтому реализуются в противоположно полярной паре с амбивалентным смыслом. Так, известный английский поэт У. Блейк утверждал, что противоположности лежат в основе понятий, которые называются добром и злом, где добро, как правило, олицетворяет слабость, покорность, мировой порядок, закон, а зло – энергию, бунт, страсть, порыв, вдохновение.

Говоря о базовых признаках понятийной диады «добро-зло», нельзя не упомянуть национально-специфичную особенность восприятия ее компонентов. Легко представить себе, что, независимо от национальной принадлежности, для одного человека добром является всеобщая польза, для другого – личная польза, для третьего – это просто философская категория, а для четвертого – это относительное понятие, которое может поменять знак на противоположный в зависимости от ситуации. Например, С.В. Иванова справедливо обращает внимание на различное представление универсальной категории «добро» в английском и русском лингвокультурном сообществах: английское представление о добре является более универсальным, поскольку указывает на положительность добра. Видимо, в этом случае необходим историко-культурный анализ, который позволит увидеть трансформацию данного концепта в «добро вообще» для русского языкового сознания и «добро как польза» для западных носителей английского языка [6].

Вопрос об объеме понятия «добро-зло» был и остается вечным. Поскольку изначально компоненты анализируемой понятийной диады принадлежат философским категориям, то и объем этого ментального образования целесообразно рассмотреть с позиций данной отрасли научного знания.

Две с половиной тысячи лет назад известный философ Сократ поставил вопрос: «Что есть благо?» – и полагал, что, найдя правильный ответ на этот вопрос, человек перестанет творить зло. Однако за свое толкование добра и зла он был осужден соотечественниками на смерть, поскольку утверждение, что «человек творит зло только потому, что не познал, в чем состоит истинное благо», казалось неправдоподобным.

Гораздо правдивее звучало христианское утверждение: человек знает, что есть добро, но не может пересилить себя: иные стараются, но не могут, другие же не хотят меняться, соблазненные «чарующим покровом зла». Апостол Павел прекрасно выразил эту мысль в следующих известных строках: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю».

Продолжая анализ объема понятийной диады «добро-зло» в философском ключе, обратимся к работе В.Ш. Сабирова, в которой собраны размышления известных мыслителей на данную тему [7]. Так, по мнению философа Р. Тагора, подавляющему большинству людей, не склонных к рефлексии и философским размышлениям, проблема добра и зла кажется банальной. Общая схема их размышлений такова: «Добро – это хорошее, зло – это плохое. Следовательно, к хорошему нужно стремиться, нужно его приумножать, а с плохим бороться. В мире много зла, потому что с ним плохо борются». Однако, русский философ С.Л. Франк считает, что такой взгляд на проблему является не только поверхностным, но даже опасным и рискованным. В своей работе «Крушение кумиров» он писал: «все горе и зло, царящее на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания, по меньшей мере на 99% суть результат воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла; тогда как едва ли и одна сотая доля зла и бедствий обусловлена действием откровенно злой, непосредственно преступной и своекорыстной воли» [Цит. по: 7].

Далее из размышлений Р. Тагора становится понятным, что понятийная диада «добро-зло» – это понятие, которое одновременно является ценностным, поскольку значимо для человека, и оценочным, т. к. может служить универсальным инструментом оценки. Так, например, фраза *Сейчас за окном идет дождь* для крестьянина, спасающего свой урожай от засухи, будет хорошей (доброй), а для туриста, отправляющегося в поход, плохой (злой).

Уместно заметить, что наши высказанные ранее предположения о реверсивном (конверсируемом) базовом признаке понятийной диады находят свое подтверждение в мыслях многих философов. Так, Н.О. Лосский говорил, что «любое зло всегда относительно, т. е. в любом зле есть какие-то элементы добра, если на него посмотреть с философской точки зрения» [Цит. по: 7]. В качестве подтверждения этому Н.О. Лосский приводит пример смерти, которая, с одной стороны, символизирует несомненное зло, а с другой, если абстрагироваться от личностных переживаний и посмотреть на смерть с точки зрения ее роли в процессе жизни, необходима. Осознание человеком своей смертности побуждает его к нравственным исканиям. Без смерти нет жизни, но без смерти нет и смысла жизни, т. к. благодаря смерти жизнь приобретает качество непреходящей ценности.

Известный русский философ Н.А. Бердяев также подчеркивал тесную взаимосвязь добра и зла и утверждал, что, в какой-то степени оправдывая зло, мы защищаем человека, т. е. служим добру. Парадокс проблемы добра и зла также заключается в том, что «добрые для победы над злыми делаются злыми и не верят в другие способы борьбы со

злыми, кроме злых способов» [Цит. по: 7]. Кроме этого Н.А. Бердяев, подчеркивая неразрывность понятийной диады «добро-зло», убежден, что «добро и зло коррелятивны, и в известном смысле можно сказать, что добро возникло лишь тогда, когда возникло зло, и падает с падением зла» [1, с. 47], поскольку зло «вторично» по отношению к добру: оно лишь «оборотная сторона» добра, отступление от него.

По мнению И.А. Ильина, понятийная диада «добро-зло» – это есть не что иное, как следствие человеческого душевно-духовного мира, являющегося местонахождением этого ментального образования, компоненты которого способны «перетекать» друг в друга. И.А. Ильин считает, что телесное страдание может привести одного человека к беспредметной злобе и животному огрублению, а другого – к очищающей любви и духовной прозорливости [Цит. по: 7]. Поэтому преодоление проблемы «добра и зла» должно достигаться именно во внутренних усилиях и преобразованиях.

Все без исключения философы сходятся во мнении, что понятийная диада «добро-зло» настолько тесно олицетворяет неразрывность и взаимосвязь, что если представить себе некую гипотетическую ситуацию, будто одна из сторон (добро или зло) полностью уничтожена, то получится не что иное, как конец истории человечества, которому уготован рай (в случае победы добра), либо ад (при победе зла).

Лексикографическое понимание «добра-зла» в рамках философской парадигмы научного знания представляет собой анализ объема этих фундаментальных понятий как этических категорий. Аксиологически добро является ценностью и олицетворяется с элементарной позитивностью, существующей в реальном мире. Что касается зла, то оно противопоставляется добру, является антиценностью и тем, что несет в себе всякий, окружающий человека негатив. Получается, что в философском аспекте понятийная диада «добро-зло» – это оценочное понятие, используемое для познания окружающей действительности, категория этики, обладающая тесной взаимосвязью и неразрывностью, что находит свое отражение в реверсивном (конверсируемом) признаке анализируемой понятийной диады.

Согласимся также с мнением некоторых ученых-философов (например, с Н.А. Бердяевым, Н.О. Лосским), которые выделяют батальную характеристику «добра-зла» как понятийной диады. Поскольку единство «добра» и «зла» – это изначально все-таки единство противоположностей, то это означает, что они не только взаимодополняют, но и взаимоисключают друг друга. Это неизбежно обуславливает постоянную борьбу добра со злом.

И, действительно, такая борьба двух противоположных начал находит свое отражение в трудах многих зарубежных и отечественных философов и писателей («Война и мир» Л.Н. Толстого, «Отцы и дети» И.С. Тургенева), в фольклорном наследии многих народов мира, а именно в песнях, пословицах и поговорках («Злой не верит, что есть добрые люди»), сказках. Эта ежеминутная борьба идет на всех уровнях: от международного (в захватнических войнах зло символизирует агрессор, а добро – жертва нападения) до борьбы внутри каждого человека (в каждой конкретной жизненной ситуации перед нами всегда есть два варианта действий – правильный и неправильный).

Таким образом, попытка проанализировать генезис, базовые признаки и объем понятийной диады «добро-зло» приводит к следующим выводам: понятийная диада как особое ментальное образование обладает универсальностью и реверсивностью. Эти признаки, а также субъективность, относительность, неразрывность, национальная специфичность были проанализированы на примере понятийной диады «добро-зло».

Понятийная диада «добро-зло» представляет собой не только пару семантических антонимов, но и противников, соперников в буквальном смысле и во всех отношениях. Можно сказать, что подоплека и смысл существования всего мира и человечества заключаются именно в борьбе добра и зла. Более того, не вызывает никаких сомнений тот

факт, что одновременное существование добра и зла в мире и обществе является совершенно необходимым. Именно оно (одновременное существование добра и зла) и придает человеческой жизни некий смысл, поскольку на каждом шагу предоставляет нам возможность выбора между добром и злом.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
2. Берестнев Г.И. Иконичность добра и зла // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 99–113.
3. Дошчанова С. Понятийные характеристики концепта “lie” («ложь») как одного из компонентов концептуальной диады «ложь / правда» (“lie / truth”) // Креативная лингвистика: сборник научных статей. Вып. 2. Астрахань, 2019. С. 53–56.
4. Дурдыев М. Концептуальная диада «богатство-бедность» в английской лингвокультуре // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-5. С. 106–109.
5. Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
6. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. Уфа, 2004.
7. Сабиров В.Ш. Два лика зла (Размышления русских мыслителей о добре и зле). М., 1992.
8. Храмова Ю.А. Концептуальная диада «лицемерие-искренность» (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

* * *

1. Berdyaev N.A. O naznachanii cheloveka. M., 1993.
2. Berestnev G.I. Ikonichnost' dobra i zla // Voprosy yazykoznanija. 1999. № 4. S. 99–113.
3. Doshchanova S. Ponyatijnye harakteristiki koncepta “lie” («lozh») kak odnogo iz komponentov konceptual'noj diady «lozh' / pravda» (“lie / truth”) // Kreativnaya lingvistika: sbornik nauchnyh statej. Vyp. 2. Astrahan', 2019. S. 53–56.
4. Durdyev M. Konceptual'naya diada «bogatstvo-bednost'» v anglijskoj lingvokul'ture // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 85-5. S. 106–109.
5. Ivanov V.V. Chet i nechet: Asimetriya mozga i znakovyh sistem. M., 1978.
6. Ivanova S.V. Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigm. Ufa, 2004.
7. Sabirov V.Sh. Dva lika zla (Razmyshleniya russkih myslitelej o dobre i zle). M., 1992.
8. Hramova Yu.A. Konceptual'naya diada «licemerie-iskrennost'» (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2010.

The genesis, fundamental features and volume of the concepts' dyad “good-evil”

The article deals with the concepts' dyad as a special mental education. There is given the review of the origin of the dual oppositions. There are formulated the features of the concepts' dyad – universalism and reversibility. These features are analyzed at the example of the concepts' dyad “good-evil”. There are revealed the subjectivity, relativity, continuity and national specificity of “good-evil”. There is made an attempt to define the volume of the concepts' dyad of “good-evil”.

Key words: *good, evil, “good-evil”, conceptual dyad, fundamental feature of concept, universalism, reversibility (convertibility), volume of concept.*

(Статья поступила в редакцию 06.05.2023)

А.А. ХАНОВА
Волгоград

ТОПОНИМЫ, ГИДРОНИМЫ И АНТРОПОНИМЫ В КИТАЙСКИХ НАРРАТИВАХ
О ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Представлено лингвокультурологическое исследование топонимов на материале китайских нарративов о Великом шелковом пути. Лингвокультурологический анализ топонимов позволяет выявить аспекты картины мира народа, отражаемой в языке. Географические наименования являются отражением истории нации, в них зафиксированы различные периоды развития и процветания языка, а также культуры Китая.

Ключевые слова: нарратология, нарратив, Великий шелковый путь, топонимы, антропонимы, гидронимы.

Нарратологию считают одним из важных научных направлений, развивающихся на стыке лингвистики, литературоведения и теории коммуникации. Сейчас в современной отечественной и зарубежной лингвистике существует много трудов, посвященных изучению нарратологии и нарратива. Большой вклад в исследование нарратологии внесли русские теоретики: М.М. Бахтин [2], Ю.М. Лотман [9], В.Я. Пропп [15], Б.В. Томашевский [18, с. 84–87], Б.А. Успенский [20], В.Б. Шкловский [23]. В немецком литературоведении известны работы В. Кайзера [29, с. 82–101], К. Фридеманна [25, с. 7–23], В. Шмида [24]. Исследованием нарратологии занимались такие французские ученые, как А.Ж. Греймас [6], Ж. Женнетт [7; 26; 27], К. Бремон [4, с. 108–135], Ц. Тодоров [30; 31].

Нарратология в широком значении определяется как теория повествования, область «исследования нарратива и его воздействия на человеческое восприятие» [9, с. 93]. Исследуя нарратив с лингвокультурной точки зрения, Ром Харре и Йенс Брокмейер отмечают, что нарратив является языковым знаком и способен передавать культурные особенности народа [5, с. 29–42]. Ученые определяют нарратив как «некоторый ансамбль лингвистических и психологических структур, передаваемых культурно-исторически, ограниченных уровнем мастерства каждого индивида и смесью его социально-коммуникативных способностей с лингвистическим мастерством» [Там же].

Вышедшая в 1998 г. монография Жеррара Женетта «Фигуры» характеризует нарратив как «представление событий или последовательности событий, реальных или вымышленных при помощи языка и, в частности, при помощи письменного языка» [7].

Ролан Барт, исследуя нарратив в широком смысле, обращает внимание на многообразие повествовательных жанров, которые способны воплощаться в самых различных субстанциях. Так, нарратив используется в мифах, легендах, баснях, сказках, рассказах, историях, трагедии, драме, комедии, пантомиме, рисунках, цветных витражах, кино, местных новостях, разговорах [1].

В настоящее время истории возникновения Великого Шелкового пути (丝绸之路), его функционированию, перевозимым товарам, а также отдельным региональным центрам, игравшим важную роль в налаживании торговых и культурных связей, посвящено немало исследований [11].

Цель нашей работы выявить и проанализировать топонимы в нарративах, посвященных Шелковому пути.

При анализе нарративов мы смогли выделить множество географических названий. Номинации многочисленных географических объектов осуществляются с помо-

щью топонимов, происхождение которых невозможно в отрыве от истории и географии. Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет топоним как «собственное название отдельного географического места (населенного пункта, реки, угодья и др.)». Топонимикой (от. греч. *topos* – место, *онима* – имя) называют отрасль языкознания, которая занимается «изучением географических наименований, выявлением их своеобразия, историей возникновения и анализом изначального значения слов, от которых они образованы» [13, с. 3].

Исследование практического материала позволяет сделать вывод о главной роли географического фактора в образовании топонимов. Исторические факторы также играют немаловажную роль.

Решение вопросов лингвистики, функционирования языковых единиц сквозь призму языковой картины мира, которая отражает определенный способ постижения мира через язык, актуализировали топонимические исследования. Топонимы в рамках лингвострановедения, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации стали рассматриваться в их тесной связи с историей и культурой этноса (М.Н. Аникина, В.И. Белая, Е.Л. Березович, Н.Ж. Бирилло, Е.М. Верещагин, М.В. Горбаневский, В.Г. Костомаров, О.А. Леонтович, В.П. Нерознак, В.В. Ощепкова, Г.Д. Томахин, В.Д. Черняк, А.Б. Шабанова и др.). В.В. Молчановский отмечает, что топоним хранит в себе знания о стране, историко-культурную информацию об этносе: «национально-культурный компонент семантики топонимов отличается особой страноведческой репрезентативностью, богатством культурно-исторических ассоциаций» [12, с. 5].

Топонимы, созданные на разных языках в разное время, отражают всю многовековую историю народа: природные условия существования данного народа, его материальную и духовную жизнь в непрерывном развитии. Географическое название передает важную информацию экстралингвистического характера, которая также может быть закрыта для тех, кто не владеет необходимыми фоновыми знаниями ономастической лексики. Топонимы являются важной частью лексики любого языка [19].

Примером, подтверждающим убеждение о доминирующей роли географического фактора в образовании топонимов Китая, является провинция Цинхай. В ее названии отражена близость расположения географического объекта к озеру: провинция Цинхай (青海), название которой выражает близость к озеру Цинхай. Упоминание о провинции можно найти в стихотворении поэта Ван Чанлина, рассказывающем о горных вершинах, через которые караваны следовали один за другим, поскольку именно в провинции Цинхай были пункты Шелкового пути:

‘青海长云暗雪山，
孤城遥望玉门关。
黄沙百战穿金甲，
不破楼兰终不还’[32].

(Цинхай, кучевые облака, заснеженные горы, изолированный город с видом на перевал Юймэнь. Многочисленные войска носят золотые доспехи, царство Лоулань еще не разгромлено) (Здесь и далее перевод наш. – А.Х.).

Другим важным пунктом Великого шелкового пути и примером топонима является «Застава Нефритовых Ворот» (застава Юймэнь, застава Юймэньгуань). Во времена Шелкового пути застава Юймэньгуань выполняла функцию почтовой станции для торговцев и послов, была единственным пунктом отдыха и запаса воды, ее главной функцией была охрана западных границ, а также торговых караванов и населения западных территорий империи от набегов северных гуннов. Однако с началом торговли между Западом и Востоком во II в. до н. э. застава стала важным стратегическим и торговым пунктом, через который во внутренний Китай стали привозить нефрит, что находит от-

ражение в названии заставы: 玉门, где 玉 – «нефрит», 门 – «ворота». Многие проанализированные нами нарративы содержат упоминания о горе Тянь-Шань (天山), поскольку караванам было необходимо преодолеть эти горы, чтобы продолжить свой путь в Среднюю Азию. Горная система Тянь-Шань представляет собой китайскую кальку с монголо-тюркского Тенгри-Таг с тем же значением (монг. тэнгэр – «небо», тюрк. таг – «гора»), принятым коренным населением для одного из хребтов в восточной части горной системы:

明月出天山，
 苍茫云海间。
 长风几万里，
 吹度玉门关。
 由来征战地，
 不见有人还。
 戍客望边色，思乡多苦颜 [33].
 (Яркая луна восходит из-за гор Тянь-шань,
 Безбрежная пелена облаков среди гор.
 Сильный ветер дует на несколько десятков тысяч ли,
 доходя до заставы Юймэнь.
 Из-за битвы еще не видел ни одного человека.
 Люди, охраняющие границы, следят за пограничными землями.
 Тоска по родным местам больше горя).

Название отражает духовную культуру народа, поскольку связано с религией. В этом топониме первый иероглиф 天 означает «небо», а второй 山 – «гора», что дословно переводится как «небесные, божественные горы».

В нарративном пространстве Шелкового пути встречаются упоминания названий различных гидронимов, находящихся на пути караванной дороги. В китайском языке названия водоемов отражают древние представления китайского народа о водном пространстве страны. Главными реками были Хуанхэ (黄河), Таохэ (洮河), Лоб Нор (罗布泊), Янцзы (长江).

Рассмотрим пример: ‘自兩漢以來，軍隊、使節、商隊、僧侶、詩人，不斷過往蘭州，渡過黃河，西去東來，不知有過多少腳步在這裡駐足？’ [34]. (Со времен династии Хань войска, дипломатические представители, караваны, монахи и поэты непрерывно проходили через город Ланьчжоу, переплывали реку Хуанхэ. С востока шли на запад, сколько караванов здесь останавливалось?).

В древности р. Хуанхэ (黄河) была широкой и прозрачной, но позднее, во время династии Западная Хань, из-за того что в реке было много песка и глины, реку стали называть «Чжохэ», что в переводе означает «Мутная река» или «Хуанхэ» (Желтая река). Река Хуанхэ часто разливалась, тем самым затопляя прибрежную часть. Это пример описательного топонима, который содержит квалификативную характеристику объекта и показывает нам, что в китайской топонимике одной из универсалий может быть сочетание родового термина с цветовым компонентом, где 河 – «река» сочетается с определением «желтый» – 黄 (huáng).

Основываясь на языковом материале, можно выделить следующие основные топонимические модели:

- 1) прилагательное + существительное: 黄河 (р. Хуанхэ);
- 2) существительное + существительное: 天山 (г. Тянь-Шань), 玉门 (застава Юймэньгуань).

Название реки Янцзы (长江) – это описательное название (топоним), образованное естественным путем, что дословно переводится как «длинная река», где 长 – «длинный», 江 – «река». Частое упоминание этих рек в нарративах о Шелковом пути пока-

зывает, насколько важна их роль в истории и культуре Китая, а также в хозяйственной жизни.

Анализируя нарративы, мы также смогли выявить, что основными персонажами являются исторически значимые личности: правители и полководцы, путешественники, монахи, писатели, торговцы, например: 汉武帝 (У-ди, император империи Западная Хань в Китае), 成吉思汗 (Чингисхан, основатель Монгольской империи, полководец), 忽必烈 (Хубилай, монгольский хан), 帖木兒 (Тамерлан/Тимур, тюркский полководец, завоеватель), 张骞 (Чжан Цянь, дипломат, путешественник), 马可波罗 (Марко Поло, путешественник), 玄奘 (Сюаньцзан, китайский монах, путешественник, поэт), 李白 (Ли Бо, китайский поэт времен династии Тан), 王昌龄 (Ван Чанлин, китайский поэт династии Тан).

Одним из первых китайских «землепроходцев» во II в. до н. э. был Чжан Цянь, занимавший высокую должность при императорском дворе. Он, путешествуя по долгу службы, смог собрать важные сведения о ресурсах стран и интересах других народов к Китаю. Чжан Цянь вел подробный отчет о своем путешествии и именно благодаря этим историческим записям узнали о неведомых прежде странах и городах: ‘张骞等人马不停蹄，专拣人迹罕至的荒原前进。他们忍受着炎热和干渴的煎熬，穿过沙漠戈壁，翻过帕米尔高原白雪皑皑的山岭，终于到过了富饶的西域各国’ [35]. (Чжан Цянь и его товарищи ни на минуту не останавливались, шли по специально выбранной безлюдной местности. Они терпели жару и мучавшую их жажду, пересекли пустыню Гоби, перешли через заснеженные горные хребты Памира, и, наконец, прибыли в богатые западные земли).

Чжан Цянь, возвратившись на родину в 126 г. до н. э., после долгих лет, проведенных в плену у гуннов, направил императору У-ди свой доклад об отсутствии в других странах шелкоткацкого ремесла, предложил вывозить за границу шелк в обмен на коней, сладкие плоды, вино и др. Рассказы Чжан Цяня о богатстве стран Запада и их интересе к китайским товарам оказали на императора большое влияние, что повлияло на дальнейшее решение создать единую магистраль, которая соединит две цивилизации – Западную и Восточную: ‘公元前 126 年，历尽千难万险，出使西域十三年的张骞回到了长安。当初出发时的随从只剩下了一个人。张骞向汉武帝介绍了西哉各国的方位、人口、兵力、风俗、物产、相互关系以及对汉朝的态度等情况。听了他的陈述，人们才知道，那里有许多希望和汉朝友好通商的国家’ [36]. (В 126 г. до н. э., испытав трудности и опасности, отправившись в миссию по западным землям на 13 лет, Чжан Цянь вернулся в Чанъань. Поведал императору У-ди о местоположении всех западных стран, их населении, войсках, обычаях, природных богатствах. Услышав его слова, люди наконец-то узнали, что западные страны хотят дружеских и торговых отношений с династией Хань).

Ю.В. Латов, изучая важные факты и феномены Шелкового пути, упоминает, что его развитие «зависело от геополитического противоборства разных стран за контроль над караванными путями» [8, с. 126]. Для того чтобы Шелковый путь мог успешно функционировать, было необходимо создать империю, которая могла бы обеспечить политическую стабильность и контролировать все караванные пути, либо «разделом мира» между крупными державами, которые способны обеспечить безопасность торговли [Там же].

Т. к. Великий шелковый путь был самым знаменитым торговым маршрутом, сыграл большую роль в развитии экономических и культурных связей, нарраторы описывали основные страны, куда доставлялись китайские товары и откуда привозились в Китай неизвестные ранее продукты. Но, помимо описания стран, с которыми Китай налаживал торговые отношения, встречается упоминание о государствах, которые вели войны с Китаем за контроль над Шелковым путем, например, 突厥汗国 (Тюркский кага-

нат). В VI в. за путями следил Тюркский каганат, в XIII в. их контролировала империя Чингисхана, а в XIV в. контроль над Шелковым путем перешел к империи Тимура (Тамерлана). Именно Тюркский каганат объединил территорию Средней Азии, и хотя это племя пыталось захватить весь Шелковый путь, данный период был коротким. После этого образовалось много кочевых государств, кочевые племена которых были способны лишь на осуществление контроля над локальными путями [8; 11]. Основной целью Тамерлана было захватить оставшуюся часть Шелкового пути для процветания столицы – Самарканда. Он организовал поход на Китай, но вскоре тот был отменен из-за начавшейся холодной зимы.

Таким образом, проанализировав материал, можно сказать, что топонимы, антропонимы и гидронимы являются неотъемлемой частью китайской культуры и языка, запечатлевшей представления китайского народа об окружающем мире. Благодаря функционально-семантической характеристике топонимов мы можем изучить влияние на них внутренних и внешних факторов, а также проследить за историческим прошлым народа. Географические наименования, связанные с Шелковым путем, являются отражением истории, в них зафиксированы различные периоды развития и процветания языка и культуры общества. Незнание читателем аспектов, связанных с историей развития страны, в итоге может стать причиной непонимания исторических отсылок.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. Mythologies / пер. с фр. С. Зенкина. М., 2000.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Л., 1929.
3. Большой китайско-русский словарь онлайн (БКРС) [Электронный ресурс]. URL: <http://bkrs.info/> (дата обращения: 09.06.2023).
4. Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия: сборник пер. / Сост. и ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. М., 1972. С. 108–135.
5. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
6. Греймас А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода. М., 2004.
7. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х т. Т. 1–2. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-1.pdf> (дата обращения: 10.06.2022).
8. Латов Ю.В. Великий шелковый путь – пролог мировой экономики и глобализации (к 2130-летию его «открытия») // Историко-экономические исследования. 2010. Т. 11. № 1. С. 127–129.
9. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
11. Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
12. Молчановский В.В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: дис. ... канд. пед. наук. М., 1984.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2015.
14. Петров Л.М. Великий Шелковый путь. М., 1995.
15. Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928.
16. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М., 2011.
17. Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранные языки в школе. 1980. № 4. С. 84–87.
18. Томашевский Б.В. Теория литературы: Поэтика. Л., 1925.
19. Туова Т.Г. Особенности топонимического исследования Северо-Западного Кавказа [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-toponimicheskogo-issledovaniya-severo-zapadnogo-kavkaza> (дата обращения: 11.06.2023).
20. Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1970.
21. Фаткуллина Ф.Г. Топонимы как компонент языковой картины мира [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (дата обращения: 12.06.2023).

22. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994.
23. Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929.
24. Шмид В. Нарратология. М., 2003.
25. Friedemann K. Die Rolle des Erzählers in der Epik. Berlin, 1910.
26. Genette G., Levin J.E. Narrative Discourse. Oxford, 1980.
27. Genette G., Levinas A. Boundaries of Narrative // New Literary History. 1976. № 8.1 P. 1–13.
28. Jahn M. Narratology: A Guide to the Theory of Narrative [Electronic resource]. URL: <http://www.uni-koeln.de/> (дата обращения: 10.03.2023).
29. Kayser W. Wer erzählt den Roman? // Die Vortragsreise: Studien zur Legende. Bern, 1958. S. 82–101.
30. Todorov T. Grammaire du Decameron. Mouton, 1969.
31. Todorov T. Theorie du symbole. Paris, 1977.
32. 古诗文网 Gushiwen [Electronic resource]. URL: https://www.gushiwen.cn/mingju_1620.aspx?ivk_sa=1024320u (дата обращения: 08.06.2023).
33. 关山月 [Electronic resource]. URL: https://chinese-poetry.ru/originals.php?action=show&record_id=38 (дата обращения: 08.06.2023).
34. 百度百科 Baidu [Electronic resource]. URL: <https://www.baidu.com/> (дата обращения: 10.06.2022).
35. 百度题库 [Electronic resource]. URL: https://easylearn.baidu.com/edu-page/tiangong/question_detail?id=1728364550522096611&fi=search (дата обращения: 08.06.2023).
36. 百度题库 [Electronic resource]. URL: https://easylearn.baidu.com/edu-page/tiangong/question_detail?id=1716229176241218094&fi=search (дата обращения: 08.06.2023).

* * *

1. Bart R. Mifologii. Mythologies / per. s fr. S. Zenkina. M., 2000.
2. Bahtin M.M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo. L., 1929.
3. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' onlajn (BKRS) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://bkrs.info/> (data obrashcheniya: 09.06.2023).
4. Bremon K. Logika povestvovatel'nyh vozmozhnostej // Semiotika i iskusstvometriya: sbornik per. / Sost. i red. Yu.M. Lotmana, V.M. Petrova. M., 1972. S. 108–135.
5. Brokmejer J., Harre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoj paradigmy // Voprosy filosofii. 2000. № 3. S. 29–42.
6. Grejmas A.-Zh. Strukturnaya semantika. Poisk metoda. M., 2004.
7. Zhenett Zh. Figury. V 2-h t. T. 1–2. M., 1998. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/lit/jennet-figuru-1-2-1998-1.pdf> (data obrashcheniya: 10.06.2022).
8. Latov Yu.V. Velikij shelkovyj put' – prolog mirovoj ekonomiki i globalizacii (k 2130-letiyu ego «otkrytiya») // Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya. 2010. T. 11. № 1. S. 127–129.
9. Leontovich O.A. Metody kommunikativnyh issledovanij. M., 2011.
10. Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M., 1970.
11. Lyu Czyuan'. Koncept «puteshestvie» v kitajskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.
12. Molchanovskij V.V. Lingvostranovedcheskij potencial toponimicheskoy leksiki russkogo yazyka i ego uchebno-leksikograficheskaya interpretaciya: dis. ... kand. ped. nauk. M., 1984.
13. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. M., 2015.
14. Petrov L.M. Velikij Shelkovyj put'. M., 1995.
15. Propp V. Morfologiya skazki. L., 1928.
16. Superanskaya A.V. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvanij. M., 2011.
17. Tomahin G.D. Fonovye znaniya kak osnovnoj predmet lingvostranovedeniya // Inostrannye yazyki v shkole. 1980. № 4. S. 84–87.
18. Tomashevskij B.V. Teoriya literatury: Poetika. L., 1925.
19. Tuova T.G. Osobennosti toponimicheskogo issledovaniya Severo-Zapadnogo Kavkaza [Elektronnyj resurs] // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-toponimicheskogo-issledovaniya-severo-zapadnogo-kavkaza> (data obrashcheniya: 11.06.2023).

20. Uspenskij B.A. Poetika kompozicii. M., 1970.
21. Fatkullina F.G. Toponimy kak komponent yazykovoj kartiny mira [Elektronnyj resurs]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126> (data obrashcheniya: 12.06.2023).
22. Furmanova V.P. Mezukul'turnaya kommunikaciya i yazykovaya pragmatika v teorii i praktike prepodavaniya inostrannogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1994.
23. Shklovskij V.B. O teorii prozy. M., 1929.
24. Schmid V. Narratologiya. M., 2003.

Toponyms, hydronyms and anthroponyms in the Chinese narratives about the Great Silk Way

The article deals with the linguoculturological study of the toponyms at the material of the Chinese narratives of the Great Silk Way. The linguoculturological analysis of the toponyms allows to reveal the aspects of the world pictures of the people, reflected in the language. The geographical naming units are the reflections of the nation's history, where there are fixed the different periods of the development and the prosperity of the language, and the Chinese culture.

Key words: *narratology, narrative, Great Silk Way, toponyms, anthroponyms, hydronyms.*

(Статья поступила в редакцию 15.06.2023)

Е.В. БОБЫРЕВА

А.В. РЯБУХ

Волгоград

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ (на материале американских кинофильмов)**

Рассмотрены особенности языковой актуализации девиантного поведения современной молодежи (на материале американских кинофильмов). Исследовано понятие девиации, определены ее типы и характерные особенности. Введено понятие положительной и отрицательной языковой девиации. Выявлены языковые средства, используемые в процессе вербализации речевой девиации. Установлено процентное соотношение различных языковых средств, используемых при вербализации девиантного поведения.

Ключевые слова: *девиантное поведение, деструктивность, деструктивное поведение, манипуляция, модель поведения, речевое воздействие, эмоциональный стимул, языковая норма.*

Девиантное поведение выступает одним из видов отклоняющегося поведения, связанного с нарушением установленных норм и правил. В наиболее общем виде нормы представляют собой предписания, закрепленные правовыми и законодательными документами, действующие в определенной сфере и обязательные к выполнению. Совокуп-

ность норм помогает выстроить модель одобряемого данным обществом поведения. Соответственно, любое поведение, отклоняющееся от социальных норм и правил, считается девиантным.

В наиболее общем виде девиантное поведение и феномен девиации в целом можно представить в двух видах: клинически обусловленная девиация и социокультурно обусловленная девиация. Для нас представляет интерес второй тип, в частности способы передачи девиации средствами языка.

Девиантное поведение – это совершение нестандартных (вербальных и невербальных) действий, не вписывающихся в установленные нормы поведения и нарушающих нормы общественной морали.

Термин «девиантное поведение» используется в исследованиях по психологии, педагогике, социологии, юридическим наукам, медицине (в частности психиатрии). Каждая из областей рассматривает такое поведение в аспекте, представляющим интерес для конкретной научной сферы. Педагогика и психология пытаются понять причины такого поведения и разработать пути его предотвращения или коррекции; социология и юридические науки исследуют формы и степень нарушения норм существования индивидом в обществе и возможные формы наказания за подобное поведение; медицина (в частности психиатрия) исследует физиологические отклонения от принятой нормы естественного функционирования человека и разрабатывает медикаментозные методы коррекции анализируемого нами поведения. Как видим, ключевым для определения девиантного поведения выступает понятие социальной нормы.

В лингвистике под девиацией понимают сознательное или неосознанное нарушение коммуникативных норм. Деструктивность является «характеристикой особого типа человеческой деятельности, получившей название деструктивной деятельности, которая находит выражение в разрушении объектов и систем окружающего и внутреннего мира человека» [1, с. 9]. Согласимся с исследователем в том, что «наличие эмоционального стимула признается важнейшей характеристикой исследуемого типа общения: деструктивное общение всегда мотивировано эмоциональной составляющей, ибо эмоциональное сознание является способом деятельности индивида» [Там же, с. 10].

По мнению Э. Фромма, то или иное поведение можно отнести к деструктивному типу по наличию ряда конститутивных признаков, в число которых входят: «а) деструктивная интенция; б) эмоциональный стимул; в) ситуация и способ реализации; г) тип реакции адресата» [4, с. 34].

Я.А. Волкова считает, что «деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на осознанное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда, характеризуемого негативной реакцией со стороны адресата и чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты со стороны адресанта» [1, с. 10]. Однако мы не согласимся с исследователем в том, что деструктивное общение всегда направлено на причинение вреда собеседнику. По нашему мнению, можно говорить как об отрицательном, так и о положительном векторе девиации, что опровергает тезис об обязательном причинении вреда собеседнику.

Мы определяем девиацию в целом как отклонение от принятой в обществе нормы. При этом мы считаем, что девиация может быть: а) позитивной; б) общественно-нейтральной; в) негативной.

Психология к разряду положительной девиации относит различные поступки или достижения человека, отклоняющиеся от принятой нормы, к числу которых могут быть отнесены достижения конкретного человека в сфере науки, спорта, а также

различные поступки, требующие проявления повышенного внимания, ответственности, смелости и т. п.

Отрицательное девиантное поведение – совершение поступков и действий, порицаемых обществом. Деструктивная девиация может подразделяться на аддиктивную (попытка ухода от реальности путем искусственного изменения психического состояния) девиацию; аморальную девиацию (совершение действий, порицаемых установленными нормами морали и отклоняющихся от нормального поведения в обществе); делинквентную девиацию (устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых и устоявшихся общественных норм).

Многие исследователи сходятся во мнении, что девиантное поведение напрямую связано с речевой стратегией манипулирования. В общем виде любая манипуляция – это скрытое воздействие на партнера по коммуникации в интересах манипулятора для достижения тех целей, которые интересны последнему.

Ряд исследователей разграничивает понятия «речевого воздействия» и «манипуляции». Критерием для такого разделения выступает, например, осознанность или неосознанность адресанта в том, что он совершает манипулятивное действие [3]. Говоря о важности исследования феномена речевого воздействия на партнера по коммуникации, И.А. Стернин подчеркивает, что речевое воздействие – это «наука о выборе подходящего, адекватного способа речевого воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации, об умении правильно сочетать различные способы речевого воздействия в зависимости от собеседника и ситуации общения для достижения наибольшего эффекта» [3, с. 3].

По мнению Г.А. Копниной, «языковую (речевую) манипуляцию (манипулирование) следует рассматривать как разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [2, с. 39]. Ученый считает, что само манипулятивное действие невозможно без наличия «определенных ресурсов языка». Данные ресурсы языка (или «языковые приемы») выступают в качестве манипулятивных стратегий.

Анализ языковых средств передачи девиантного поведения современных молодых людей позволил нам выделить два типа: положительную девиацию и отрицательную девиацию.

Причинами отрицательной девиации могут быть: общий психологический настрой лица; низкий уровень культуры; желание показать свою значимость в определенном социальном окружении; материально-бытовое неблагополучие в целом; злоупотребление алкоголем и психотропными веществами; психоэмоциональные перегрузки; недостаток воспитания и бездуховность.

Для выявления и анализа особенностей вербализации деструктивного поведения современных молодых людей нами была проведена выборка текстовых фрагментов, демонстрирующих примеры реализации деструктивного поведения. Анализ проводился на материале англоязычных кинофильмов: «Чамскраббер» (“The Chumscrubber”, 2005), «Дневник Баскетболиста» (“The Basketball Diaries”, 1995), «Учитель на замену» (“Detachment”, 2011), «Тринадцать» (“Thirteen”, 2003). Для проведения анализа было отобрано 50 ситуаций-диалогов, позволяющих проследить случаи проявления и вербализации деструктивного поведения.

Результаты исследования показали, что на языковом уровне отрицательная девиация выражается при использовании: инвективной лексики: “– *Dude, what does that mean? – It’s not dude, it’s Mr. Barth. – You’re fu**in’ gay. – Marcus, shut up! – No, you shut up! You diet B*tch!*” (“Detachment”). В данном случае на требование учителя поддержи-

вать тишину в классе подросток отвечает оскорблением: “*You’re fu**in’ gay*”, используя такие приемы, как прямые угрозы и оскорбления: “*– B*tch, if you gimme any mo’ sh*t in the class and I’m getta my n*ggas fu**in’ gang rape your ass!*”;

- эмотивной лексики: “*– I want you to be civil to me. And I want you and your stupid boyfriend to get out of my fu**ing life!*” (“Thirteen”); взятая из эмоционально-напряженного диалога между матерью и дочерью фраза «to get out of my fu**ing life» позволяет увидеть реализацию модели девиантного поведения. Используя эмотивные прилагательные “*stupid*” и “*fu**ing*”, подросток демонстрирует свой протест;

- междометий: “*– Holy sh*t!*”; “*– Ho, sh*t.*”; “*– Aw, sh*t.*” (“The Basketball Diaries”), – употребление которых помогает подростку выразить свои чувства и отношение к происходящему;

- императивных конструкций: “*– I’m out of here. Get the fu*k out of my way!*”; “*– Stop fu**ing around! Mom, give me some fu**ing money, please!*” (“Thirteen”). Обилие инвективной лексики в данном случае используется в рамках императивных синтаксических конструкций, выражающих в первом случае (“*Get the fu*k out of my way!*”) агрессию и нежелание подчиняться правилам, а во втором (“*give me some fu**ing money*”) – требование подростка отдать деньги;

- восклицательных структур: “*– Yeah, fu*k you!*”; “*– If that’s what you want, I’m fu**ing out of here. All right? I’m out of here. Get the fu*k out of my way!*” (“The Basketball Diaries”); “*Because I look stupid! Hello?!*” (“Thirteen”), – при помощи которых, как правило, выражается гнев, с одной стороны, и желание показать себя лидером – с другой.

В когнитивном плане образцы вербального и невербального девиантного поведения отличаются включением прямых угроз: “*– You want me to cut you?*” (“The Basketball Diaries”); “*– You’d better back the fu*k up before I fu**in’ wreck your sh*t.*” (“Detachment”), – и оскорблений: “*– Hey jackass!*” (“Detachment”); “*– B*tch.*”; “*– Puta.*” (“Thirteen”).

Прием количественного подсчета позволил нам определить удельный вес использования указанных языковых средств в процессе актуализации деструктивного поведения (отрицательная девиация) в речи: инвективная лексика – 23%; эмотивная лексика – 17%; междометия – 18%; императивные конструкции – 13%; восклицательные структуры – 10%; прямые угрозы – 8%; оскорбления – 11%.

Под положительной девиацией мы имеем в виду случаи, когда молодой человек, не желая подчиняться общепринятым правилам и нормам, стремится оказать манипулятивное воздействие на свое окружение с целью изменить ход событий, который имеет место в настоящий момент. Интенция такого лица – создать нечто новое, нестандартное, порой то, к чему общество еще не готово.

Отметим, что при реализации положительной девиации на языковом уровне наблюдается реализация лингвоэкологической тактики. Анализ материала показал, что самой распространенной речевой стратегией при реализации в речи положительной девиации выступает собственно стратегия сотрудничества. Данная стратегия широко используется практически всеми героями анализируемых кинофильмов.

На языковом уровне положительная девиация передается при использовании:

- инвективной лексики: “*“The ladies cry for me ... “At the funeral ‘cause I aint around no more, to d**ks that split up ... Raw and sh*t ... And ma boys all gets faded ...pleasin’ that skunk sh*t and fu*k.”*” («Detachment»). Зачитывая сочинение во время урока, подросток использует внушительное количество инвективной лексики, что выступает одновременно и манипуляцией по отношению к учителю, и стремлением выйти за установленные рамки, желанием быть «не таким как все»;

- эмотивной лексики: “– *Just out of curiosity... who do you think is the hottest girl in school?*” (“Thirteen”). Используя фразеологическую единицу, включающую прилагательное в превосходной степени с оттенком эмотивности “*the hottest*”, подросток выражает свою «заинтересованность» общением с противоположным полом;

- междометий: “*Funny, huh?*”; “*Gee whiz, Ma!*”; “*Ho, sh**t. That’s Neutron!*” (“The Basketball Diaries”);

- восклицательных структур: “– *Fu*k that, you guys! Bobby was the best fu**ing guy around!*” (“The Basketball Diaries”), – подросток, чувствуя несправедливость, заступается за друга, используя в речи оскорбительную лексику. Фраза “*the best fu**ing guy*” содержит прилагательное в превосходной степени, придающее фразе эмотивность и усиливающее значение положительного отношения и желания защитить близкого друга.

В когнитивном плане образцы положительной девиации могут содержать:

- тактику уступки: “– *You think I’m crazy? – Of course not, Dean. We’re just talking here. Man to man. – Just talking? Man to man? OK*”. (“The Chumscrubber”). В данном случае подросток идет на уступки и позволяет отцу поговорить с ним о личных проблемах;

- тактику убеждения; девиантное поведение с использованием тактики убеждения видим в следующем диалоге: “– *Don’t talk about him like he’s dead. – He’s not dead. – There goes the circle line. – Check it out*” (“The Basketball Diaries”). Подросток обвиняет друзей в безнравственности, напоминая, что их товарищ (по сюжету фильма страдающий от рака) еще жив.

Резюмируя, отметим, что положительная девиация чаще реализуется при использовании эмотивной лексики (42%), междометий (15%), восклицательных структур (12%). Гораздо ниже процент инвективной лексики (8%), тактики уступки (11%), тактики убеждения (12%).

Перспективами проведенного исследования может стать рассмотрение различных ситуаций актуализации деструктивного поведения, реализуемых стратегий и тактик, а также моделирование способов коммуникативного предотвращения ситуации вербального и невербального проявления деструктивного поведения или выхода из них.

Список литературы

1. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2014.
2. Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012. № 3(41). С. 36–42.
3. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2012.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2017.

* * *

1. Volkova Ya.A. Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte: avtoref. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2014.
2. Kopnina G.A. Sposoby manipulyativnogo rechevogo vozdejstviya v rossijskoj presse // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3(41). S. 36–42.
3. Sternin I.A. Osnovy rechevogo vozdejstviya. Voronezh, 2012.
4. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. M., 2017.

The linguistic means of the transfer of the deviant behavior of the modern youth (at the material of the American cinematographic films)

The article deals with the peculiarities of the linguistic actualization of the deviant behavior of the modern youth (at the material of the American cinematographic films). There is studied the concept of the deviation, there are defined its types and specific features. The authors introduce the concept of the positive and negative linguistic deviations. There are revealed the linguistic means, used in the process of the verbalization of the speech deviation. The authors established the percentage of the different linguistic means, used in the process of the verbalization of the deviant behavior.

Key words: deviant behavior, destructiveness, destructive behavior, manipulation, model of behavior, linguistic manipulation, emotional stimulus, language norm.

(Статья поступила в редакцию 10.05.2023)

А.В. КУЦЕВАЛОВА
Краснодар

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПАРАТЕКСТОВ

Рассматриваются различные подходы и взаимосвязи текста и паратекста, затрагивается вопрос о близости понятия „parergon“ непосредственно с термином «паратекст» и обращается внимание на парергональность паратекста.

Ключевые слова: паратекст, парерга, парергональность, текст, паратекстуальные элементы, вторичные тексты, авантексты.

В отечественной науке вопросы исследования паратекстов берут свое начало с 30-х гг. XX в. Однако более глубоко проблема термина «паратекст» освещается французскими литературоведами [12; 15, с. 160–167]. Ж. Женетт отмечает, что текст редко предстает без защиты нескольких вербальных или невербальных средств, таких как имя автора, заголовок, предисловие и иллюстрации [11]. Целью нашей статьи является рассмотрение подходов к исследованию явления паратекстуальности в современной лингвистике и литературоведении.

Говоря словами Ж. Женетта, «паратекст» – это то, что дает возможность тексту стать книгой и в качестве таковой предложить его читателям и, в более общем смысле, широкой публике. Паратекст не столько «барьер» или закрытая граница, сколько порог – или то слово, которое использовал Борхес, обозначая предисловие как «вестибюль», который предлагает миру в целом возможность либо «войти внутрь, либо вернуться и выйти прочь» [12, с. 14]. Таким образом, паратекст, по Ж. Женетту, это не-

кая совокупность текстов, которые дополняют содержание книги и определяют ее понимание и истолкование читателем [Там же].

Подробный анализ паратекста, его типов и функций представлен в работе Ж. Женетта «Паратексты: пороги интерпретации». Связь паратекста с порогами не случайна. Согласно мнению ученого, паратекст представляет собой те элементы, которые лежат на «пороге» текста и призваны определенным образом подготовить и направить читательское восприятие текста (а следовательно, и его интерпретацию) в нужном направлении [12].

Дель Лунго обрисовывает и проблематизирует модель анализа Ж. Женетта, особенно выделяя принцип порога, который устраняет понятие фиксированных (текстуальных) границ и заменяет концепцию «разделения» концепцией «перехода». Он подчеркивает пространственно-временную изменчивость отношений между текстом и паратекстом (т. е. размывание границ между ними, различные способы расположения паратекста и текста). Дель Лунго подвергает критике прежде всего прагматический подход Ж. Женетта к паратексту, который рассматривается как намеренное и убеждающее сообщение, т. е. скорее как эффект, чем как объект [8, с. 98–111]. Дель Лунго предлагает рассматривать не только прагматическую функцию паратекста, но и процедуру порождения смысла, герменевтическую перспективу, которая фокусируется на значении текста и позволяет лучше понять игру паратекстов с реальностью и вымыслом. Отношения между паратекстом и литературным текстом, по его мнению, могут быть пересмотрены, если, например, металитературные ссылки в предисловии будут использоваться как «герменевтический ключ» к чтению и интерпретации текста [Там же].

Паратекст – это, прежде всего, обрамляющие пограничные области, которые сопровождаются трансгрессивной динамикой. Это зона, «в которой смешиваются два кода: текстопроизводящий и регулирующий коды», «переходная зона между внешней стороной текста и текстом», – утверждает Ж. Женетт [11, с. 328]. Ж. Женетт, акцентируя свое внимание на паратексте как на зоне трансгрессии, которая была задумана вне произведения, обозначает понятие «паратекст» как «зоной нерешительности». Дж. Хиллис Миллер отмечает: «Para – это приставка, которая одновременно обозначает близость и расстояние, сходство и различие, внутренность и внешность <...>, то, что одновременно находится по эту и по другую сторону границы, порога или края, обладая одинаковым статусом и, тем не менее, являясь вторичным и подчиненным...» [16, с. 286] (Здесь и далее перевод наш. – А.К.). Нечто «параподобное» не только одновременно находится по обе стороны границы между внутренним и внешним: оно также является границей как таковой, экраном, который действует как мембрана между внутренним и внешним. Она приводит к их слиянию, пропускает внешнее внутрь и внутреннее наружу, разделяет и объединяет их. Паратекст в данном случае выполняет важную для понимания текста «инвариантную функцию границы», которая «сводится к ограничению проникновения, фильтрации <...> внешнего во внутреннее», функцию, значимую для понимания текста [5].

Ж. Женетт дает свое собственное обоснование концепции паратекстуальности. Прежде всего он утверждает, что данное им определение является предварительным. Уже в начале своих объяснений он демонстрирует функциональную значимость паратекстуальных элементов. Георг Станицек, один из исследователей паратекста, прямо указывает на необходимость добросовестного прочтения введения Ж. Женетта к его книге «Паратексты: пороги интерпретации»: «с внимательного прочтения которой должен начинаться каждый паратекстовый анализ» [18, с. 3–19], не в последнюю очередь для того, чтобы осознать, «насколько хрупким является различие между текстом и паратекстом» [Там же].

При исследовании паратекста релевантны следующие вопросы: где находится соответствующий паратекст, когда и кем он был создан, какие функции он выполняет и какие связи с текстом он обнаруживает? [8, с. 99]. Первые два вопроса связаны с эмпирически осязаемой материальностью паратекстов, а последние два касаются прагматики и функциональности паратекстов. Поскольку вопросы прагматики и функции касаются коммуникативных и социокультурных контекстов, категория материальности является посредником между эмпирическими и социокультурными измерениями паратекстов, между их формой и функцией. Соприкосновение текста с миром опосредуется весьма разнообразной системой околотекстового окружения, что определяется как паратекст [Там же].

Многие исследователи утверждают, что без паратекстов нет текстов или нет текста без паратекстов. Это означает, что тексты воспринимаются как текстовые единицы только тогда, когда они сообщаются публике как таковые. Эта коммуникация в решающей степени контролируется паратекстами, написанными или разработанными автором, редактором или издателем. Паратекстуальные коммуникативные сигналы или в более широком смысле парергональные коммуникативные сигналы, которые «вращаются» вокруг текста как центра референции, могут выражать сложную форму коммуникативной игры, создавать перцептивные рамки [16, с. 288].

В отношении паратекстов в отечественной лингвистике применима и другая терминология. Т.М. Николаева утверждает, что основная и важная информация всегда выносится в начало, т. е. возникает некий текст перед текстом – «авантекст» [6, с. 293]. В свою очередь М.П. Котурова обозначает паратексты «вторичными текстами» [3, с. 15–22].

К несколько другому понятию, близкому по отношению к «паратекстуальным сигналам», обращается Н.А. Кузьмина, утверждая, что «паратекстовые элементы» – это «чрезвычайно мощные энергетические знаки», посредством которых автор передает читателю информацию [4]. Л.Г. Викулова считает, что паратекст – это совокупность околотекстовых элементов, которым присуща коммуникативно-прагматическая установка. Эти элементы придают тексту целостность и законченность. В этом контексте она вводит понятие «единораздельнооформленность», которое обозначает относительную автономность паратекста, но и в то же время его неотделимость от основного текста [1].

Аналогичный подход встречаем в работе „Fragments de biographie dans le paratexte“ („Fragmente einer Biografie im Paratext“) Анны Каюэлы: она тоже указывает на то, что паратексты могут обеспечить «лучший доступ» к тексту. В корпусе проанализированных ею текстов она поясняет, что они содержат информацию, необходимую для прочтения текста [7, с. 21–30].

Анализ подходов к исследованию паратекстов позволяет проследить то, что они сосредоточены на выявлении специфики отношений паратекстов и текстов друг с другом и особенности влияния паратекста на восприятие читателем самого текста. При этом учитываются такие элементы, принадлежащие тексту, как заголовки, метатекстовые вопросы, которые могут встречаться в тексте, перитексты в виде предисловий, эпilogов или биографий авторов, добавленные к текстам, а также эпитексты, не связанные с основным текстом. Примечательно, что, в отличие от Андреа Дель Лунго, для подтверждения вышеупомянутого тезиса иногда используется относительно открытая концепция паратекста. Например, ученый Ингасио Иньярреа Лас Херас использует модель паратекста для установления связи между двумя независимо изданными текстами [13, с. 355–370].

В этом контексте также стоит упомянуть эссе Мариселы Струнгариу о паратекстуальных элементах в автобиографических произведениях Мишеля Лейриса, в котором она также рассматривает сложное взаимодействие между правдой и вымыслом.

М. Струнгариу анализирует заголовки и посвящения, а также предисловия, надписи, предваряющие главы, и метатекстовые фрагменты в текстах, функционирующие как авторские комментарии, т. е. перитексты в «Женеттовском» смысле, которые она интерпретирует прежде всего как подсказки [19, с. 71–104].

В контексте исследований паратекстов неоднократно отмечалась концептуальная близость понятия «*paratexte*» или «парергона» к понятию «паратекста». Георг Станицек, например, указывает, что функция паратекстов, таких как *paratexte*, заключается не в том, чтобы «привлекать внимание и отсылать к себе, а в том, чтобы вливаться в произведение, которое они обрамляют» [18, с. 3–19], а Тил Дембек утверждает, что «пограничные области произведений описываются (когнитивными) фреймами, а также паратекстами, что обуславливает близость к концепции парергональности [9, с. 15]. Эрих Кляйншмидт утверждает, что термин *paratexte*, возможно, был концептуально направляющим для Ж. Женетта в развитии концепции паратекста [14, с. 1–17]. В книге «*La vérité en peinture*» Жак Деррида развивает концепцию „*paratexte*“ применительно к живописи, которая в определенной степени обеспечивает смысл наряду с реальным производством (*ergon*) и обозначает этим термином неразрывную связь между *ergon* (непосредственно работой, текстом) и *paratexte* (паратекстом). Рассматривая текст или произведение искусства, реципиент всегда воспринимает единство произведения и принадлежности *paratexte* к тексту [10, с. 12].

Ж. Деррида четче, чем Ж. Женетт, подчеркивает неразделимость произведения и паратекста. Если применить эти замечания к концепции паратекста, то это означает, что тексты (которые могут быть произведениями, *ergon*) признаются таковыми только в том случае, если они идентифицируются паратекстами (аутентичными или фактическими, которые больше относятся к контексту или другим *paratexte*). Таким образом, паратексты и парерга являются незаменимыми посредниками, которые, по мнению Э. Кляйншмидта, «создают первичные (социальные) рамки, позволяющие нам воспринимать произведения как таковые» [14, с. 9–11]. Существенное различие между концепциями парергона и паратекста заключается в том, что последняя связана в большей степени с авторским намерением, т. е. с эмпирической личностью автора. Парергон, напротив, относится ко всем элементам обрамления, независимо от их медиальности и авторства. Главным в изучении паратекста, по мнению Ж. Женетта, является обращение к авторскому замыслу, с одной стороны, и несколько расплывчатое определение авторской ответственности – с другой.

Таким образом, паратексты/парерга могут быть описаны как текстово-референтные или ценностно-референтно функционирующие авторские и реляционные тексты различных жанров. Паратекст – это переменная, статус которой определяется по отношению к соответствующему референтному произведению, т. е. паратексты могут быть паратекстами к различным текстам, так же как и сами могут стать текстом в качестве референтного произведения.

Список литературы

1. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2001.
2. Колотов А.А. Паратекстуальный подход в современном литературоведении // I Международная заочная научно-практическая конференция «Филология и лингвистика: современные тренды и перспективы исследования»: сб. материалов конференции (30 сентября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 37–38.
3. Котюрова М.П. Функционально-стилистический аспект анализа целого текста // Функционирование языка в различных типах текста: межвуз. сб. научных трудов. Пермь, 1989. С. 15–22.
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999.

5. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
6. Николаева Т.М. Лингвотекстологические особенности подачи информации в русскоязычных газетах // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) / отв. ред. Г.П. Нещименко. М., 2002. С. 293–311.
7. Cayuela A. Fragments de biographie dans le paratexte („Fragmente einer Biografie im Paratext“). Paris, 2012. S. 21–30.
8. Del Lungo A. Seuils, vingt ans après. Quelques pistes pour l'étude du paratexte après Genette // Littérature. 2009. P. 98–111.
9. Dembeck T., Florian N., Nicolas P., Jens R. Epitexte // N. Binczek, T. Dembeck, J. Schäfer (Hg.): Handbuch Medien der Literatur. Berlin, 2013. S. 15–16.
10. Derrida J. La vérité en peinture. Paris, 1978. S. 7–21.
11. Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt/Main, 2001.
12. Genette G. Seuils. Paris, 1987.
13. Iñarrea Las Heras I. Texte, paratexte et lexique espagnol dans le Voyage d'Espagne. Logroño, 2013. P. 355–370.
14. Kleinschmidt E. Gradationen der Autorschaft. Zu einer Theorie paratextueller Intensität // F. von Ammon, H. Vögel (Hg.): Die Pluralisierung des Paratextes in der Frühen Neuzeit. Theorie, Formen, Funktionen. Berlin, 2008. S. 1–17.
15. Lane Ph. La peripheric du texte Text. Paris, 1992. P. 160–167.
16. Miller Laura J. The Best-Seller List as Marketing Tool and Historical Fiction // Book History. 2000. № 3(1). P. 286–304.
17. Reinhard N. Paratextuelle Politik und Praxis. Einleitung; Interdependenzen von Werk und Autorschaft. Wien, 2018. S. 329.
18. Stanitzek G. Texte, Paratexte in Medien: Einleitung // K. Kreimeier, G. Stanitzek (Hg.): Paratexte in Literatur, Film, Fernsehen. Berlin, 2004. S. 3–19.
19. Strungariu M. La portée des éléments paratextuels dans les écrits autobiographiques leirisiens // Cahiers Leiris. 2007. P. 71–104.

* * *

1. Vikulova L.G. Paratekst francuzskoї literaturnoї skazki: pragmalingvisticheskiї aspekt: avtoref. dis. ... d-ra filol nauk. Irkutsk, 2001.
2. Kolotov A.A. Paratekstual'nyj podhod v sovremennom literaturovedenii // I Mezhdunarodnaya zaochnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Filologiya i lingvistika: sovremennye trendy i perspektivy issledovaniya»: sb. materialov konferencii (30 sentyabrya 2011 g.). Krasnodar, 2011. S. 37–38.
3. Kotyurova M.P. Funkcional'no-stilisticheskij aspekt analiza celogo teksta // Funkcionirovanie yazyka v razlichnyh tipah teksta: mezhvuz. sb. nauchnyh trudov. Perm', 1989. S. 15–22.
4. Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v processah evolyucii poeticheskogo yazyka. Ekaterinburg; Omsk, 1999.
5. Lotman Yu.M. Struktura hudozhestvennogo teksta. M., 1970.
6. Nikolaeva T.M. Lingvotekstologicheskie osobennosti podachi informacii v russkoyazychnykh gazetah // Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka: (v sopostavitel'nom lingvokul'turnom aspekte) / отв. ред. G.P. Neshchimenko. M., 2002. S. 293–311.

The modern approaches to the study of the paratexts

The article deals with the different approaches and the interrelations of the text and the paratext. There is considered the issue of the closeness of the concept “parergon” with the term “paratext”. The author emphasizes the parergonality of the paratext.

Key words: *paratext, parerga, parergonality, text, paratextual elements, secondary texts, avanttexts.*

(Статья поступила в редакцию 28.04.2023)

А.А. УВАРОВ
Волгоград

**АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
И ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ**

Рассматриваются академический дискурс, подходы к его определению и описанию его структуры. Установлено отсутствие четкого определения академического дискурса, описаны существующие подходы к пониманию его сущности. Предложена трактовка академического дискурса, позволяющая выделить в его структуре два вида – научный и педагогический дискурсы. Описаны внешние факторы, обусловленные образовательным и научным пространством (хронотоп), и внутренние факторы, связанные с целями и участниками коммуникации (агенты и клиенты дискурса).

Ключевые слова: *дискурс, академический дискурс, научный дискурс, педагогический дискурс.*

В последнее время в лингвистической науке наблюдается возрастающий интерес к изучению академического дискурса как самостоятельного типа дискурса. В работах, посвященных данной теме и опубликованных как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, рассматриваются различные подходы к изучению и анализу многогранного феномена академического дискурса. В данной статье проанализируем понятие «академического дискурса» и попытаемся определить его границы и структуру.

Прежде всего отметим, что данный феномен не имеет единого определения, которое было бы принято всеми или хотя бы большинством лингвистов. Сложность и неоднозначность определения понятия академического дискурса обусловлена, прежде всего, терминологическим разнообразием и множеством существующих обозначений академического дискурса, а также сходных или смежных ему видов: дидактический [13, с. 113–126], учебно-научный [14] или научно-учебный [6], научно-педагогический [4, с. 141–153], лекционный [3], университетский [11, с. 199–203] и многие другие.

Во-вторых, понимание академического дискурса осложняется сосуществованием различных подходов к определению его содержания и структуры.

Один из подходов, наследующий англоязычную традицию, отождествляет академический дискурс с научным [12], «номинация академический дискурс употребляется по аналогии с рус. научный дискурс и англ. academic discourse» [2, с. 24].

Более традиционная позиция представлена исследователями, которые рассматривают академический дискурс как педагогическое общение между преподавателем и студентом в высшем учебном заведении [5, с. 28–32; 10], «процесс и результат коммуникативного взаимодействия в сфере высшего образования» [15, с. 82], комплекс речевых/коммуникативных жанров, реализация которых осуществляется в рамках вузов [18], сферу коммуникации, связанную с получением и трансляцией научного знания и включающую в себя ситуации научной и образовательной коммуникативной деятельности [16, с. 115–118].

Согласно этому подходу, академический дискурс как один из видов институционального дискурса представляет собой совокупность дискурсивных практик, связанных с процессом и результатом взаимодействия в сфере высшего образования и реализуемых в высших учебных заведениях. Он направлен на *передачу профессиональных знаний и умений, формирование методологических основ для понимания фактов действительности* и подготовку специалистов высшей квалификации. Другими словами, академический дискурс можно определить как особый тип межличностного взаимодей-

ствия между адресантом и адресатом, при котором адресант целенаправленно влияет на когнитивную сферу адресата для формирования системы профессиональных знаний и профессионального мышления (Выделено нами. – А.У.) [15, с. 82]. При этом важно обратить внимание на специфику статусно-ролевых характеристик основных участников академического дискурса – студентов и «ученых как исследователей и/или преподавателей» [9, с. 297].

Наконец, приверженцы третьего подхода трактуют академический дискурс расширительно. По мнению зарубежных исследователей, в частности британского лингвиста К. Хайланда, академический дискурс объединяет в себе *research discourses* (исследовательские дискурсы), *instructional discourses* (образовательные/воспитательные дискурсы), *student discourses* (студенческие дискурсы) и *popular discourses* (научно-популярные дискурсы) [17].

Интерпретируя точку зрения ученого, в структуре рассматриваемого дискурса можно выделить центр как образ мышления и речевую деятельность, используемую преимущественно в рамках учебных заведений, и периферию – коммуникативные ситуации, обнаруживаемые в бытовой жизни, начиная от научных телевизионных программ, рекламы и заканчивая консультациями специалистов различных профилей [17]. Думается, что на периферии научный стиль приобретает признаки бытового общения и речь в данном случае будет идти о научно-разговорном подстиле [10].

Подобно социальным институтам, которым характерно сопряженное взаимодействие в структуре общества, многие институциональные дискурсы находятся в отношениях, демонстрирующих взаимосвязь и взаимопроникновение. Не в последнюю очередь сказанное относится к академическому дискурсу, который пересекается с педагогическим, образовательным и научным типами дискурсов.

Интерес вызывает еще одно понимание термина «академический дискурс» в расширенном значении, интегрирующем «совокупность всех дискурсивных практик, реализующихся в процессе передачи, приобретения и/или обмена знаниями, объединяя три компонента: дискурсы коммуникативного пространства школы, университета и науки, что позволяет представить академический дискурс как целостную систему, имеющую целью распространение знаний в обществе» [7, с. 17]. Данная трактовка обусловлена интегративным подходом, объединяющим в одну терминологическую сферу все ситуации педагогического (школьного и университетского) и научного взаимодействия. Несмотря на определенную логику рассуждений ученого, нам представляется избыточным включение школьного (педагогического) дискурса в структуру академического дискурса. В настоящем исследовании мы будем опираться на классический, принятый в большинстве работ в отечественной лингвистике, подход, трактующий академический дискурс как симбиоз научной и образовательной коммуникативной деятельности, связанной с получением и трансляцией научного знания в вузовской сфере. Подобное толкование позволяет выделить в структуре академического дискурса два вида – научный и педагогический дискурсы. В этой связи важно обратить внимание на два момента, касающихся участников коммуникации. Во-первых, центральная фигура – агент академического дискурса – выступает в двух ипостасях: педагог и ученый. Последний, в свою очередь, может быть представлен в различных ролях: как ученый-исследователь, как ученый-эксперт и т. д., совмещая функции и транслятора знаний, и потребителя знаний. Во-вторых, в статусно-ролевой модели интеракции «педагог – студент» равенство партнеров по коммуникации не предполагается, в то время как коммуникативное взаимодействие в системе «ученый – ученый» подразумевает равенство и общий контекст общения.

Как и для большинства институциональных дискурсов, дискурсообразующими признаками интересующего нас вида дискурса являются цель и участники интеракции.

По мнению Л.И. Зубковой, академический дискурс, подобно другим видам институциональных дискурсов, имеет ряд социолингвистических признаков, таких как цель коммуникации, агенты, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы [5, с. 28–32].

Цель академического дискурса в самом общем виде определяется как профессиональное педагогическое общение в вузе, ценности которого совпадают с ценностями педагогического процесса, прежде всего социализации, в процессе которой студенты получают систему общекультурных ценностей и установок [8]. На наш взгляд, академический дискурс как сложноструктурированное коммуникативное взаимодействие характеризуется набором коммуникативных функций: *педагогической*, связанной с передачей знаний; *информативной*, формулирующей и репрезентирующей новое знание и научные достижения; *аккумулятивной/когнитивной*, обусловленной накоплением и сохранением научно-исследовательского багажа, трансформацией его в академическое знание; *персуазивной и аргументативной*, призванными обосновать результаты исследования и убедить в их достоверности адресата.

Хронотопом академического дискурса является время, отводимое на академическое взаимодействие, и вузовская/университетская обстановка (общение в вузовских аудиториях, в рамках научных конференций, форумов и т. д.). Неслучайно Жаннет Кизендаль, как и упомянутые ранее ученые, определяет академический дискурс как совокупность всех коммуникативных жанров, используемых в университетах [18].

Исследователями выделяются общие или универсальные черты, раскрывающие концептуальные, функционально-прагматические, жанрово-стилистические и прочие характеристики академического дискурса. Несмотря на жанровое и дисциплинарное разнообразие академических текстов, это социальный конструкт, который отражается в дискурсивных событиях и текстах. Он также имеет свой лингвостилистический, жанровый и риторический репертуар средств и приемов, которые используются для достижения содержательного и функционального потенциала, независимо от конкретной научной дисциплины.

Отмечается также, что для коммуникации в академической среде свойственны такие признаки, как использование научного и делового стилей [8]; регламентированность комплексом норм, правил, ограничений; шаблонность, клишированность общения [1]. Нельзя не упомянуть Кена Хайланда, согласно которому академический дискурс обладает следующими характеристиками:

- имеет определенную структуру, направленную на убедительное воздействие на читателя и подчеркивающую необходимость знания в данной научной области;
- использует специфические способы аргументации, свойственные конкретной дисциплине, которые обуславливают жанровое и языковое разнообразие академических текстов в разных научных областях;
- зависит от культурных факторов, которые могут влиять на язык, обучение и восприятие.

Помимо этого, значимым для настоящего исследования является выделяемое автором такое свойство академической коммуникации, как создание определенного авторского «Я», а также обсуждение вопроса о статусных ролях отношений между участниками [17].

Наметив, таким образом, границы академического дискурса и описав некоторые внешние факторы, обусловленные образовательным и научным пространством (хронотоп) и соответствующей функциональной нагрузкой, и внутренние факторы, связанные с участниками коммуникации (агенты и клиенты дискурса), мы считаем необходимым в дальнейшем провести «ревизию» речевых жанров и определить специфику особого академического языка.

Список литературы

1. Бурмакина Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2014.
2. Вахтерова Е.В. Исследование академического дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике // Globus. 2021. Т. 7. № 1(58). С. 22–26.
3. Воротникова Ю.С. О лингвистическом статусе лекционного дискурса [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вып. 7. Язык, речь, речевая коммуникация. URL: http://www.rusnauka.com/24_PNR_2009/Philologia/50796.doc.htm (дата обращения: 29.03.2023).
4. Евтюгина А.А. Научно-педагогический дискурс как тип институционального общения в образовательной среде педагогического вуза // Научный диалог. 2014. № 3(27). С. 141–153.
5. Зубкова Л.И. Конститутивные признаки академического дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5. С. 28–32.
6. Казакова Н.В. Формирование институциональных особенностей научно-учебного дискурса: на материале английских грамматик XVI–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2012.
7. Казанцева Е.А. Лингвоэкологические и когнитивно-прагматические характеристики академического дискурса в англоязычных и русской лингвокультурах: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2020.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
9. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск, 2006.
10. Куликова Л.В., Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2-2(56). С. 100–104.
11. Максимов В.В., Найдён Е.В., Серебrenникова А.Н. Концептуальное ядро университетского дискурса // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 199–203.
12. Мальцева Е.Ю. Междисциплинарный анализ определения дискурса, в частности академический дискурс // Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 1. С. 102–104.
13. Олешков М.Ю. Жанровая аттракция в дидактическом дискурсе // Жанры речи. 2011. № 7. С. 116–126.
14. Остражкова Н.С. Обучение пониманию содержательного компонента педагогического дискурса лекции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2004.
15. Петрова Е.И., Токарева Т.Е. Речевое поведение немецких профессоров-филологов (на материале текстов академического дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12(446). С. 81–88.
16. Шилихина К.М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 1. С. 115–118.
17. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context (Continuum Discourse). Publisher, 2009.
18. Kiesendahl J. Status und Kommunikation. Ein Vergleich von Sprechhandlungen in universitären E-Mails und Sprechstundengesprächen. Erich Schmidt Verlag, 2011.

* * *

1. Burmakina N.G. Diskursivno-integrativnye i kul'turno-konvencional'nye harakteristiki akademicheskoy kommunikacii: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2014.
2. Vahterova E.V. Issledovanie akademicheskogo diskursa v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike // Globus. 2021. T. 7. № 1(58). S. 22–26.
3. Vorotnikova Yu.S. O lingvisticheskom statuse lekcionnogo diskursa [Elektronnyj resurs] // Filologicheskie nauki. Vyp. 7. Yazyk, rech', rechevaya kommunikaciya. URL: http://www.rusnauka.com/24_PNR_2009/Philologia/50796.doc.htm (data obrashcheniya: 29.03.2023).
4. Evtyugina A.A. Nauchno-pedagogicheskij diskurs kak tip institucional'nogo obshcheniya v obrazovatel'noj srede pedagogicheskogo vuza // Nauchnyj dialog. 2014. № 3(27). S. 141–153.

5. Zubkova L.I. Konstitutivnye priznaki akademicheskogo diskursa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 5. S. 28–32.
6. Kazakova N.V. Formirovanie institucional'nyh osobennostej nauchno-uchebnogo diskursa: na materiale anglijskih grammatik XVI–XIX vv.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2012.
7. Kazanceva E.A. Lingvoekologicheskie i kognitivno-pragmaticheskie karakteristiki akademicheskogo diskursa v angloyazychnyh i russkoj lingvokul'turah: dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2020.
8. Karasik V.I. Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.
9. Kulikova L.V. Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnoj paradigme: monografiya. Krasnoyarsk, 2006.
10. Kulikova L.V., Prohorova O.A. Issledovatel'skie podhody k diskursu mediacii v fokuse mezhdisciplinarnosti // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 2-2(56). S. 100–104.
11. Maksimov V.V., Najdyon E.V., Serebrennikova A.N. Konceptual'noe yadro universitetskogo diskursa // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2010. T. 317. № 6. S. 199–203.
12. Mal'ceva E.Yu. Mezhdisciplinarnyj analiz opredeleniya diskurs, v chastnosti akademicheskij diskurs // Uspekhi sovremennoj nauki. 2017. T. 2. № 1. S. 102–104.
13. Oleshkov M.Yu. Zhanrovaya attrakciya v didakticheskom diskurse // Zhanry rechi. 2011. № 7. S. 116–126.
14. Ostrazhkova N.S. Obuchenie ponimaniyu sodержatel'nogo komponenta pedagogicheskogo diskursa lekicii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Tambov, 2004.
15. Petrova E.I., Tokareva T.E. Rechevoe povedenie nemeckih professorov-filologov (na materiale tekstov akademicheskogo diskursa) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 12(446). S. 81–88.
16. Shilihina K.M. Ironiya v akademicheskome diskurse // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2013. № 1. S. 115–118.

***The academic discourse: the issues of the definition
and the approaches to the study***

The article deals with the academic discourse and the approaches to its definition and the description of the structure. There is established the absence of the distinct definition of the academic discourse, there are described the current approaches to the comprehension of its essence. The author suggests the representation of the academic discourse, allowing to reveal two kinds in its structure – the scientific and pedagogical discourses. There are described the external factors, provided by the educational and scientific spaces (chronotopos), and the internal factors, associated with the aims and the participants of the communication (the agents and clients of the discourse).

Key words: *discourse, academic discourse, scientific discourse, pedagogical discourse.*

(Статья поступила в редакцию 18.06.2023)

В.Ю. КАБАК
Волгоград

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «МОРСКОЙ ДИСКУРС»

Предлагаются определение и в целом общая характеристика морского дискурса. Данный тип дискурса в отечественной лингвистике малоизучен, чем обусловлено к нему внимание автора. Выявлены и описаны черты, характерные для морского дискурса в целом и для русского и испанского в частности. Предпринята попытка дать универсальное определение этому дискурсу.

Ключевые слова: *дискурс, институциональный дискурс, морской дискурс, сленг, жаргон, объем понятия.*

Протяженность морских границ России составляет без малого 39 000 км. Еще в XI в. русские мореплаватели начали процесс освоения побережья Северного Ледовитого океана, настолько давно задокументированные русские морские традиции берут свое начало. Серьезное кораблестроительство и предпосылки к великим морским путешествиям начались в эпоху Петра Великого, с этого момента появляется острая необходимость в назывании и описании тех или иных предметов и погодных феноменов, а также в речевых инструментах для коммуникации внутри командного состава. Испания – страна, чье морское побережье имеет протяженность около 5 980 км. В ее истории море играло важную роль, и потому Испания – страна великих многовековых морских традиций, и, как следствие, мореплавание, ставшее частью культуры, оказало непомерное влияние на язык. Это лишь малая часть причин, почему морской дискурс, термин, который нам предстоит определить, – дискурс особенный, складывающийся из великого множества элементов, подчиняющийся закономерностям и в то же время нарушающий установленные правила, – заслуживает большего внимания лингвистов.

Термин «*discurso marítimo*» (*исп.* морской дискурс), встречающийся в работах испанских лингвистов для обозначения особого вида дискурса, не имеет, насколько мы можем судить, репрезентаций в отечественной науке. Заметим: в лингвистике часто фигурирует понятие «морской английский язык», но отнюдь не русский или, например, испанский морской дискурс.

Есть несколько статей российских ученых, в фокусе внимания которых оказался в качестве исследовательского объекта морской дискурс. Назовем две из них, вызвавшие наш интерес. Так, в статье «Лексические особенности морского дискурса (на примере журнала “Safety at sea”)» А.С. Чернышева определила особенности лексики данного вида дискурса на материале английского языка, обладающего особым статусом в современном мореплавании [13]. Знание английского языка, как известно, обязательно для тех, кто выходит в открытое море под флагом любого государства, поэтому его морской вариант имеет иную специфику, нежели русский или испанский морские дискурсы, носящие более частный, узко специфический характер. В тематически схожей статье А.В. Марусич определяет основные системообразующие признаки судоходного английского дискурса с опорой на принципы компонентного анализа дискурса [8, с. 81]. Автором были сделаны предварительные выводы о том, что особенности судоходного дискурса обусловлены спецификой мореплавания.

Целью предлагаемой нами читателю статьи является попытка дать определение морскому дискурсу. Заметим, что дискурсоведческой проблематике уделялось в отечественной лингвистике значительное внимание [2, с. 24–31; 5, с. 4–12; 7, с. 44–47; 9;

11]. Однако морской дискурс, насколько мы можем судить, в лингвистике недостаточно изучен.

Обращение к исследованию самого объема понятия «морской дискурс» объясняется недостаточной изученностью данного феномена в отечественной лингвистике и, как следствие, отсутствием связанных с ним исследований. Становление термина «морской дискурс» и определение его статуса в дискурсной классификации даст, по нашему мнению, возможность для начала новых лингвистических исследований. Автор данной статьи солидарен с В.С. Елистратовым в том, что серьезных мотивов изучения профессиональных языков всего три. Первый состоит в том, что профессиональная лексика выходит за обычные рамки ее употребления; второй – это актуализация самой профессии; третий – историко-филологический, состоящий в необходимости сохранять культурную преемственность народа и его языка [3, с. 415–416].

В ходе исследования нами были выявлены некоторые черты, характерные для морского дискурса в целом и русского и испанского в частности, что позволит в дальнейшем сформулировать определение морского дискурса, универсальное для языка любой страны, имеющей флот (военный или гражданский).

Вопреки возможному возражению о том, что определение морского дискурса и установление его положения в уже сложившихся дискурсных классификациях излишне, т. к. существуют в отечественной лингвистике термины «морской жаргон» и «морской сленг», мы предпринимаем попытку определить морской дискурс как отдельную самостоятельную единицу в дискурсной классификации.

К проблеме определения, разграничения понятий сленга и жаргона обращались многие лингвисты. Так, например, Н.О. Орлова в статье «Сленг vs жаргон: проблема дефиниции» утверждает, что «сленг тоже характеризуется некоторой социальной ограниченностью <...> им могут пользоваться представители разного социального и образовательного статуса, разных профессий и т. д. <...> Другая отличительная черта сленга – его вторичное образование по сравнению с жаргоном, поскольку он черпает свой материал прежде всего из социально-групповых и социально-профессиональных жаргонов. <...> Сленговым словам свойственна завышенная экспрессия, языковая игра, модная неология» [10, с. 7]. Т.М. Беляева и В.А. Хомяков выделяют такую функцию жаргона, как «функцию конспиративной коммуникации», в особенности жаргона уголовного [1, с. 43]. Известный ученый А.Д. Швейцер также полагает, что жаргон – это «зашифрованная речь», непонятная для непосвященных [14, с. 158].

Н.А. Каланов, российский писатель-маринист, специалист по языкознанию в области фольклористики, лексикографии и жаргону, связанными с морской тематикой, составитель «Словаря морского жаргона» в аннотации к нему пишет следующее: «Словарь включает в себя около 3000 единиц (слов и словосочетаний), принадлежащих к профессиональному языку моряков» [4, с. 2]. Далее, в вводной статье «Как пользоваться словарем», он полагает: «Словник словаря неоднороден: в него вошли минимальное количество технических терминов (напр., фордевинд и др.), только те, которые необходимы для пояснения жаргонных слов или словосочетаний, терминологические сочетания, <...> исторические реалии, связанные с морским делом, <...> элементы флотского жаргона, <...>» [Там же]. Таким образом, исходя из данного словарю названия, можно решить, что он содержит лишь жаргонизмы, но как видно из вводной статьи, жаргонизмы есть лишь часть всего лексического разнообразия, формирующего морской дискурс.

Итак, определение, данное А.Д. Швейцером и включающее «тайный характер», было опровергнуто Л.И. Скворцовым из-за тенденции жаргонизмов к переходу в разговорную речь с приобретением экспрессивности [12, с. 55]. Мы не ставим своей целью согласиться с одним из ученых и аргументированно отказаться от определения другого, но если далее оперировать термином «морской жаргон», имея в виду приведенное выше А.Д. Швейцером определение, то становится ясно, что термин «жаргон» совер-

шенно не подходит из-за как раз «секретной, кодирующей» его функции. Писатели-маринисты нередко употребляют слова, относящиеся к оснащению судна, к маневрам, помещениям, то и дело на страницах фигурируют фразеологические единицы, встречающиеся в речи моряков и используемые ими явно не с целью скрыть истинный смысл сообщения от случайного свидетеля разговора. Кроме того, судно – место повышенной опасности. Любая неосторожность или недопонимание могут привести к катастрофе. Например, по разным оценкам, человеческий фактор стал причиной крушения крупного судна Коста-Конкордия в 2012 г. В условиях постоянного риска зашифровывать высказывания, от которых зависит живучесть судна и судьба пассажиров и экипажа, крайне нецелесообразно. Конечно, можно говорить о том, что моряк со временем должен узнать, выучить все «закодированные, спрятанные за жаргонизмами» понятия. Но сколько пройдет времени, прежде чем он действительно станет их корректно воспринимать и воспроизводить в речи? Термин «морской сленг» также видится нам несостоятельным ввиду того, что моряки не преследуют цели придания экспрессивности высказыванию в какой бы то ни было коммуникативной ситуации, хотя на человека, далекого от труда в море, обыденный диалог моряков и может произвести впечатление.

Так почему же стоит говорить о морском дискурсе? Вновь процитируем статью В.С. Елистратова: «<...> столкнувшись с профессиональным языком, исследователь-лингвист неизбежно встречает на пути ряд непреодолимых препятствий. <...> “Профессионализм”, “профессиональный язык”, “профессиональное арго”, “профессиональный жаргон”, “профессиональный сленг”, “профессиональный диалект”, “тайный язык”, “искусственный язык”, “профессионально-диалектное просторечие” и т. д. – лишь некоторые понятия, встречающиеся в работах, посвященных речи профессионалов в той или иной области» [3, с. 417].

Согласно В.И. Карасику, институциональный дискурс сводится к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения. Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут и не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума [6, с. 195]. Исходя из того, что структура институционального дискурса в его социально-прагматической интерпретации включает следующие компоненты: цели, участники, хронотоп, ценности, стратегии, материал, разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы, мы предлагаем следующее определение морского дискурса. Морской дискурс – институциональный дискурс, ядром которого является общение моряков во время или вне времени осуществления их профессиональной деятельности с целью обмена информацией различного характера, выполняющий наряду с многочисленными функциями речи в целом коммуникативную и сигнификативную, а в некоторых случаях и фатическую функцию, обусловленный устойчивым понятийным аппаратом, опирающимся на профессиональные и непрофессиональные знания, на систему ценностей, использующий определенные в зависимости от конечной цели передачи информации стратегии, не ставящий ограничений в области тематики, а также основанный на определенных дискурсивных формулах и подверженный влиянию национально-культурной специфики языка-гиперонима, лингвистических и экстралингвистических факторов.

Итак, цель морского дискурса – обмен информацией для обеспечения возможности безопасно и в соответствии с конкретными требованиями выполнять работу на судне, а также для обучения вновь прибывшего, малоопытного товарища, для коммуникации вне рабочего времени на смежные с профессиональной деятельностью темы или же темы, опосредованные местом, временем и контекстом коммуникации.

Участниками морского дискурса являются моряки, находящиеся на различных или одинаковых ступенях должностных иерархий, как выполняющие работу на одном плавучем средстве, так и на разных, как осуществляющие профессиональную деятельность

в момент коммуникации, так и прекратившие или приостановившие ее. Следует отметить этнокультурную специфику оценки личности моряка, например, в русском, английском и испанском языках: *морской волк, бывалый моряк, an old salt, salt and tar, a jolly tar, lobo del mar, marinero hecho*.

В действительности, говоря о цели, участниках, хронотопе, стоит подчеркнуть, что моряк не теряет навыка владения языком морского дискурса на берегу, его речь на суше также будет насыщена дискурсивными элементами, свойственными данному типу дискурса, иногда он не проводит границ между речью морской и «сухопутной» и называет вещи привычными ему словами. Хрестоматийным будет упоминание таких дуплетов, как: *стул – банка, лестница – трап, а стена – переборка*. Разумеется, при этом не исключены ситуации, когда это делается для достижения некоторого прагматического эффекта в процессе коммуникации и вызова определенной реакции у слушателя, придания экспрессивности высказыванию, комичности ввиду неуместности употребления того или иного «морского» слова или выражения.

Ценности морского дискурса могут быть выражены аксиологическими предложениями через операторы долженствования в инструкциях по технике безопасности и в требованиях к выполнению работ.

Специфика системы ценностей морского дискурса состоит в том, что выраженные в нем аксиологические компоненты общения обеспечивают в конечном итоге живучесть судна, сохранность человеческих жизней и материальных благ.

Коммуникативные стратегии морского дискурса предполагают определенные коммуникативные интенции, конкретизирующие базис гражданского и военного мореплавания – осуществлять трудовую деятельность в соответствии с действующими нормами и правилами и обеспечивать безопасность как для участников процесса, так и окружающей среды.

Жанры морского дискурса строятся на основании уже существующих форм общения: указания, собрания, инструкции, похвалы, порицания и т. д.

К числу прецедентных текстов относятся: морская учебная литература, морская документация (напр., судовой журнал), служебные записки, представления к наградам, а также пословицы, поговорки, фразеологизмы.

Специфика морского дискурса заключается и в том, что при некоторых типах речевого взаимодействия иницирующий речевой акт с большей долей вероятности ожидает определенной за просьбой или приказом последовательности действий, а нарушение или игнорирование их порядка может привести к катастрофическим последствиям.

Изучение морского дискурса представляется перспективным направлением в рамках развития теории институционального дискурса. Предстоит выяснить его единицы, более подробно изучить его специфику, каковы его культурно- и национально-специфические черты, каковы тенденции его развития в целом и различных лингвокультурах в частности.

Список литературы

1. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. Л., 1985.
2. Бобырева Е.В. Дискурсивная специфика эмоционального концепта «страх» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1(01). С. 24–31.
3. Елистратов В.С. К проблеме изучения профессиональных языков // Словарь морского жаргона. М., 2015.
4. Каланов Н.А. Словарь морского жаргона. М., 2015.
5. Карасик В.И. Сюжетная символика нарратива о путешествии в прошлое // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1(01). С. 4–12.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

7. Красавский Н.А. Оценочная лексика в рекламном тексте (на материале немецкоязычной прессы) // Номинация и дискурс: межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 1999. С. 44–47.
8. Марусич А.В. Системообразующие признаки судоводного дискурса // Научный вестник Международного гуманитарного университета. Серия: «Филология». 2015. Т. 2. № 18. С. 80–82.
9. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М., 2007.
10. Орлова Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3(40). С. 4–8.
11. Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева. Волгоград, 2010.
12. Скворцов Л.И. Литературная норма и просторечие. М., 1977.
13. Чернышева А.С. Лексические особенности морского дискурса (на примере журнала «Safety at sea») // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 3. С. 199–207.
14. Швейцер А.Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.

* * *

1. Belyaeva T.M., Homyakov V.A. Nestandartnaya leksika anglijskogo yazyka. L., 1985.
2. Bobyрева E.V. Diskursivnaya specifika emocional'nogo koncepta «strah» // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1(01). S. 24–31.
3. Elistratov V.S. K probleme izucheniya professional'nyh yazykov // Slovar' morskogo zhargona. M., 2015.
4. Kalanov N.A. Slovar' morskogo zhargona. M., 2015.
5. Karasik V.I. Syuzhetnaya simvolika narrativa o puteshestvii v proshloe // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1(01). S. 4–12.
6. Karasik V.I. Yazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002.
7. Krasavskij N.A. Ocenochnaya leksika v reklamnom tekste (na materiale nemecokoyazychnoj pressy) // Nominacija i diskurs: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Ryazan', 1999. S. 44–47.
8. Marusich A.V. Sistemoobrazuyushchie priznaki sudohodnogo diskursa // Nauchnyj vestnik Mezhdunarodnogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: «Filologiya». 2015. T. 2. № 18. S. 80–82.
9. Olyanich A.V. Prezentacionnaya teoriya diskursa. M., 2007.
10. Orlova N.O. Sleng vs zhargon: problema definicii // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2004. № 3(40). S. 4–8.
11. Reklamnyj diskurs i reklamnyj tekst: kollektivnaya monografiya / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva. Volgograd, 2010.
12. Skvorcov L.I. Literaturnaya norma i prostorechie. M., 1977.
13. Chernysheva A.S. Leksicheskie osobennosti morskogo diskursa (na primere zhurnala «Safety at sea») // Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2022. T. 14, № 3. S. 199–207.
14. Shvejcer A.D. Ocherk sovremennogo anglijskogo yazyka v SShA. M., 1963.

Considering the issue of the definition of the concept “maritime discourse”

The article deals with the definition and the general characteristics of the maritime discourse. This type of the discourse in the native linguistics is poorly studied, so the authors are interested in it. There are revealed and described the features, that are typical for the maritime discourse in whole and for the Russian and Spanish discourses in particular. There is made an attempt to give a universal definition to its discourse.

Key words: *discourse, institutional discourse, sea discourse, slang, jargon, volume of concept.*

(Статья поступила в редакцию 19.06.2023)

О.С. ХРАМУШИНА
Волгоград

ФУНКЦИИ ВНУТРИСЛОВНОГО СТИХОВОГО ЧЛЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Рассматриваются функциональные возможности внутрисловного стихового членения в поэзии на примере современных русских стихотворений. Анализируется выразительный потенциал внутрисловного стихового членения как средства поддержания ключевых категорий стихотворного текста – метра и рифмы. Исследуется взаимосвязь внутрисловного стихового членения и семантики поэтического произведения.

Ключевые слова: поэзия, метаплазм, внутрисловное стиховое членение, метр, ритм, рифма, функция.

В работах, посвященных исследованию поэзии, особое место занимают вопросы ритмической структуры стихотворений, поскольку категории метра, размера и колометрии* задают тот особый фонетический рисунок, который отличает поэзию от прозы. Требование соблюдения этих трех формальных ограничений в поэтической речи не дает поэтам, в отличие от прозаиков, полной свободы в выборе словесных форм для выражения своей мысли, но в то же время открывает больший простор для экспериментов над структурой стиха. Как известно, не имеет столь жестких ограничений в области рифмы белый стих, верлибр может не придерживаться ни рифмы, ни строгого метра, в связи с чем данная стихотворная форма близка к прозе, но относится именно к поэзии ввиду наличия терминальных пауз, членящих текст на колоны-стихи, пусть даже заметно различные, а зачастую (например, в текстах П. Барсковой) нарочито и даже вызывающе диспропорциональные по своему слоговому объему.

Речь поэтическая рассчитана прежде всего на звучание и, следовательно, на слуховое восприятие, поэтому при построении стихотворного текста осознанно и целенаправленно могут использоваться различные приемы преобразования звукового облика слова. Ярким доказательством того, что в стихотворениях использование звуковых переделок чаще всего не является случайным, а обязательно будет преследовать определенные цели (стилистические, художественные и др.), может послужить следующий образец:

Неслышно ковыляет человек.
Вокруг, колыша ветхий борщевик,
клубится снег. Ложатся **покрова**
на кровли, трубы, бани и хлева
<...>

(Антон Азаренков, Знамя, 2018, № 10)

Нормативным вариантом им. множ. имени сущ. *покров* в значении 'то, что покрывает что-либо' является форма *покрóвы*. Автор заменяет кодифицированную безудар-

* Колон определяется как «фраза или ее часть в ряду аналогичных по длине единиц как источник синтаксического ритма» [3, с. 163]; в соответствии с античной традицией стих считается разновидностью колона.

ную флексию *-ы* (*покрѣвы*) на ударную *-ѧ* (в рифмопаре *покрѣѧ – хлѣѧ*) с целью создать нужное созвучие. Вероятно, здесь следует отметить ассоциацию с формой род. ед. имени сущ. *Покров*, поскольку далее в тексте описывается застолье в честь этого православного праздника (ср.: *Чем угощать священника, дьячка // и певчих?*). Учитывая широкий контекст, указанную нами ассоциацию следует считать сюжетно релевантной.

Рифма и метр могут сохраняться при помощи разных приемов изменения фонетической структуры слова, в число которых входят метаплазмы и близкие к ним средства выразительности. Метаплазм представляет собой «прием трансформации звукового или графического облика слова, например в изобразительных целях» [3, с. 200]. К разряду метаплазмов принято относить языковые средства, которые реализуют четыре операции по преобразованию фонетической структуры слова, а именно: 1) сокращение (этой цели служат аферезис, синкопа, апокопа, систола, синерезис, синалефа), 2) увеличение (протеза, эпентеза, парагога, диереза, диастола), 3) замещение (антистекон), 4) перестановку (звуковая метатеза). В основу классификации положен принцип деления средств выразительности, который мы встречаем еще в «Риторических наставлениях» Марка Фабия Квинтилиана (ок. 35–ок. 96 гг.), где сказано, что «<...> фигуры, которые делаются или чрез перемену, или прибавление и отнятие (т. е. метаплазмы. – О.Х.), или перестановку одного слова, обращают на себя внимание слушателя и не допускают его до разъяснения в мыслях <...>» [1, с. 152], а в дальнейшей традиции, например в отношении метаплазмов и других средств выразительности, он был применен, в частности, представителями Льежской риторической школы в «Общей риторике» [4, с. 99–120].

Сама история изучения метаплазмов, восходящая к античной эпохе, прочно связывает их с поэтической речью. Звуковые трансформации слов рассматривались как средство, необходимое для сохранения поэтического метра и одновременно украшения стиха. Например, римский мыслитель Элий Донат (IV в. н. э.) дает такое представление о термине в своем грамматическом труде: «Метаплазм – это трансформация некоторого правильного, неизысканного высказывания речи в другое высказывание красивой наружности ради украшения метра» (Перевод с лат. наш. – О.Х.) [5, с. 395].

По сходству функций к метаплазмам близки и другие приемы, меняющие фонетический рисунок стиха: таков, например, рассмотренный выше пример выбора уместного для метра и рифмы фонетического варианта. Среди приемов данного класса особое место, по нашему мнению, занимает внутрисловное стиховое членение, поскольку, по нашим наблюдениям, оно регулярно используется в современной русской поэзии для придания стиху определенных ритмических особенностей. При этом случаи обращения к внутрисловному стиховому членению могут не ограничиваться влиянием на форму стихотворения и быть интересны также с точки зрения семантики, что говорит о полифункциональности явления в контексте современной русской поэзии.

Определим **внутрисловное стиховое членение** как «разделение речевой единицы – текста, фразы, словосочетания, словоформы, предложно-падежной формы – посредством терминального паузирования (в устной речи) и / или <...> колометрической записи (в письменной речи) на ряд относительно кратких соизмеримых частей» [2, с. 426]. При этом важно отметить, что колометрическая запись, являясь важнейшей составляющей стихотворного текста, служит письменному отражению ритма, поэтому вторична по отношению к нему [2, с. 92]. Поскольку внутрисловный стиховой перенос облигаторно предполагает внутрисловное стиховое членение, такой перенос ниже рассматриваться не будет, тем более что в научной литературе разных лет первый прием изучен, второй же до сих пор остается вне сферы исследовательского внимания филологов.

Рассмотрим функциональные возможности внутрисловного стихового членения в современной русской поэзии. Так, например, в следующих строчках данный прием по-

могает автору стихотворения обеспечить точность рифмы и сохранить ритм трехстопного хорея, т. е. реализовать одновременно две функции – **рифмообразующую** и **метрообразующую**:

<...>
 Словно| серый| серп
 над пу|стой ме|жой,
 здесь ты| страсто|герп-
 ец, все|му чу|жой.
 <...>

(Константин Комаров, Знамя, 2019, № 2)

Подобные рифмы, созданные при помощи переноса части слова на другую строку, называют **рассеченными** [3, с. 318–319]. Думается, что возникающую в результате этой процедуры внутрисловную паузу следует считать аналогом метаплазма (а именно – функциональным коррелятом эпентезы).

Полагаем, что рифмообразующая функция в подобных случаях будет ведущей, метрообразующая – вторичной. Перенос части слова на другую строку способен обеспечить созвучие клаузул за счет отсечения метрически излишних звуков и сохранить необходимое количество стоп. Последнее не первостепенно для метра, поскольку его образует чередование ударных и безударных стоп, а анализируемый нами прием не предполагает изменения словесного ударения.

Т. к. внутрисловное стиховое членение может выполнять одновременно две функции, можно говорить о единой **ритмообразующей функции**. Но возможна и реализация этих функций по отдельности, что, например, происходит в следующем случае:

<...>
 Спать в полше|стого?
 Пойти по|гулять?
 Книгу Ше|стова
 перечи|тать?
 Звезды сби|ваются,
 чуть что|: **Тют-**
чев...

(Виталий Науменко, Арион, 2010, № 3)

В приведенных строчках наблюдаем смешанный метр (сочетание дактиля в 1-м, 3-м, 4-м, 5-м стихах, амфибрахия в 2-м стихе и хорея в 6-м стихе), который в конце строфы сменяется рубленой речью, состоящей из нагромождения односложных слов [3, с. 337], изображающего здесь то ли стук сердца, то ли тиканье часов. Вероятно, авторский выбор объясняется целью изобразить недосказанность: в тот момент, когда лирический герой засыпает, строка обрывается. Метрообразующую функцию внутрисловное стиховое членение здесь выполняет, рифмообразующую – нет.

Еще один пример реализации только метрообразующей функции можно найти в следующем контексте, где встречаются сразу два внутрисловных стиховых членения:

<...>
 с не-
бесного| **свода**
 покати|лась слеза
пло-
хая по|**года**
 плохи|е глаза

(Аркадий Штыпель, Арион, 2014, № 4)

Чередование дактиля (2-я и 5-я строки) и анапеста (3-я и 6-я строки), при котором рифменные пары образуют стихи одного метра, возможно здесь за счет вынесения первых безударных слогов словоформ *с небесного* и *плохая* в отдельные строки, которые не рифмуются между собой, образуя холостые стихи. Эти моносиллабы метрически ударны, что позволяет автору на контрасте с трехсложными размерами достичь эффекта неожиданности и рубленой речи.

По нашим наблюдениям, в современной русской поэзии внутрисловное стиховое членение часто используется авторами в ритмообразующей функции одновременно с другими, затрагивающими смысловую сторону текста, которые логично именовать **семантическими**. Первую функцию, а также ее частные разновидности – рифмообразующую и метрообразующую функции – отнесем к **формальным**. В качестве примера конвергенции указанных функций рассмотрим такой фрагмент:

<...>
Я не| библи|я, не| библи-
 я — не| боле|е, чем| я.
 Наши| буко|вки по|гибли,
 но бле|стит их| чешу|я
 <...>

(Ирина Перунова, Знамя, 2022, № 6)

Внутрисловное стиховое членение здесь не только сохраняет четырехстопный хорей, но и оказывается основой для **метанализа** – приема, который представляет собой «переосмысление частей или отдельного фрагмента слова на основе ассоциаций по близкозвучию или омонимии, вид звуковой метафоры» [3, с. 199], ср. *библия* и *я*. Использование этих средств выразительности служит усилению антитезы, дополненной хиазмом (последний определяется как повтор двух речевых компонентов с инверсией).

Еще один пример использования внутрисловного стихового членения, где оно **акцентирует** внимание читателя на антитезе, поддержанной повтором, находим в таких строчках:

погода портится *погода*
 становится скорее **не-**
погодой что для корнеплода
 и в целом овоща вполне
 <...>

(Юлий Хоменко, Арион, 2014, № 3)

Внутрисловное стиховое членение способно создавать **эффект обманутого ожидания**, например, если автор использует **скорнение** – «объединение слов общим звуковым сегментом» [3, с. 362], как это происходит в следующем фрагменте:

Это дикий каприз Парфенона –
 видеть в дереве ствол, **челове-**
тки растут и растут, око сонно,
 незатейливо – тень по Неве.

(Инна Кулишова, Интерпоэзия, 2008, № 2)

В современной русской поэзии внутрисловное стиховое членение может быть использовано и в **текстообразующей функции**. Примером этому служит такое стихотворение Бориса Лихтенфельда:

Небо уходит из-над головы
 Всепоглощающее увы
жизнь обесценивает без кавы-
чек предъявляя к оплате

Сбросив заботы побочные с плеч
тянется ввысь неспряямая речь
обращена в никуда бесконеч-
на полувнятном закате

Что ни захватит сведет к одному
то есть с ума истерзает **изму-**
чает *что суть а окажется му-*
тьмою *протяжно мычащей*
Но и во тьме не смыкает уста
гонит и гонит словесное **ста-**
до *глухома — никогда не уста-*
нет *ни просвета за чащей*

Век промелькнет невидимкою-**век-**
шей не щадивший фальшивейший **век-**
сельской дорогой меняющей век-
торными тропами в хвое
Небо затягивает как **боло-**
то и другое замкнут **моноло-**
где остановится на полусло-
веретено *мировое*

(Борис Лихтенфельд, Арион, 2007, № 4)

Отдельные стихи первой строфы созданы при помощи внутрисловного стихового членения. Выбор слов для реализации этого приема здесь не случаен. Переносимая на другую строку часть слова всегда оказывается самостоятельной полнозвучной лексемой в составе другой фразы, что порождает **двусмысленность**: *жизнь обесценивает без ка-вычек и чек предъявляя к оплате, обращена в никуда бесконечна и на полувнятном закате*. Во второй строфе использование приема более сложно и частотно, в последней же оно охватывает все стихи, кроме 4-ого и 8-ого. При этом внутрисловное стиховое членение используется уже не только как средство создания двусмысленности (например, *гонит и гонит словесное стадо* и *до глухома — никогда не устанет*), но и обыгрывает **скорнение** (*мутьюмою* – муть и тьюмою, *вексельской* – вексель и сельской, *векторными* – вектор и торными, *монологде* – монолог и где, *полусловеретено* – полуслове и веретено).

Подводя итоги, можно сказать о том, что внутрисловное стиховое членение, будучи приемом, технически близким к метаплазмам, активно используется в современной русской поэзии и является полифункциональным. Данный прием способен выполнять как формальные (ритмическую, а также ее частные функции – ритмообразующую и метробразующую), так и семантические функции (например, функцию акцентирования, функцию создания двусмысленности, текстообразующую функцию) в стихотворении, при этом зачастую происходит их конвергенция.

Список литературы

1. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А. Никольского. СПб., 1834. Ч. 2.
2. Москвин В.П. Ритмические средства языка: Фигуры и стили: Монография. М., 2020.
3. Москвин В.П. Язык поэзии. Приемы и стили: терминологический словарь. М., 2017.
4. Общая риторика / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкаенберг и др.; пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А.К. Авеличева. М., 1986.
5. Donati. De arte grammatica libri // Grammatici latini / Ed. H. Keil. Lipsae, 1864. PP. 353–402. Vol. IV.

1. Kvintilian M.F. Dvenadcat' knig ritoricheskikh nastavlenij / Per. s lat. A. Nikol'skogo. SPb., 1834. Ch. 2.
2. Moskvina V.P. Ritmicheskie sredstva yazyka: Figury i stili: Monografiya. M., 2020.
3. Moskvina V.P. Yazyk poezii. Priemy i stili: terminologicheskij slovar'. M., 2017.
4. Obshchaya ritorika / Zh. Dyubua, F. Edelin, Zh.-M. Klinkenberg i dr.; per. s fr. E.E. Razlogovoj, B.P. Narumova; obshch. red. i vstup. st. A.K. Avelicheva. M., 1986.

The functions of the intra-word verse division in the modern Russian poetry

The article deals with the functional potential of the intra-word verse division in the poetry at the example of the modern Russian poems. There is analyzed the expressive potential of the intra-word verse division as the means of supporting the key categories of the poetic text – metre and rhyme.

The author studies the interrelation of the intra-word verse division and the semantics of the poetic works.

Key words: *poetry, metaplasm, intra-word verse division, metre, rhythm, rhyme, function.*

(Статья поступила в редакцию 27.06.2023)

Н.В. ЗИМИНА
Волгоград

**АНГЛОАМЕРИКАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОРПУСЕ НЕМЕЦКИХ
ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ**

Рассматриваются лингвистические особенности англоамериканских заимствований в корпусе немецких глагольных неологизмов, их статус в лексико-семантической системе немецкого языка.

Ключевые слова: *неология, неологизм, неономинация, англоамериканизм, заимствование, ассимиляция заимствований, ономаσιологический подход, лексическая единица, глагольная номинация.*

Как известно, новыми лексическими единицами языка занимается специальный раздел лингвистики – неология. Традиционно в фокусе внимания исследователей оказываются причины возникновения новой лексики, ее лингвистические особенности, типологизация [1, с. 111–114; 2, с. 95–99; 4]. Неологизмы – непростой материал для изучения и лексикографирования, поскольку основной критерий отбора материала – новизна – является довольно размытым, трудноопределимым. Сложной задачей является во многих случаях установление «возраста» неологизма, определение временного промежутка его включения в словарный состав языка. В лингвистической литературе встречаются по этому поводу различные суждения. Так, по мнению В.В. Лопатина, лексическому новообразованию требуется от 10 до 15 лет, чтобы стать частью словарного фонда [3, с. 72–80], в то время как известный немецкий лексиколог Т. Шиппан утверждает, что неологизм, единожды употребленный в узусе, тут же утрачивает свой статус [5].

В настоящее время существует ряд теорий, объясняющих суть неологизмов как языкового феномена. Так, лексикографическая теория рассматривает неологизмы как слова, не входящие в словники современных лексикографических источников. Структурная теория предполагает, что неологизмам свойственна абсолютная структурная и формальная новизна, в то время как денотативная теория утверждает, что неологизмами следует признавать слова, именуемые новые реалии. Стилистическая теория делает акцент на маркированности новых лексических единиц, присущем им эффекте новизны. Представляет интерес также конкретно-историческая теория, согласно которой неологизм – это слово, значение слова или идиома, существующие в языке в конкретном временном отрезке и не существовавшие в данном языке в предшествующий период времени [4].

В неологии наблюдается также разнообразие терминов, используемых для обозначения новой лексики: *новообразование, необразование, неономинация, лексическое новшество, инновация* и др. Многочисленными являются и попытки типологизации неологизмов. Одной из наиболее удачных возможно считать классификацию, предложенную немецкими языковедами Р. Клаппенбах и В. Штайницем, выделяющими собственно неологизмы (к ним причисляются слова, впервые зафиксированные в немецком языке

ке), неологизмы-новообразования (слова, образованные путем новых сочетаний имеющих в языке словообразовательных средств), а также семантические неологизмы (новые значения, развившиеся у ранее существовавших в языке лексических единиц) [Приводится по: 4, с. 27].

В рамках настоящей статьи рассматриваются глагольные неологизмы немецкого языка 1991–2010 гг., зафиксированные в словаре Д. Штеффенс, О. Никитиной «Deutsch-Russisches Neologismenwörterbuch» [6]. Выбор глагольной лексики как материала исследования обусловлен следующими факторами: статистически в корпусе новой лексики преобладают имена существительные. Данный факт объясняется тем, что неологизмы в большинстве случаев являются именованиями новых объектов, явлений окружающей действительности. Глагольная лексика реже становится предметом изучения в трудах по лингвистике. Вместе с тем она является неотъемлемой и важной частью словарного состава языка и так же «реагирует» на изменения в социуме, обновляясь под воздействием внешне- и внутриязыковых факторов. Англоамериканизмы выбраны в качестве предмета исследования, поскольку заимствования такого рода активно пополняют словарный фонд немецкого языка в различных тематических областях, и их влияние на лексико-семантическую систему несомненно велико.

Представляют интерес не только структурно-семантические особенности заимствованных глагольных неологизмов, но и их место в словарном фонде современного немецкого языка. Учитывая временные рамки появления глагольных неологизмов и период времени, прошедший с момента их возникновения, возможно предположить, что основная их часть к настоящему моменту утратила новизну и вошла в корпус общепотребительной лексики.

В рамках работы используется ономаσιологический подход, согласно которому глагольные неологизмы будут рассмотрены в составе тематических групп.

В лексикографическом издании, послужившем источником фактического материала, зафиксировано в общей сложности 110 новых глагольных номинаций. Из них 67 являются английскими (англоамериканскими) заимствованиями.

Обращает на себя внимание численное преобладание лексических единиц, связанных с новыми коммуникационными технологиями, активно развивавшимися в интересующий нас период времени. Так, словарный состав немецкого языка пополнился номинациями из области компьютерной лексики: *mailen (emailen), anmailen, brennen, downloaden, klicken (anklicken, dopplklicken, sich verklicken), googeln (ergoogeln), scrol-len, surfen, updaten, upgraden, verlinken* и др. Перечисленные глаголы обозначают различные действия при работе с компьютером и сетью интернет и представляют собой в подавляющем большинстве случаев формальные заимствования. Данные номинации не нуждаются в переводе, поскольку являются, по сути, интернационализмами, получившими распространение не только в немецком, но и во многих других языках, включая русский.

Следует отметить также словообразовательную активность заимствованной глагольной лексики. Так, звукоподражательный глагол *klicken*, являющийся семантической калькой английского *to click* (нажимать на кнопку компьютерной мыши), в сочетании с приставкой *an-* приобретает значение «нажать на клавишу мыши с целью выбрать или выделить какой-либо объект», приставка *ver-* сообщает основе глагола значение «допустить случайную ошибку, манипулируя компьютерной мышью». Употребление *mailen* с приставкой *an-* изменяет значение исходного *mailen* на «связываться/контактировать с кем-либо по электронной почте» (ср. с нем. *j-n ansprechen, anlächeln*).

Обращает на себя внимание тот факт, что немецкому языку свойственно калькировать иноязычную лексику, образуя дублетные номинации из собственного инвентаря словообразовательных морфем: так, наряду с английским *downloaden* существует аб-

солютный синоним *herunterladen*. Вместе с тем заимствования, попавшие в лексико-семантическую систему языка-реципиента, в значительном количестве случаев развивают новые значения, становятся полисемичными. Так, глагол *upgraden*, заимствованный в значении «технически переоснащать и совершенствовать аппаратное или программное обеспечение компьютера», употребляется также для передачи смысла «повышать класс обслуживания в транспорте, отеле». Развитие исходного значения наблюдаем также у глагола *updaten*. Первоначальная семантика «устанавливать более актуальный, улучшенный вариант программного обеспечения» подверглась генерализации и обогатилась разговорным значением «делать что-либо более актуальным, соответствующим современным требованиям». Впоследствии данная номинация приобрела еще одно толкование, также маркированное в словаре как разговорное: «повышать уровень информированности, компетентности по какому-либо вопросу». В данном значении глагол употребляется как возвратный.

Рассматриваемый период времени связан не только с развитием и активным использованием компьютерной техники, но и с высокими достижениями мобильной телефонии, что не могло не отразиться на корпусе новой лексики. Так, немецкий язык обогатился англоамериканскими заимствованиями *roamen*, *skypen*, *simsen* (*smsen*, *SMSen*), *voipen*, *voten* и др. Новая лексика, тематически связанная с телевидением, представлена единичными примерами: (*sich*) *zappen*, *weiterzappen*, имеющими значение «переключать каналы с помощью пульта дистанционного управления». Возможно, столь незначительное количество новой лексики связано с меньшим количеством технических новаций в области телевизионной техники, а также возрастающей популярностью интернета и социальных сетей. Известно, что просмотр телепрограмм постепенно становится делом представителей среднего и старшего возраста, в то время как молодое поколение отдает предпочтение интернет-контенту.

Стремительно растущая значимость социальных сетей привела к появлению в корпусе немецких неологизмов многочисленных номинаций, относящихся к данной тематической области: *adden*, *bloggen*, *chaten*, *facebooken*, *hypen*, *podcasten*, *posten*, *taggen*, *texten*, *zutexten*, *twittern* и др. О популярности и широкой употребительности данной лексики свидетельствует тот факт, что глагол *twittern* стал призером традиционно проводимого в Германии конкурса «Слово года» в 2009 г. Словарь отмечает также наличие разговорного варианта данной номинации *zwitschern*. Данный звукоподражательный глагол очевидно созвучен оригиналу, кроме того, есть некое семантическое сходство общения в социальных сетях с легким непринужденным «чириканьем». Ср. с русским «чирикать», «начирикать» в значении «написать короткий текст незначительного содержания».

На примере глагольной номинации *texten* можно проследить не только словообразовательную, но и семантическую трансформацию. Так, в сочетании с приставкой *zu-* глагол приобретает негативно-оценочную семантику «постоянно говорить кому-л. что-л., утомлять кого-л. назойливыми разговорами».

Неоспоримым является факт протекания в языке, наряду с обновлением (неологизацией), также процессов устаревания (архаизации) лексики. Так, среди исследуемых глагольных номинаций устаревающей является *brennen* – семантическая калька английского *to burn* со значением «делать запись на оптический диск». Во время составления словаря глагол воспринимался как новый, однако за истекший период компактные диски практически утратили актуальность, современные компьютеры в большинстве своем более не снабжаются дисководом.

В словаре зафиксировано незначительное количество обозначений для занятий видами спорта, набравшими популярность в изучаемый период времени. Очевидно, речь идет о заимствовании новых реалий вместе с их названиями в английском языке: *inlines-*

katen (*skaten, bladen*), *kiteboarden* (*kiten*), *slacklinen* (*slacken*), *carven*, *wakeboarden*, *walken* и др. Следует отметить тенденцию к сокращению исходных номинаций, если они представляют собой сложные слова (ср. *inlineskaten* – *skaten*, *slacklinen* – *slacken*).

Далее рассмотрим глагольные номинации, не входящие в рамки перечисленных выше тематических групп, однако представляющие интерес с точки зрения отображения процессов и тенденций, характерных для германского общества в интересующий нас период. Так, глагол *containern* означает «доставать (обычно по ночам) из мусорных контейнеров продовольственных магазинов или рынков продукты с истекшим сроком годности в знак протеста против бездумного расточительства современного общества потребления». В немецком языке ему соответствует близкая по значению, но гораздо более образная номинация *müllfischen* (букв.: «выуживать мусор»). Глагол отображает «зеленую повестку» – стремление к осознанному потреблению и защите окружающей среды. Глагол *toppen* со значением «оказаться лучше кого-либо, занять лидирующие позиции» является калькой английского *to top* и является интернациональным. В русском языке понятия «топ», «топовый», «быть в топе» также актуальны и широко употребительны. Не менее известным является и глагол *tobben*, означающий «травить, выживать, изводить кого-либо». Первоначальное значение номинации в английском языке – «нападать на кого-либо, имея численное превосходство», в немецкой лексико-семантической системе у глагола наблюдается более узкое значение. Номинация *chillen* маркируется в словаре как принадлежащая к молодежному сленгу, хотя очевидно, что данная единица в настоящее время является общеупотребительной. Первоначальное значение «расслабляться под тихую музыку в специально оборудованных помещениях после интенсивных танцев на вечеринках в стиле техно» трансформировалось в более широкозначное «расслабляться, отдыхать». В настоящий момент глагол обозначает праздное времяпрепровождение, ничегонеделание. Широко употребительна также номинация *stalken*, значение которой имеет толкование «патологически, навязчиво преследовать определенного человека, докучать ему разными способами». Глагол *slamten* означает «участвовать в поэтическом состязании, в ходе которого эффектно декламируются литературные произведения собственного сочинения». Интересный случай трансформации семантики представляет собой глагольная номинация *scratchen*, имевшая первоначальное значение «выцарапывать надписи, рисунки на стеклянных или пластиковых поверхностях в общественных местах». В немецком языке образовалась новая семема – «извлекать акустические эффекты путем манипуляций с проигрываемыми пластинками (особенно в рэпе)». Глагол *piercen* употребляется в значении «прокалывать кожу и мягкие ткани на теле для ношения металлических украшений» и отражает модные тенденции. Представляет интерес также номинация *pampern*, имеющая разговорно-неодобрительный оттенок и метафорически-образно отображающая ситуацию, когда кого-либо опекают сверх меры, окружают заботой, помогают материально. Номинация является производной от известной марки детских подгузников *Pampers*.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в корпусе новой глагольной лексики в период с 1991 по 2010 гг. численно преобладают англоамериканские заимствования. Речь идет в подавляющем большинстве случаев о формальном заимствовании, в ходе которого реалии иной культуры перенимаются вместе с имеющимися в языке-доноре обозначениями. При переходе в немецкий язык глаголы подверглись частичной ассимиляции: приобрели суффикс инфинитива *-(e)n* и словоизменительную парадигму слабых глаголов. При этом орфография и нормы произношения остались англоязычными. Значительное количество исследованных единиц проявляет в языке-реципиенте словообразовательную активность, образуя новые номинации с помощью немецких отделяемых и неотделяемых приставок. Ряд глагольных новообразований развивает на основе первоначального новое значение (реже – два). Речь

идет о генерализации, специализации семантики, реже – о метафорическом или метонимическом переносе.

Для установления статуса рассмотренной в статье лексики были проанализированы соответствующие словарные статьи в словаре толковой лексики Duden. Ни одна из рассмотренных номинаций в настоящий момент не помечена как новая. Данный факт позволяет утверждать, что англоамериканизмы, заимствованные в немецкий язык в период с 1991 по 2010 гг., утратили статус неологизмов и стали либо частью общеупотребительной лексики, либо дополнили фонд немецкой сленговой лексики (в большинстве случаев речь идет о компьютерном или молодежном сленге).

Список литературы

1. Воронцова Ю.А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2(02). С. 111–114.
2. Катермина В.В. Новые тенденции в туристическом дискурсе (на материале английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 2(02). С. 95–99.
3. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов: Сб. статей. Л., 1978. С. 72–80.
4. Майер В.С. Лингвистические маркеры современности в социокультурной сфере (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2021.
5. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen, 2002.
6. Steffens D., Nikitina O. Deutsch-Russisches Neologismenwörterbuch, 2. überarb. Auflage. Mannheim, 2016.
7. Wörterbuch der deutschen Sprache Duden Online [Electronic resource]. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 28.04.2023).

* * *

1. Voroncova Yu.A. Neologiya i neologizmy // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 2(02). S. 111–114.
2. Katermina V.V. Novye tendencii v turisticheskom diskurse (na materiale anglijskih neologizmov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 2(02). S. 95–99.
3. Lopatin V.V. Suffiks'al'naya univervaciya i smezhnye yavleniya v sfere obrazovaniya novyh slov // Novye slova i slovori novyh slov: Sb. statej. L., 1978. S. 72–80.
4. Majer V.S. Lingvisticheskie markery sovremennosti v sociokul'turnoj sfere (na materiale nemeckogoazyka): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2021.

The Anglo-American borrowings in the corpus of the German verbal neologisms

The article deals with the linguistic specific features of the Anglo-American borrowings in the corpus of the German verbal neologisms and their status in the lexical and semantic system of the German language.

Key words: neology, neologism, neonomination, Anglo-Americanism, borrowing, assimilation of borrowings, onomasiological approach, lexical unit, verbal nomination.

(Статья поступила в редакцию 12.05.2023)

Н.В. ТИТАРЕНКО
Волгоград

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА**

Рассмотрены основные явления заимствований в лексической системе испанского языка, получившие широкое распространение на современном этапе его развития. Среди основных рассматриваются различные виды адаптации заимствований из английского и других языков, сокращения, в том числе заимствованные аббревиатуры. Уделяется внимание основному действующим фонетическим процессам, которые меняют облик лексической единицы в процессе ее адаптации.

Ключевые слова: *испанский язык, заимствования, адаптация, сокращения, аббревиатуры.*

В виду процессов глобализации в современном мире языковая ситуация представляет большой интерес и обширное поле для лингвистических исследований. Одной из проблем, традиционно часто обсуждаемой филологами и не теряющей своей актуальности, является вопрос заимствований [1, с. 111–114; 2, с. 95–99; 3, с. 90–93].

Испанский язык занимает одно из ведущих мест в мире по числу говорящих на нем людей. По данным на 26 октября 2022 г., представленным в ежегодном докладе Института Сервантеса [5], в настоящее время для 496,5 млн человек испанский является родным (6,3% мирового населения), что делает его вторым языком в мире по числу носителей. Кроме того, заявлено в докладе, что 24 млн насчитывает студенческое сообщество изучающих испанский язык.

Язык – глобальная система, система множества подсистем и мини-групп, факт, который, казалось бы, должен оправдывать сложность и практически невозможность к быстрым его изменениям. Однако, как утверждает Педро Альварес де Миранда, лексический пласт является в испанском языке самым объёмным, но при этом и самым динамичным [4], поскольку самые заметные изменения в языке происходят именно на лексическом уровне. Для сравнения приведем следующий факт: последнее издание словаря Королевской Академии испанского языка 2014 г. содержит 93 111 статей, а предпоследнее издание 2001 г. содержало 88 431 статью, т. е. количество статей возросло на 4 680 единиц, что составляет примерно 5%. Многие из добавленных в последнем издании статей дополнили уже существующие значения, но появилось и большое число новых единиц. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в эти цифры не входят лексические единицы, возникшие за последние годы, а также те, что еще не были официально признаны Академией.

Роль Интернета невозможно переоценить, она не ограничивается давно только лишь социальными сетями и развлекательными функциями. По данным Института Сервантеса, около 8,1% мирового интернет-сообщества пишет, читает, общается на испанском языке, что позволяет ему занимать третье место среди мировых языков [6]. Многие печатные издания полностью перевели свою деятельность в электронный формат. До сих пор нет ответа на вопрос, будет ли официально издана новая версия словаря испанского языка Королевской Академии. Ежегодно вносятся изменения в электронную версию, например, в 2021 г. было добавлено 33 347 modificaciones, т. е. своего рода из-

менений, что не всегда является новой лексической единицей, это могут быть морфологические, орфографические и иные правки.

Среди основных направлений развития лексического состава языка в первую очередь следует выделить заимствования. В настоящее время наибольшее число лексических единиц заимствуется из английского языка. Королевская академия испанского языка, основанная еще в 1713 г., всегда придерживалась общей политики неприятия иностранных слов, но противостоять этому становится все более сложно из-за все возрастающего влияния средств массовой информации в современном мире. Только за 2020 г. был добавлен 401 англицизм в электронную версию словаря. Под «англицизмами» Королевская академия испанского языка подразумевает иностранные слова и идиоматические выражения, происходящие из английского языка, которые используются в других языках. Среди заимствований из английского языка можно также выделить несколько тенденций. Все рассмотренные примеры взяты из Корпуса испанского языка и охватывают период с 2001 по 2020 г., орфография и пунктуация авторов сохранены.

Количество пришедших слов настолько велико, что представляется возможным создать тематические группы. Больше всего лексических единиц появляется в сфере технологий и Интернета (*smartphone, Ebook, wi-fi, backup, blog, meme, post, hater, Instagram, app, hashtag, internet, YouTube, youtuber, on-line, MP3, timer, Spotify, Netflix, Tik Tok, drone, tablet, robot, Twitter, e-mail* и др.): “*Este sencillito truco hará que tu smartphone sea ...*” – «Этот простой трюк сделает твой смартфон...»; “*Soy persona de ebook pero también de papel*” – «Я сторонник электронных книг, но и бумажных тоже»; “*el meme fue perdiendo gracia...*” – «Этот мем уже не такой смешной...»; “*Para ser hater no hay límites de edad...*” – «Среди хейтеров нет ограничений по возрасту...» (Здесь и далее перевод наш. – Н.Т.).

Кроме того, многие заимствованные лексические единицы в разговорном испанском связаны с телевидением и киноиндустрией (*spoiler, tráiler, remake, reality, fan, flash, celebrity, show, hit, pole dance, western, performance, single* и др.), едой (*muffin, bol/bowl, cupcake* и др.): “*¿Has visto el tráiler de la película...*” – «Ты видел(а) трейлер фильма...»; “*Revelan el mayor spoiler de Juego de Tronos*” – «Опубликовали самый важный спойлер “Игры Престолов”»; “*Este bol de desayuno con queso batido...*” – «Этот боул для завтрака со взбитым творогом...»; “*la mejor receta de cupcakes de zanahoria*” – «лучший рецепт морковных капкейков».

Обширную группу составляют лексические единицы тематики «мода» и «косметические средства» (*biquini, sneakers, midi, shorts, shopping bag, print, look, casual, push up, lifting, peeling, roll-on, aftersun, spa, espray* и др.) – “*Con la técnica ecoeprint puedes traspasar el color y la forma de las plantas a una tela y crear un bonito ecoestampado con tintes orgánicos.*” – «При помощи техники экопринт ты можешь перенести цвет и форму растений на ткань и создать красивый принт органическими чернилами».

В первую очередь, конечно, заимствуются слова, обозначающие новейшие предметы и явления, которые входят в обиход людей по всему миру одновременно со своим названием (*smartphone, meme, trailer* и др.).

Заимствования из других языков распространены в меньшей степени. Можно выделить единичные случаи заимствования терминов, связанных с модой (*culottes* из французского, *parka* пришла в испанский язык из русского, в котором, в свою очередь, тоже является заимствованием из алеутского), едой (*kimchi* из корейского, *matcha* из японского): “*Los culottes en tendencia para verano se llevan más anchos...*” – «Этим летом в моде кюлоты ещё шире, чем...»; “*las mejores Parkas para protegerte del frío*” – «лучшие парки, чтобы защититься от холода»; “*Si no quieres un kimchi extremadamente picante...*” –

«если ты не хочешь, чтобы кимчи был слишком острым...»; “...más de 5 tazas de matcha al día” – «...более 5 чашек матча в день». Тем не менее заимствования из других языков значительно уступают англицизмам и американизмам по степени распространенности в речи носителей испанского языка.

Следует заметить, что подавляющее большинство лексических единиц относится к неассимилированным заимствованиям, т. е. сохраняет свою оригинальную форму и не подвергается никаким изменениям: “¿Nos hacemos un selfie?” – «Давай сделаем селфи?» и др.

Большинство частично ассимилированных заимствований составляют слова, которые пока еще не изменили своего написания, но уже начали оформляться в соответствии с категориями, характерными для испанского языка: “Habitualmente Marta Torné luce una melena larga y lisa, por lo que con este look leonino resulta casi irreconocible” – «Обычно Марта Торне блистает гривой длинных и прямых волос, из-за чего в этом львином образе ее почти невозможно узнать». В данном примере определение стоит в постпозиции, характерной для грамматики испанского языка (на английский манер было бы *lion look*), в связи с чем англицизм *look* можно считать частично ассимилированным. Однако есть и примеры, когда слова начинают изменяться в написании по самым разным причинам (*bowl* – *bol*, *please* – *plis* и др.).

Ассимилированные заимствования полностью адаптируются к фонетическим, графическим и грамматическим нормам принимающего языка и ведут себя как исконно испанские слова. Например, “Por supuesto, la zona exterior es un sueño a la medida hollywoodiense con unos amplios y cuidados jardines...” – «Конечно, внешняя зона – это мечта голливудского размера с обширными и ухоженными садами...». В данном случае прилагательное *hollywoodiense* образовано в соответствии с нормами испанского словообразования, что дает нам право считать этот англицизм полностью ассимилированным испанским языком. Кроме того, подобные заимствования начинают участвовать в словообразовании в соответствии с испаноязычными словообразовательными моделями. Например, широко распространено образование глаголов от названия социальной сети либо другого феномена путем прибавления глагольных окончаний первого спряжения: *WhatsApp* – *wasapear*, *Google* – *googlear*, *Twitter* – *twitrear*, *chat* – *chatear*, *yoyear*, *coleguear* и т. п. (“no puedo ni wasapearte!!” – «Я даже не могу отправить тебе сообщение в WhatsApp!»).

Исконно испанской и от этого еще более значимой можно назвать тенденцию адаптации лексических единиц на фонетическом уровне. Еще в древнеиспанский период при переходе от народной латыни пиренейского варианта к кастильскому языку укрепилось появление протезы *e* в словах, начинающихся с *s* + **согласный** (подобных примеров можно привести много: *España*, *escuela*, *extraño*, *estado*, *esfera* и др.). Все современные заимствования в полной мере сохраняют данную тенденцию сначала в устной речи, а затем и в письменной, уже закрепленной правилами орфографии: *escúter*, *espat*, *espray*, *estand*, *estent*, *estriptis* и др. Следует заметить, что в разговорной речи носители испанского языка произносят иностранные слова (прежде всего речь идет об именах собственных) с подобной комбинацией звуков, следуя этой тенденции, т. е. делают протезу: *Steven Spielberg* – *Esteven Espielberg*, *Scarlett* – *Escarlett*, *Svetlana* – *Esvetlana* и др.

Однако интересен тот факт, что в некоторых исконно испанских словах с подобным сочетанием звуков действует обратная тенденция, а именно афереза – выпадение первого звука (*toy* от *estoy* и *stas* от *estás*). Подобным же образом действует и синкопа – выпадение звука из середины слова (*cansao* – *cansado*, *sentido* – *sentido*, *amargao* – *amargado* и др.). При передаче разговорной речи на письме, например, в сообщениях в

социальных сетях, также подобные процессы встречаются достаточно часто, особенно у представителей южных областей Испании и некоторых стран Латинской Америки.

Под влиянием некоторых особенностей интернет-дискурса, таких как высокая скорость набора текстов и демократизация языковых норм, закрепились в речи и вошли в язык различные сокращения. Некоторые из них представляют собой аббревиатуры, причем среди современных аббревиатур испаноязычной речи большое место уделяется сокращениям, заимствованным из английского языка (*lol, omg, ASAP* и др.): “*Lol esto es muy gracioso*” – “Лол, это очень смешно”; “*Revisa si los números son los correctos ASAP, gracias*” – “Проверь, правильные ли цифры как можно скорее, пожалуйста”.

Испанский филолог Худит Молина Барте в своей работе «*La evolución de la ortografía española desde los inicios hasta hoy*» («Эволюция испанской орфографии от истоков до наших дней») рассматривает также собственно испанские сокращения. Чаще всего в устной и письменной разговорной речи сокращения представлены апокопой (*cari* от *cariño*, *porfa/porfi* от *por favor*, *súper* от *supermercado*, *insti* от *instituto*, *cole* от *colegio* и др.) [7]: “*Me escuchas? – Sí cari, esta noche nos vemos...*” – «Ты меня слушаешь? – Да, (дорогой), этой ночью мы встречаемся...»; “*hay que ir al súper más cercano*” – «надо идти в ближайший супер(маркет)».

Не такой многочисленной и распространенной, но все же достойной упоминания можно назвать тенденцию калькирования при словосложении: *lifeguard – guardavidas, neblumo = niebla + humo* и др. Как считает Альварес де Миранда [4], подобные кальки хоть и ограничены локально, но все же в глобальном смысле отражают тенденцию испанского языка к заимствованиям разных типов и областей.

Таким образом, данное исследование в полной мере показывает основные тенденции, проявляющиеся в лексической системе современного испанского языка в процессе заимствования. Среди основных выделяются полная и частичная ассимиляция, сокращение, аббревиация. Глубинная фонетическая трансформация (протеза) находит свое выражение и на современном этапе развития испанской лексической системы.

Список литературы

1. Воронцова Ю.А. Неология и неологизмы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2. С. 111–114.
2. Катермина В.В. Новые тенденции в туристическом дискурсе (на материале английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 1(01). С. 95–99.
3. Липириди С.Х. Неологизмы в туристическом дискурсе (на материале английского языка) // Гуманитарные исследования. 2019. № 3(24). С. 90–93.
4. Álvarez de Miranda, Pedro. La evolución de la lengua española en el siglo XXI. Aproximación a algunas novedades [Electronic resource] // I Curso de Verano del Instituto Cervantes: «La evolución de la lengua española en el mundo», 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Rq4mnKXdaMA> (дата обращения: 08.06.2023).
5. El español sigue creciendo y roza los 500 millones de hablantes nativos, según el anuario 2022 del Instituto Cervantes [Electronic resource]. URL: https://www.cervantes.es/sobre_instituto_cervantes/prensa/2022/noticias/default_2022.htm (дата обращения: 08.06.2023).
6. El español: una lengua viva. Informe 2019 // Instituto Cervantes, 2019. [Electronic resource]. URL: https://www.cervantes.es/imagenes/File/espanol_lengua_viva_2019.pdf (дата обращения: 08.06.2023).
7. Molina Barthe J. La evolución de la ortografía española desde los inicios hasta hoy. Girona, 2016. [Electronic resource]. URL: <http://hdl.handle.net/10256/13318> (дата обращения: 08.06.2023).

1. Voroncova Yu.A. Neologiya i neologizmy // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 2. S. 111–114.

2. Katermina V.V. Novye tendencii v turisticheskom diskurse (na materiale anglijskih neologizmov) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo social'no-pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2023. № 1(01). S. 95–99.

3. Lipiridi S.H. Neologizmy v turisticheskom diskurse (na materiale anglijskogo yazyka) // Gumanitarnye issledovaniya. 2019. № 3(24). S. 90–93.

***The fundamental tendencies of borrowings in the lexical system
of the modern spanish language***

The article deals with the basic phenomena of the borrowings in the lexical system of the Spanish language, having become widespread at the modern stage of its development. There are considered the different kinds of the adaptation of the borrowings from the English and other languages and the reductions, including the borrowed abbreviations. The author underlines the basic current phonetic processes, changing the image of the lexical unit in the process of its adaptation.

Key words: *Spanish, borrowings, adaptation, reduction, abbreviations.*

(Статья поступила в редакцию 13.06.2023)

И.И. НАУМЦЕВ
Волгоград

**ОБРАЗНАЯ ДИХОТОМИЯ «ПОЛЕ» И «ВЕТЕР»
В ПОЭЗИИ Е. БЛАЖЕЕВСКОГО**

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей образов пространства в поэзии Е. Блажеевского на примере образов «поле» и «ветер», составляющих смысловую дихотомию, выявление семантики этих образов в контексте традиции русской поэзии.

Ключевые слова: *Блажеевский, пространство, топос, символика, дихотомия.*

В ряду пространственных образов, определяющих картину мира в русской поэзии, топос «поле» занимает особое место. В этом образе воплощение широты и простора, характерных для природы России. Н.А. Бердяев писал об этом: «От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя человек окруженным огромными пространствами и не страшно ему было в этих недрах России» [1, с. 64].

В творчестве русского поэта конца XX в. Е. Блажеевского топос поля становится одним из наиболее частотных и значимых. Исследователь Н.А. Панишева в статье «"На степных просторах Смерть кочует..."» (хронотоп степи и поля в поэзии А. Несмелова)» пишет: «...в русской лирике широкое поле обычно символизирует истинно счастливое бытие, свободу и гармонию» [4, с. 149]. В творчестве Е. Блажеевского образ «поле» имеет иную художественную семантику. Его широта воспринимается лирическим героем как нечто пугающее, мешающее добраться до цели, которая теряется в этих просторах. Стоит отметить, что в этом качестве пространство поля синонимично в поэзии Е. Блажеевского топосам степи и пустыни.

Топос поля у Е. Блажеевского часто сочетается с образом ветра, образуя устойчивую дихотомию. Это сочетание придает пространственному образу динамичность. К художественной семантике образа ветра в творчестве русских поэтов не раз обращались исследователи, что отмечено, в частности, в статье Н.И. Любимова «Образ ветра в художественно-философской концепции Н. Эмыкан» [см.: 3]. М.Н. Эпштейн в работе «"Природа, мир, тайник вселенной...": Система пейзажных образов в русской поэзии» пишет: «Ветер наиболее прямо передает чувство, вызываемое природой, ибо это – ее душа и дыхание, потому-то он сопровождается эпитетами, относящимися к состоянию души: сердитый, грустный, заунывный, жалобный, насмешливый» [5, с. 154]. В поэзии Е. Блажеевского образ ветра не только гиперболизирует понятие простора и свободы, но и вводит новое его значение – бесприютность, потерянность в пространстве и времени:

Беспечно на вещи гляди,
Забыв про наличие боли.
– Эй, что там у нас впереди?..
– Лишь ветер да поле.

Скитанья отпущены нам
Судьбой равнодушной, не боле.
– Эй, что там по сторонам?..
– Лишь ветер да поле.

И прошлое, как за стеной,
Но память гуляет по воле.
– Эй, что там у нас за спиной?..
– Лишь ветер да поле. [38]*

Бескрайние просторы в приведенном тексте выражают ощущение безысходности, бессмысленности любых действий со стороны лирического героя, который тем не менее находит, если не спасение, то «обезболивающее», нивелирующее это ощущение: «Беспечно на вещи гляди». Оглядываясь по сторонам, заглядывая в разные временные плоскости, он наблюдает одни и те же пейзажи, что невольно навеивает на него чувство тоски и безысходности. Ветер часто используется и как символ времени, которое подгоняет лирического героя в спину или ускользает из его рук. Таким образом возникает устойчивый хронотоп. Пространство, созданное образной парой «поле и ветер», является, в сущности, пустым, нежеланным, потому что найти в нем приют лирический герой не в состоянии. Таким образом, вместо привычных коннотаций образа поля как воплощения простора, свободы, гармонии, поле обретает смысл безысходного пространства, в котором лирический герой пребывает как узник, смилившийся со своей участью. Вероятно, что у Е. Блажеевского синтаксическая форма с союзом «да» в повторяющихся строках приведенного выше стихотворения содержит отсылку к мотивам пушкинского «Узника», герой которого желает сбежать «туда, где гуляем лишь ветер... да я!..».

Один из характерных для поэтики Е. Блажеевского прием – параллелизм. При этом восприятие мира природы в его лирике, как правило, пронизано тоской, разочарованием в жизни, переживаемыми лирическим героем. Именно эти чувства часто выражаются с помощью образной пары «поле и ветер». Поле при этом становится символом бескрайности печали, а ветер предстает холодным и гнетущим:

Когда идет вдоль сумрачных полей
Согбенною цепочкой велокресса
В затылок перелету журавлей,
Затылком к ветру - тонкая береза,
Когда гнетет какой-то грустный долг
И перед прошлым чувствуешь вину,
Когда проходит день, как будто полк,
Без музыки идущий на войну,
Когда вокруг пугает пустота
И кажется, что время убывает,
Когда в пространстве правит простота,
С которой холод листья убивает,
Когда в моем заплаканном краю
Веселый мир освистан и повергнут,
В такие дни я потихоньку пью
Остывший чай и горьковатый вермут... [150]

Негативные эмоции чаще всего связаны у поэта с осмыслением прошлого. Образы природного пространства создают целостное семантическое поле, которое становится проекцией переживаний лирического героя.

* Здесь и далее произведения Е. Блажеевского цитируются по изданию: Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. М., 2015. с указанием страницы.

Как уже было сказано выше, топосу природы противопоставляется антропогенное пространство. Элегическое настроение лирического героя, соотносимое с состоянием погоды, нивелируется в рамках локуса комнаты:

...Я в комнате своей сижу один,
Кренится дождь, уныл и бесконечен,
Толпится небо в прорези гардин,
Но все-таки приятен этот вечер
И память о подробностях лица,
Забьтого, как карточка в конверте...
А дождь идет, и нет ему конца,
И нет конца житейской круговерти. [150]

Образ поля в творчестве поэта чаще всего связывается с темным временем суток: вечером или ночью. Это обусловлено негативными мотивами пейзажа. Образ поля нередко наполняется в стихотворениях Е. Блажеевского танатологической семантикой. Это прослеживается, например, в поэтических строках:

...Где вечернего света пузырь
Темнотою окраин распорот,
И открывшийся разом пустырь
Объясняет, что кончился город,
Что пора прикусить удила
В этом поле и зябком, и жутком,
Где на мусорной свалке зола
Между нами легла промежутком,
За которым земной небосвод
Растворяется в призрачной бездне
И души одинокий исход
Обрывает и мысли, и песни.
И в тебе поселяется он -
Твой последний посредник в юдоли...
Что ему суета похорон
И сквозное январское поле!.. [178]

Отрицательную коннотацию здесь приобретают различные пространственные образы – это темные окраины, пустырь, «зябкое и жуткое» поле, мусорная свалка. Сама цветовая гамма стихотворения передает атмосферу безысходности – разглядеть выход не получается. Природные топосы снова противопоставлены антропогенным – урбанистическим: если пространство города еще «борется» с темнотой с помощью «вечернего пузыря света», то пустырь за городом погружен в ночь, а поле – «зябкое» и «жуткое». Стоит также обратить внимание на эпитет «сквозное», который вновь имплицитно связывает образ поля с образом ветра. Печаль и тревожность, неустроенность судьбы и ускользающее время жизни – все это лирический герой проецирует на образы природы. Примечательно, что он либо уже осознает себя находящимся в рамках топоса поля как бескрайнего простора печали, тоски, неудовлетворенности, либо попадает в него со временем, пусть даже мысленно:

Опустело вокруг, и такая большая печаль
В эту пору распада, расхода, разлета, разъезда...
Мой возница, ругнувшись, нажал тормозную педаль,
Заработали «дворники», веером сдвинули грязь,
И тогда я увидел за черной чертой переезда,
Что тоскуют поля и судьба не совсем удалась... [241]

Поле как часть природы в этих строках отделяется от городского топоса четкой границей: «черта переезда», или ранее – «...на мусорной свалке зола // Между нами

легла промежутком». В третьем из венка сонетов «Осенняя дорога», процитированном выше, дорога до переезда является частью города, цивилизации. Однако в обоих случаях два «мира» разделяются непременно границей и непременно черного цвета. Во втором стихотворении этого же венка сонетов снова появляется образ ветра, связанный с глубокой рефлексией и осмыслением скоротечности жизни:

Беспощадное время и ветер гуляют по роще.
Никому не дано этой жизнью насытиться властью,
И судьба на ветру воробьиного клюва короче. [240]
И далее:
На осеннем ветру мир туманен, суров и немолод.
Жизнь запряталась в шкуры, в берлоги, за стекла теплиц.
Подворотнями мается мучимый слякотью холод,
И небесное бегство закончили выводки птиц. [241]

Использование образной пары «поле и ветер», как правило, связано в поэзии Е. Блажеевского с определенным временем года – осенью (реже – зимой). Осенние пейзажи используются поэтом не только в качестве декораций. Они, в соответствии с жанровой традицией элегии, становятся выражением меланхолических дум лирического героя, как бы усиливая уже имеющиеся интенции.

В заключение можно отметить, что сочетание образов «поле» и «ветер» обретает в поэтическом творчестве Е. Блажеевского характер устойчивой смысловой дихотомии, отражающей значимые грани мировосприятия поэта.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой // Н.А. Бердяев. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 62–68.
2. Блажеевский Е.И. Письмо: по праву памяти / под ред. Е.Л. Бершина. М., 2015.
3. Любимов Н.И. Образ ветра в художественно-философской концепции Н. Эмыкан [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. 2021. № 3(156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vetra-v-hudozhestvenno-filosofskoy-kontseptsii-n-emykan> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Панишева Н. А. «На степных просторах Смерть кочует...» (хронотоп степи и поля в поэзии А. Несмелова) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 147–150.
5. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990.

* * *

1. Berdyaev N.A. O vlasti prostranstv nad russkoj dushoj // N.A. Berdyaev. Sud'ba Rossii. Opyt po psihologii vojny i nacional'nosti. M., 1990. S. 62–68.
2. Blazheevskij E.I. Pis'mo: po pravu pamyati / pod red. E.L. Bershina. M., 2015.
3. Lyubimov N.I. Obraz vetra v hudozhestvenno-filosofskoj koncepcii N. Emykan [Elektronnyj resurs] // Ogaryov-Online. 2021. № 3(156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vetra-v-hudozhestvenno-filosofskoy-kontseptsii-n-emykan> (data obrashcheniya: 10.06.2023).
4. Panisheva N. A. «Na stepnyh prostorah Smer' kochuet...» (hronotop stepi i polya v poezii A. Nesmelova) // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 10. S. 147–150.
5. Epshtejn M.N. «Priroda, mir, tajnik vselennoj...»: Sistema pejzazhnyh obrazov v russkoj poezii. M., 1990.

***The figurative dichotomy of “field” and “wind”
in the poetry of e. Blazhevsky***

The aim of the article is to consider the peculiarities of the images of the space in the poetry by E. Blazhevsky at the example of the images of “field” and “wind”, compiling the semantic dichotomy, and the revealing of the semantics of these images in the context of the traditions of the Russian poetry.

Key words: *Blazhevsky, space, topos, symbolics, dichotomy.*

(Статья поступила в редакцию 08.08.2023)

Н.А. КРАСАВСКИЙ
Волгоград

**О КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ТРИАДЫ
«ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ» (рецензия на монографию Седых
А.П. «Язык, культура, коммуникация: французский мир». – Белгород,
ООО «Эпицентр», 2022. 152 с.)**

На рубеже конца 80-х и начала 90-х гг. прошлого века в нашей лингвистике наметилась тенденция антропоцентрического подхода к изучению языка [2; 3; 5; 9], окончательно оформившаяся позже в качестве таких максимально пересекающихся друг с другом направлений, как лингвокультурология, лингвоконцептология и аксиологическая лингвистика [1; 6; 7, с. 25–33; 8; 10]. Указанный период времени в истории российской лингвистики можно охарактеризовать как отказ филологов от имманентной, замкнутой на себе языковой парадигмы и как активное расширение самого объекта филологических изысканий до уровня известной триады «язык – сознание – культура», интенсивно и продуктивно изучаемой в последние два десятилетия (подробнее см.: [4, с. 4–13]). А.П. Седых, обращаясь к основным этапам развития отечественной лингвистики, справедливо замечает: «На смену интерпретативному подходу, доминирующему в лингвистике конца XX века, приходит когнитивно-коммуникативная парадигма знаний. Данный исследовательский подход основывается на признании антропоцентричности и экспансии лингвистического анализа, на рассмотрении языка и речи в динамике их взаимодействия в процессе коммуникации» (с. 4). Антропоцентрически ориентированная лингвистика, изучающая человека в языке и язык в человеке, содержательно обогатила не только филологию, но и многие сопряженные с ней гуманитарные и социальные науки. Ее развитие оказалось интенсивным и продуктивным.

В рецензируемой монографии ставится и успешно решается задача комплексного описания функционирования взаимосвязанных и обуславливающих друг друга феноменов – языка, культуры и коммуникации. Эмпирической базой исследования являются, главным образом, французский язык, французская лингвокультура. При этом к анализу привлекаются достаточно часто и языковые факты иных лингвокультур (в частности, русской). Кросс-культурный акцент в описании материала автору книги необходим для выявления ряда специфических черт «французского мира», французской ментальности.

В первой главе книги «Язык как феномен культуры» основательно и подробно рассматриваются «факты языка» и «факты культуры» в их диалектическом единстве, подчеркивается их взаимосвязь и взаимозависимость. Описание языка в культурологическом и коммуникативно-деятельностном аспектах предполагает рассмотрение базового терминологическо-понятийного аппарата таких парадигм знания, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, коммуникативная лингвистика, в целом теория коммуникации.

Основные понятия, на которых сосредоточено внимание А.П. Седых, – это «языковая личность», «языковое поведение», «коммуникативное поведение», «картина мира», «национальная культура». Они детально автором описаны в главе. При этом, однако, в ряде случаев, на наш взгляд, недостаточно четко проведены разграничительные линии некоторых онтологически близких понятий. Так, на с. 8 А.П. Седых полагает, что термины «языковое поведение» и «коммуникация» по своей сути идентичны: «Термин “языковое поведение” позволяет объединить статическую, динамическую и дидактическую ипостаси языка. В этом смысле можно рассматривать категории “коммуникация” и “языковое поведение” как тождественные понятия». Нам представляется, что понятие «коммуникативное поведение» по содержательному объему ближе понятию «коммуникация», чем понятие «языковое поведение».

Интересны наблюдения А.П. Седых о роли мифов, формирующих, по его мнению, «национальное культурологическое поле коммуникации, в основе которого лежит специфическая шкала ценностей. Высказывания строятся с использованием национального языка, который сам является частью мифа, мифа об этнической принадлежности» (с. 11). Автор отстаивает точку зрения, согласно которой миф – это продукт реализации архетипов. При этом А.П. Седых в качестве аргументативной базы приводит архетип «мужское-женское», делая следующий вывод – «...для русского символического пространства ключевой является фигура Матери, тогда как для французского – фигура Отца» (Там же). К сожалению, автор монографии предлагает ограниченный материал как доказательство в пользу признания своей точки зрения. Проблеме архетипов в книге можно было бы уделить значительно больше внимания.

Заслуживают внимания выявленные автором книги наблюдения в отношении этнокультурной специфики речевого поведения французов и русских (с. 21). Этнокультурные различия компактно представлены в таблице, которая сопровождается соответствующим комментарием. Так, например, для русских характерна большая конкретность и предметность в выборе лексики, а у французов относительно абстрактный и образный характер лексики. Русские допускают резкость в стратегиях ведения диалога, в то время как французы корректны в выборе диалогических реплик. Не подвергая серьезно сомнению сделанные А.П. Седых выводы, хотелось бы указать при этом на необходимость учета социально-профессионального фактора. Вряд ли российский профессор окажется более резок при ведении диалога со студентом, чем обладающий менее высоким социальным статусом французский уборщик мусора. Речевые высказывания, их модальность во многом зависят от социального положения человека. Понятно, что при проведении кросс-культурных сопоставлений автор книги имел в виду среднестатистического русского и француза.

Не менее содержательна и вторая глава монографии «Национальная культура и модусы коммуникации». В ней, как следует уже из самого названия, автор фокусирует внимание читателя на речевом общении. В данном разделе книги рассмотрена когнитивно-коммуникативная категория этнокультурности, описаны аксиологические параметры коммуникации (преимущественно французов), предлагаются ее прагматические характеристики и типология межкультурного взаимодействия.

Значительное место в главе занимает обсуждение проблемы национального риторического идеала (§ 2.1.). Безусловно верно замечание А.П. Седых о том, что национальный риторический идеал тесно связан с национальным характером, с «его идеальными представлениями об оптимальном типе собеседника» (с. 39. – Курсив наш. – Н.К.). В приведенной цитате нам ключевым видится определение «идеальные», поскольку названные ниже «этнокультурные тенденции коммуникативного поведения французов» (с. 40) не есть факт, но, скорее всего, этикетные требования к собеседникам. В моно-

графии выделены следующие базовые характеристики французского коммуникативного поведения: 1) отношение к норме (имеются в виду нормы этикета, их строгое соблюдение); 2) отношение к свободе общения («француз этикетно несвободен, скован стилистическими рамками, смешение коммуникативных стратов не допускается»); 3) отношение к искренности в разговоре («для француза разговор это игра, в определенном смысле театр с распределенными заранее ролями и сценарием, исключая отступления от “текста”, русский “разговор по душам”, выражение неперебиваемое на французский язык, француз скорее поймет как “плакаться в жилетку”»); 4) отношение к индивидуальному статусу (имеется в виду высокая степень индивидуализма французов); 5) толерантность (французы корректны и терпимы в общении) (с. 40–41). Приведенные выше характеристики французского коммуникативного поведения, как представляется, могут быть экстраполированы далеко не на все страты французского социума. Полагаем, что этими характеристиками можно описать, к примеру, англичан, по крайней мере, их значительную часть с высоким образовательным цензом.

Убедительно в рецензируемой работе показана специфика французской системы цветообозначений и жестового языка. В главе много интересного лингвистического и этнографического материала, квалифицированно прокомментированного. Однако некоторые результаты наблюдений А.П. Седых вызывают на эмпирическом уровне возражения. Так, в частности, дискутируя вопрос русского коммуникативного поведения в гендерном аспекте, автор утверждает, что русские мужчины целуют женщинам руки «довольно часто и не только на официальных приемах» (с. 53). Есть большие сомнения в поцелуях рук женщинам мужчинами в России, по крайней мере, в современной России.

В третьей главе «Язык и культура – медиаторы коммуникации» автор во главу угла ставит проблемы межкультурной коммуникации, что, безусловно, актуально как в теоретическом, так и в прикладном отношении.

Характеризуя французское коммуникативное поведение, А.П. Седых замечает, что для французов, в отличие от русских, важно не только «содержание высказывания, но и его форма и соответствие коммуникативной ситуации» (с. 95). Автор, опираясь на исследовательский материал, делает вывод: «Различия между культурами и их оценка проявляются, прежде всего, в “инструментах” коммуникации, которые используются в межличностном (межкультурном) общении. Способы национальной коммуникации ориентированы не только на получение информации, но и на ее “фильтрование” в русле этнокультурных приоритетов коммуникативного кода» (Там же).

В этом же разделе книги А.П. Седых достаточно подробно останавливается на вопросе коммуникативных неудач и помех в общении между представителями разных лингвокультурных сообществ. Автором называются основные причины неуспешной коммуникации членов разных этносов. В числе этих причин этноцентричность мировидения представителей разных социумов, пространственные параметры общения (особенности моделей поведения в определенных местах пребывания коммуникантов). В главе «Язык и культура – медиаторы коммуникации» читатель найдет много интересных и тонких наблюдений автора монографии.

Книга А.П. Седых концептуально развивает основные положения когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и в целом теории коммуникации. Результаты монографии найдут применение в теоретических курсах языкознания, межкультурной коммуникации, лингвострановедения, в спецкурсах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Поздравляем Аркадия Петровича Седых с изданием монографии, которая, вне сомнения, найдет широкую читательскую аудиторию!

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концепты Германа Гессе: учеб. пособие. Волгоград, 2015.
5. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
6. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб. пособие. М., 1997.
7. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 25–33.
8. Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов): монография. М., 2004.
9. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988.
10. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

* * *

1. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M., 1999.
2. Karasik V.I. Yazyk social'nogo statusa. M., 1992.
3. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M., 1987.
4. Krasavskij N.A. Individual'no-avtorskie koncepty Germana Gesse: ucheb. posobie. Volgograd, 2015.
5. Krysin L.P. Sociolingvisticheskie aspekty izucheniya sovremennogo russkogo yazyka. M., 1989.
6. Maslova V.A. Vvedenie v lingvokul'turologiyu: ucheb. posobie. M., 1997.
7. Postovalova V.I. Lingvokul'turologiya v svete antropologicheskoy paradigmy (k probleme osnovanij i granic sovremennoj frazeologii) // Frazeologiya v kontekste kul'tury. M., 1999. S. 25–33.
8. Sedyh A.P. Yazykovaya lichnost' i etnos (nacional'no-kul'turnye osobennosti kommunikativnogo povedeniya russkih i francuzov): monografiya. M., 2004.
9. Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie. M., 1988.
10. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. M., 1997.

Considering the issue of the cognitive and communicative approach to the study of the triads “Language, culture, communication” (review of the monograph of Sedykh A.P. “Language, culture, communication: the French world”. – Belgorod, Publishing house: Epicenter Limited Liability Company, 2022. 152 p.

(Рецензия поступила в редакцию 08.05.2023)

В.И. КАРАСИК
Москва

КОММУНИКАЦИЯ КАК ТВОРЧЕСТВО: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ХАРЧЕНКО В.К. «ЯЗЫК РУКОВОДИТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ, ИЛИ “ТАНЦЫ ПОД ДОЖДЕМ”»: МОНОГРАФИЯ (М.: Изд-во ИНФРА-М, 2023. – 148 с.).

Одни книги достаточно просмотреть, другие требуют медленного чтения, а третьи вовлекают в диалог с автором и не отпускают читателя. К последним относится новая монография известного российского лингвиста, доктора филологических наук, профессора Веры Константиновны Харченко. *

В книге рассматривается широкий круг вопросов культуры общения, состояния нашей современной коммуникативной среды, формирования языковой личности лидера общественного мнения. Автор ведет живой разговор с читателем о филологическом знании в современную эпоху. Не случайно в фокусе обсуждения находится руководитель социальной группы, поскольку в наше время сетевой дискурс становится доминирующим способом влияния и самовыражения.

Монография включает введение, 22 главы и заключение. Тематика обсуждаемых проблем весьма актуальна. Это современная риторика («Риторика внутри нас»), язык молодежи («Молодежное правительство как социальная проблема», «Быть с ними», «Слышать их», «Язык их лидера»), эффективные способы воздействия («Колдовство интонации», «В поисках метафор», «Заговори, чтобы я тебя увидел»), профессионализм в коммуникации («Как становиться профессионалом», «Какие действия могут быть», «Тайные образцы») и другие темы, которые находятся в центре интересов как лингвистов, так и представителей смежных областей знания – журналистики, психологии, социологии и философии.

Заслуживают внимания рассуждения автора о внутренней речи, или аутокоммуникации. Предлагается выделить три функции: «защитную (разрядка, релаксация, снятие стресса, приспособление к постоянно меняющимся ситуациям жизни), аутосуггестивную (поощряющую, побудительную, стимулирующую, вдохновляющую) и креативную, творческую, поскольку любое творчество – это творчество изнутри». Такой подход является оригинальным развитием идей М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, А.Н. Соколова и других исследователей. В книге сформулированы принципы такой внутренней речи: формульность, метафоричность, драматизм, злободневность, потаенность, насыщенность и ретроспективность. Справедливо отмечено, что в наши дни «наблюдается отнюдь не дефицит юмора, а нехватка высокого стиля, в том числе и в процедуре внутреннего нашего говорения» (с. 12). Очень важен следующий тезис автора: «От богатства внутреннего языка зависит степень идентификации личности».

Требуют осмысления отмеченные в книге болевые точки в самосознании молодых людей – стремление к достижению успеха в начале пути, существенный разрыв во взаимопонимании с представителями старшего возраста, избегание одиночества. Эти моменты находят множественное и вариативное выражение в социальных сетях и ежедневном общении наших молодых и старших современников.

В книге приводится множество запоминающихся цитат. Например:

* Харченко В.К. Словарь богатств русского языка: около 7000 единиц. М., 2006.

Харченко В.К. О языке, достойном человека. Учебное пособие для самостоятельной работы по курсу «Русский язык и культура речи». М., 2010.

Харченко В.К. Функции метафоры. М., 2016.

Харченко В.К. Язык настроения: Монография. М., 2022.

«Когда мне было 5 лет, мама всегда твердила мне, что самое важное в жизни быть счастливым. Когда я пошел в школу, меня спросили, кем я хочу стать, когда вырасту. Я написал “счастливым”. Мне сказали: “Ты не понял задание”, а я ответил: “Вы не поняли жизнь”» (Джон Леннон) (с. 23). Стержневая идея книги выражена в изречении древнеримского политика и писателя, вынесенном в заглавии монографии: *«Жизнь не для того, чтобы ждать, когда стихнет ливень. Она для того, чтобы научиться танцевать под дождем»* (Марк Порций Катон).

Автор уделяет должное внимание особенностям молодежного языка. Речь многих наших молодых современников экспрессивна, часто эпатажна и, к сожалению, часто насыщена обценными выражениями. Следует признать, что молодежи всегда было свойственно стремление противопоставить свою групповую идентичность людям старшего возраста. Вместе с тем филологи должны не только критически анализировать определенное падение культурного уровня в поведении девушек и юношей, но и предлагать профессиональные способы решения этих проблем. Обсуждение таких способов составляет значительную часть книги. В частности, это касается культуры рассуждений. Говоря о том, для чего человек не просто говорит, а рассуждает, В.К. Харченко утверждает, что это нужно нам для популяризации слабо артикулированных мыслей, для формулировок внутренних лозунгов и для коррекции коллективного бессознательного.

Эта монография несомненно привлечет внимание специалистов, изучающих особенности разговорной речи. В книге отмечены следующие характеристики разговорной речи: оригинальность, цитатность, позитивность. Филологи, исследующие проблемы прагматической лингвистики, обратят внимание на аргументы автора, высказанные по поводу интонации в общении. Интересны описания коммуникативного поведения тех, кто является лидерами общественного мнения. Приводится множество примеров, показывающих, насколько значимыми оказываются те метафоры, которые являются концентратом смысла. Например:

«Врата унижения. Кембриджский университет основан в давнем 1209 году. Арочные ворота символизируют путь студента, и надо пройти три арки. Вторая арка “Врата добродетелей”, третья арка “Врата почестей”, ведущие из колледжа к зданию сената, где присуждаются ученые звания. А самая первая арка называется “Врата унижения”. Не с этого ли начинается путь к почестям, что заметили еще в далеком 1209 году?» (с. 61).

В книге приводится множество оригинальных и – подчеркнем, лингвистически релевантных – способов повысить творческий потенциал учащихся. Таковы, например, синквейны – заимствованные из японской поэзии речевые образования из пяти строк, в первой дано одно слово, имя существительное, определяющее тему высказывания, во второй строке приводятся два прилагательных, раскрывающих эту тему, в третьей следует указать три глагола, уточняющих тему, в четвертой нужно привести фразу, показывающую отношение к теме, и в пятой появляется слово-резюме. Например: **Бабочка. / Легкая, красочная. / Порхает, удивляет, улетает. / Появляется из обычной гусеницы. / Насекомое.**

Автор цитирует классика нашей науки: «Как говорил Потебня, никогда не знаешь, какое знание понадобится филологу. Искусство филолога – это искусство проникновения в текст. Смысл филологии не в том, чтобы познать непознанное, а в том, чтобы познать познанное» (с. 72).

Убедительны названные в книге базовые установки, которые характеризуют профессионализм в творческой деятельности человека, работающего с текстом: профессиональная направленность, количество вложенного труда, растворение себя в творчестве, новизна приемов, вера в то, что никакая работа не пропадет, количество созданного, строгое отношение к главному инструменту – слову (с. 101–104).

Рецензируемая книга безусловно заслуживает прочтения.

*Communication as creativity: the review of the book of Kharchenko V.K.
“The language of the head of the social group or “Dancing in the rain””:
monograph (Moscow: Publishing house: INFRA-M, 2023. 148 p.).*

(Рецензия поступила в редакцию 10.08.2023)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Айдарбекова
Алия Сарыбаевна* – преподаватель кафедры филологии, университет имени Жумабека Ахметулы Ташенева. E-mail: aid.aleka@mail.ru
- Аляева
Лилия Сергеевна* – аспирант кафедры языкознания, ассистент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com
- Бобырева
Екатерина Валерьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: new_life@mail.ru
- Богомазова
Виктория Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: v.bogomazova@rambler.ru
- Ван Цзиньлин* – доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков, директор института международных связей, Чанчуньский университет. E-mail: elizaveta@163.com
- Гулинов
Дмитрий Юрьевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: satellite74@yandex.ru
- Гуляева
Марианна Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: maryilya@yandex.ru
- Зиминая
Наталья Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nataliasimina@yandex.ru
- Ибраимова
Гульсайра Озгонбаевна* – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой переводоведения ИМиЛ, Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева. E-mail: gulsara25089@yandex.ru
- Ионова
Татьяна Анатольевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: Ionowa.tatiana@yandex.ru
- Кабак
Валерия Юрьевна* – старший преподаватель кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: profesoravaleriya@gmail.com
- Карасик
Владимир Ильич* – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: vkarasik@yandex.ru

- Коробкина
Наталья Игоревна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natik-lion88@yandex.ru
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Кулешова
Полина Павловна* – E-mail: lndsxrose@mail.ru
- Куцевалова
Анастасия Валерьевна* – ассистент кафедры немецкой филологии, Кубанский государственный университет. E-mail: kucevalova1304@gmail.com
- Наумцев
Иван Игоревич* – ассистент кафедры литературы и методики ее преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: naumcev1998@mail.ru
- Пименова
Марина Владимировна* – доктор филологических наук, ректор, Международный гуманитарный университет им. П.П. Семёнова – Тяньшанского. E-mail: MVPimenova@yandex.ru
- Рябух
Арина Вадимовна* – ассистент кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: ryabukh.98@mail.ru
- Сюй Лэ* – E-mail: elizaveta@163.com
- Титаренко
Наталья Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: natalia-v-titarenko@yandex.ru
- Уваров
Андрей Алексеевич* – аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: auvarov2008@gmail.com
- Федоров
Федор Дмитриевич* – ассистент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: hello672137@mail.ru
- Ханова
Анна Андреевна* – старший преподаватель кафедры китайского языка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. E-mail: hanova94@mail.ru
- Храмушина
Ольга Сергеевна* – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; преподаватель кафедры русского языка и социально-культурной адаптации, Волгоградский государственный медицинский университет. E-mail: hramushina.olga.angel@mail.ru
- Чжан Цзысин* – E-mail: elizaveta@163.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Aliya Aydarbekova* – Lecturer, Department of Philology, Zhumabek Akhmetuly Tashenev University, E-mail: aid.aleka@mail.ru
- Anastasiya Kutsevalova* – Assistant, Department of German Philology, Kuban State University, E-mail: kucevalova1304@gmail.com
- Andrey Uvarov* – Post Graduate Student, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: auvarov2008@gmail.com
- Anna Khanova* – Senior Lecturer, Department of Chinese Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: hanova94@mail.ru
- Arina Ryabykh* – Assistant, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: ryabukh.98@mail.ru
- Dmitriy Gulinov* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: satellite74@yandex.ru
- Ekaterina Bobyreva* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: new_life@mail.ru
- Fedor Fedorov* – Assistant, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: hello672137@mail.ru
- Gulsayra Ibraimova* – PhD (Philology), Head of the Department, Kyrgyz State University named after I. Arabayev, E-mail: gulsara25089@yandex.ru
- Ivan Naumtsev* – Assistant, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: naumcev1998@mail.ru
- Liliya Alyaeva* – Post Graduate Student, Department of Language Studies; Assistant, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: liliya.alyaeva@gmail.com
- Marianna Gulyaeva* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: maryilya@yandex.ru
- Marina Pimenova* – Advanced PhD (Philology), Rector, International Humanitarian University named after P.P. Semenov – Tyan-Shansky, E-mail: MVPimenova@yandex.ru
- Nataliya Titarenko* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natalia-v-titarenko@yandex.ru
- Nataliya Zimina* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nataliasimina@yandex.ru

- Natalya Korobkina* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: natik-lion88@yandex.ru
- Nikolay Krasavsky* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Olga Khramushina* – Post Graduate Student, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Lecturer, Department of Russian Language and Social and Cultural Adaptation, Volgograd State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, E-mail: hramushina.olga.angel@mail.ru
- Polina Kuleshova* – E-mail: lndsxrose@mail.ru
- Tatyana Ionova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: Ionowa.tatiana@yandex.ru
- Valeriya Kabak* – Senior Lecturer, Department of Romance Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: profesoravaleriya@gmail.com
- Victoriya Bogomazova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, E-mail: v.bogomazova@rambler.ru
- Vladimir Karasik* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of General and Russian Language Studies, Pushkin State Russian Language Institute, E-mail: vkarasik@yandex.ru
- Wang Jinling* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Slavic Languages, Head of the Institute of International Links, Changchun University, E-mail: elizaveta@163.com
- Xu Le* – E-mail: elizaveta@163.com
- Zhang Zixing* – E-mail: elizaveta@163.com

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

С.Г. Воркачѳв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

О.А. Кравченко, д-р филол. наук, доц. (Донецк)

Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии